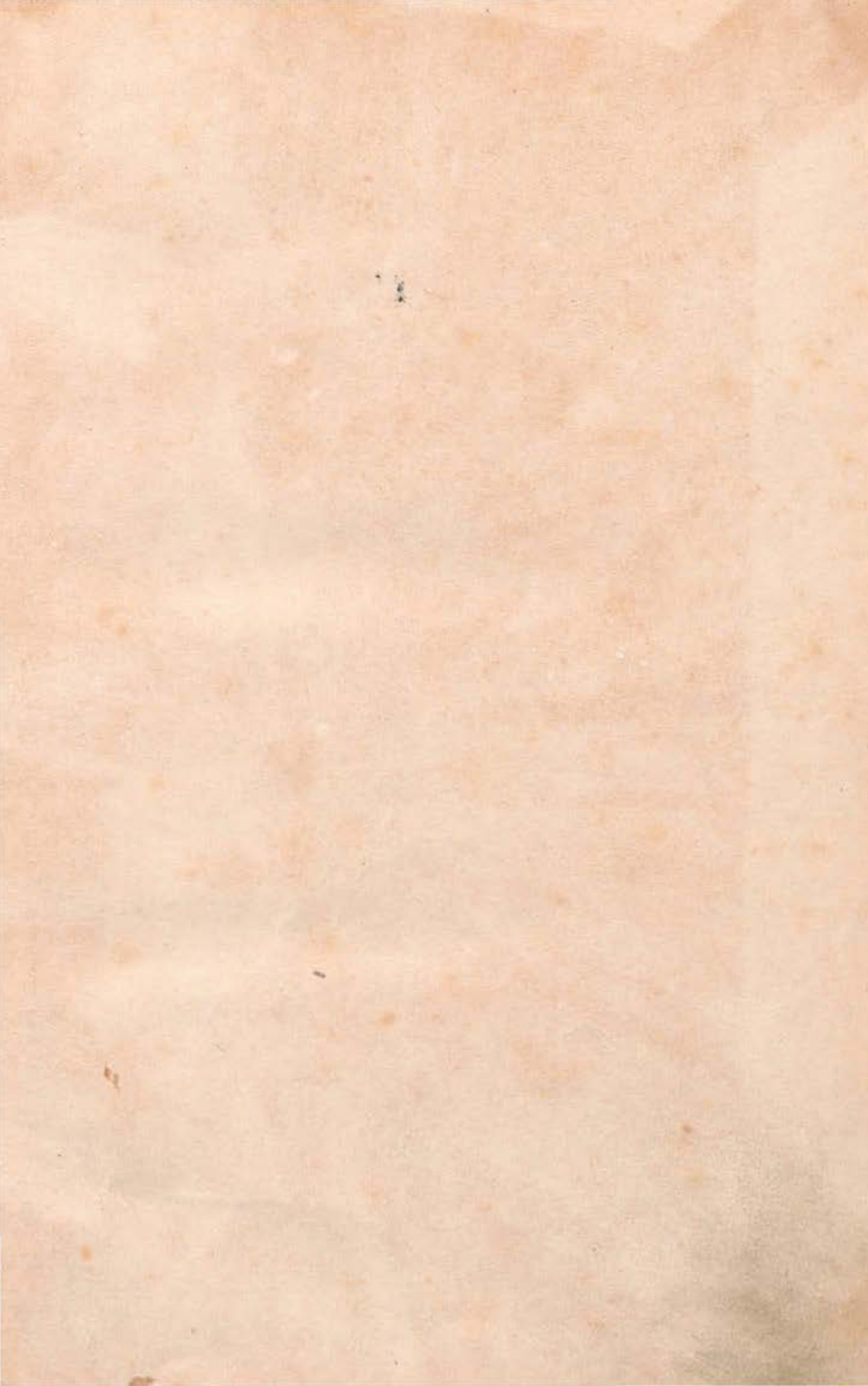

U 386
215

~~0~~
~~10825~~

U $\frac{386}{215}$

U 386
215

92

БЫТЬ СТУДЕНТОВЪ

ВЪ ГЕРМАНИИ.

ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ

Л. МОДЗОЛЕВСКАГО.

«Es bildet sich ein Talent in der
Stille, — doch ein Character in
dem Strom der Welt».

Kant.

СЪ 10-Ю РИСУНКАМИ И. И. ЛЕБЕДЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1865.

Дозволено Ценсурою. С.-Петербургъ. 12 ноября 1864 года.

2073846

2007097330

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

П И Р О Г О В У.

СЪ ЧУВСТВОМЪ ГЛУБОЧАЙШАГО УВАЖЕНІЯ

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

ЕТО ПЕРВООДНІЛІСТЬ

НИКОЛА БРАВОРИ

ПЕРВОТ

СВ. ПЕРВОТНОЕ ПЕРВОТНОЕ ПЕРВОТНОЕ

НИКОЛА БРАВОРИ

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,

Николай Ивановичъ!

Рѣшаясь отдать на судъ моихъ соотечественниковъ этотъ слабый трудъ, я осмѣлился украсить его Вашимъ высокочтимымъ именемъ.

Не знаю, простите-ли Вы мнѣ эту смѣлость, которая можетъ быть справедливо объяснена единственно тѣмъ, что Ваши искреннія, просвѣщенные бесѣды, Ваши свѣтлыя идеи и гуманныя воззрѣнія глубоко запали мнѣ въ душу, что время моего знакомства съ Вами составило для меня одно изъ самыхъ отрадныхъ воспоминаній не только изъ моей заграничной, но и изъ всей моей жизни, — и я не нашелъ другаго способа выразить чувство моего глубочайшаго уваженія къ Вамъ и сердечной признательности за все, что Вы сдѣлали для моего образованія.

Свободное, но неотразимое вліяніе Вашей личности останется неизгладимымъ во мнѣ всюду, во всемъ и всегда: это — моя лучшая надежда.

Л. М.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Цѣль, съ которою я поѣхалъ въ Германію, за-
ставила меня провести болѣе двухъ лѣтъ въ малень-
кихъ университетскихъ городкахъ, и такимъ образомъ
я былъ поставленъ въ возможность довольно близко по-
знакомиться съ бытомъ нѣмецкихъ студентовъ. Разъ
заинтересовавшись имъ, я, безъ особенной траты
времени, но постоянно старался всмотрѣться въ
этотъ бытъ по возможности *со всѣхъ сторонъ*, и до-
биться до его *внутренняго* пониманія. Мнѣ показа-
лось, что результаты моихъ наблюденій, особенно-
же собранные мною факты, могутъ быть приведены
въ одно цѣлое и легко осмыслены каждымъ, кто
видитъ въ жизни не одну только внѣшность или
случайность, но желаетъ постигнуть ея значеніе,

ея органическіе законы. Имѣя въ виду именно такихъ читателей, я рѣшился подѣлиться съ ними моими наблюденіями, и, показавъ лишь точку зрѣнія, съ которой надо смотрѣть на дѣло, и которую можно назвать *историко-психологическою*, предоста-вить читателю самому выводить изъ сообщаемыхъ мною фактовъ какія угодно заключенія. Впрочемъ, я позволяю себѣ надѣяться, что каждый, кто только приметъ мою точку зрѣнія, придетъ къ однимъ со мною заключеніямъ....

Такъ какъ въ бытѣ разныхъ студенческихъ корпорацій, при всемъ ихъ разнообразіи, много общаго, то я, во избѣжаніе утомляющихъ повтореній, выбралъ для подробнѣйшаго описанія только два главные вида: *кѣры* и *буршеншафства*, взаимно-враждебныя и во многомъ противоположныя другъ другу: въ жизни первыхъ преобладаетъ форма, въ жизни вторыхъ—идея. Относительно другихъ видовъ корпорацій я ограничился однимъ общимъ очеркомъ. Свѣдѣніями о внутреннемъ бытѣ студенческихъ корпорацій въ Германіи, о ихъ отношеніяхъ, стремленіяхъ и обычаяхъ, я обязанъ сколько печатному матеріалу, которымъ довольно богата нѣмецкая литература по занимавшему меня вопросу, столько-же, если еще не больше, личнымъ знакомствамъ, непосредственнымъ сношеніямъ со студентами, раз-

нымъ товарищамъ и друзьямъ, которыхъ и прошу принять мою сердечную благодарность.

Въ изложеніи я старался: серьезный характеръ, лежащій въ самомъ предметѣ описанія, соединить съ занимательностью и общедоступностью. Знаю, что мнѣ не совсѣмъ удалось это; но пусть хотя содержаніе, за вѣрность котораго осмѣливаюсь ручаться, вознаградить читателя за форму, далеко не художественную.

.Л. М.

12-го Сентября 1864.

иные товарищи и друзья, которых я прощаю
принять мое сердечное извинение.
В заключение я скажу: если бы я был
здоров, я бы сейчас же приехал к вам, чтобы
сказать вам все, что я думаю о вас и о
вашей работе. Но я не могу этого сделать.
Я надеюсь, что вы будете понимать мое
положение и простите меня.

М. А.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

«Neque flere, neque ridere — sed
intelligere».

Spinoza.

Жизнь германскихъ студентовъ развивалась въ продолженіе многихъ столѣтій, терпѣла много превращеній, — прежде нежели достигла своихъ современныхъ формъ. Она можетъ показаться совершенно непонятною, даже чудовищно-странною, если мы не знакомы съ той исторической почвой, на которой она возникла и сложилась.... На западѣ не то, что у насъ: на западѣ каждую сторону жизни, какъ государственной, такъ и общественной, — можно понять только исторически, прослѣдивъ весь ея медленный, *органическій* ростъ. А къ такимъ органическимъ явленіямъ жизни принадлежать преимущественно германскіе университеты, — и это заставляетъ насъ прежде всего бросить бѣглый *историческій* взглядъ на германское студенчество, чтобы умѣть справедливо отнести къ его

современному положенію. Хотя исторія студенчества и не входитъ въ нашъ планъ, но она интересна, какъ яркая картина нравовъ, вѣрованій, стремленій той или другой эпохи; кромѣ всего этого она можетъ имѣть еще психологическій интересъ....

Каждый «человѣкъ», прежде нежели онъ достигнетъ того возраста, когда подойдетъ подъ это общее понятіе, подъ которымъ мы обыкновенно привыкли разумѣть *взрослаго*, проходитъ два важные и трудные для него періода развитія—дѣтство и юность. Человѣкъ съ его общечеловѣческими сторонами и свойствами духа сталъ ранѣе изучаться психологами, и болѣе или менѣе вѣрное пониманіе его ранѣе вошло въ общественное сознаніе. Потомъ, но уже гораздо позже, увидѣли необходимость тщательнаго изученія отличительныхъ особенностей *дѣтскаго возраста*,—но еще многіе, и особенно у насъ въ Россіи, не считаютъ это дѣломъ, достойнымъ науки, хотя въ то же время считаютъ важной научной задачей: изученіе жизни червей, или изысканіе средствъ къ улучшенію породы домашняго скота. Только въ Германіи полнѣе понято и признано все значеніе дѣтской психологіи, и при томъ не для одного педагога.

Къ сожалѣнію, даже и этого нельзя сказать о *юности*: изучить и понять её хорошенько въ ея отличительныхъ свойствахъ—многимъ и въ голову не приходитъ; инымъ кажется дѣломъ не нужнымъ; инымъ—слишкомъ

простымъ и легкимъ, о которомъ не стоитъ много хлопотать. *Между тѣмъ сама жизнь постоянно обнаруживаетъ печальныя слѣдствія недоразумѣній между юностью и старшими возрастами.* Взрослый и старикъ судятъ ее съ своихъ собственныхъ точекъ зрѣнія, не уважаютъ ея природы, которая имѣетъ также свои особенности, какъ дѣтство и старость, навязываютъ ей требованія невыполнимыя, невозможныя въ ея возрастѣ, не уважаютъ ее.... Возникаютъ громадныя недоразумѣнія, взаимныя несправедливости, даже ожесточенная борьба.... Юность, непонятая въ ея правахъ, наконецъ не хочетъ уважать тяготящей надъ ней опеки, тяготящей потому, что опека эта не оказываетъ ей ни уваженія, ни снисхожденія, ни пощады... Исторія нѣмецкихъ университетовъ полна примѣрами подобнаго несчастнаго разлада,— но за то нѣмцы и постарались извлечь пользу изъ этихъ грустныхъ примѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ: было бы странно требовать отъ самой юности той трудной рефлексіи, того самоизученія и самопознанія, которыя научили бы ее соображаться съ собственной природой и контролировать каждый свой шагъ, воздерживаясь когда нужно, и тотчасъ подавляя въ себѣ то, что именно, и составляетъ ея характеристическое отличіе отъ другихъ возрастовъ. Для этого юноша еще очень мало жилъ и еще очень торопится жить, чтобы скорѣе понять окружающую его жизнь, самого себя, и свое отношеніе ко всему окру-

жающему. Этотъ процессъ самопознанія неизбежно совершается въ немъ, такъ какъ имъ-то и обуславливается его возмужаніе, — но процессъ, этотъ такъ же труденъ для него, какъ и для ребенка, пока онъ достигнетъ юношескаго возраста, и пойметъ свой семейный міръ и свое отношеніе къ нему.

Но чего не можетъ сдѣлать юность въ отношеніи къ самой себѣ, то должны сдѣлать въ отношеніи къ ней другіе, высшіе возрасты: изучить во всей широтѣ и глубинѣ ея духовную природу, пользуясь при этомъ и частными, ежедневными, и историческими опытами, чтобы лучше понять юность и умѣть вѣрно и благотворно дѣйствовать на нее, помогая ей пройти этотъ трудный періодъ. Юноша точно такъ-же нуждается въ помощи при своемъ развитіи, какъ и дитя, — но только онъ еще менѣе сознаетъ это, да и самая помощь должна быть иная, требующая совершенно иныхъ приемовъ. Если же такъ необходимо серьезное изученіе юношескаго возраста, — то исторія студенчества представляетъ для этого самый богатый матеріалъ, такъ какъ здѣсь, въ университетахъ, сосредоточиваются всѣ лучшія юношескія силы, и болѣе чѣмъ гдѣ-либо находятъ свободный просторъ для своего обнаруженія. Картина студенческой жизни, обнимающая нѣсколько вѣковъ и различныя народности, — могла бы представить такое множество интересныхъ данныхъ, что изъ нихъ уже не трудно было бы вывести и общіе за-

коны, дѣйствующіе въ природѣ юноши, и болѣе частныя, — имѣющіе значеніе еще для каждаго народа въ особенностяхъ... Но и картина германскаго студенчества, въ его исторіи и современности, можетъ обогатить насъ многими полезными выводами; а это скорѣе повело бы насъ къ примиренію, къ правильному и спокойному развитію юности, — которое въ послѣднее время значительно нарушилось. Необходимо сознать: кто былъ виноватъ? Необходимо избрать новый, лучшій путь. Примѣръ, взятый хотя бы изъ жизни и исторіи другаго народа, можетъ быть полезенъ для насъ. Мужая и старѣясь, мы обыкновенно забываемъ прежнее состояніе нашего интеллектуальнаго развитія, и, постоянно спѣша жить, не достаточно вдумываемся въ свое прошлое; вотъ почему, едва переживъ юность, мы уже разучиваемся понимать ее въ другихъ, и даже требуемъ, — чтобы юность понимала насъ. Но и исторія, и ежедневный примѣръ, убѣждаютъ насъ, какъ трудно юности понимать другіе возрасты, напримѣръ, старость, ея даже благія намѣренія, ея осторожность, купленную дорогою цѣною прежнихъ ошибокъ, иногда паденій, — и все это такъ же естественно, какъ непониманіе ребенка, когда юноша сталъ бы проповѣдывать ему напр. о самоотверженной любви къ отечеству. Если же естественность этого явленія не понята, — является раздраженіе, разладъ, и при этомъ сильно страдаетъ прежде всего сама юность. Она еще едва входитъ въ жизнь, вы-

ступая за семейный порогъ; она еще слаба и безпомощна, (хотя уже не такъ, какъ дѣтство), и при-томъ сама не сознаетъ этого, а потому и отважна. Между тѣмъ старшіе возрасты, особенно старость, уже утвердились въ жизни, пустили глубокіе корни, запаслись силой и средствами, добытыми долгимъ трудомъ. Борьба неровна,—и юность неизбѣжно страдаетъ, даже гибнетъ, при существованіи малѣйшихъ недоразумѣній между ею и высшими возрастами. Въ Германіи на каждомъ шагѣ можно убѣдиться во всей ложности того предубѣжденія, по которому рѣзкій разладъ между юностью и старостью считается неизбѣжнымъ, и можно видѣть старцевъ, къ которымъ почтительно и довѣрчиво льнутъ юноши; въ Германіи, гдѣ такъ много юныхъ старцевъ, дѣлается понятнымъ возможность должныхъ отношеній между этими, во многомъ противоположными возрастами, и кажется, что библейскія слова: «предъ лицомъ сѣдаго возстани и почти лице старче» могли бы свободно выйти изъ устъ самаго юноши. Причина этого отраднаго явленія кроется не столько въ юношахъ, сколько въ томъ пониманіи ихъ натуры, которое значительно господствуетъ въ общественномъ сознаніи. Поэтому, познакомившись поближе съ состояніемъ германскаго студенчества, будетъ необходимо обратить вниманіе на отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія, насколько оно выражается въ литературѣ и обыденной жизни.

И такъ, германскіе университеты болѣе другихъ со-
отвѣтствуютъ нашему желанію: въ исторіи и современной
жизни ихъ студенчества открыть общіе законы юноше-
ской природы. Приэтомъ необходимо отличать черты или
чисто національныя, или составляющіе выраженіе извѣст-
ной эпохи, такъ какъ характеръ каждого времени: ры-
царства, возрожденія гуманизма, реформаціи, 30-лѣтней
войны, войны за освобожденіе, и новѣйшаго стремленія
къ единству — ярко отражается на студенществѣ, во всей
полнотѣ достоинствъ и недостатковъ, истинныхъ стремле-
ній и заблужденій, свойственныхъ исторической жизни
Германіи. Университетское юношество, когда-то игравшее
столь видную учено-политическую роль, всегда было чут-
ко-воспримчиво ко всѣмъ вліяніямъ окружающей его жиз-
ни, и, по природному избытку юношескихъ силъ, безъ
опытности, и часто безъ умѣренности, порывисто стреми-
лось къ осуществленію тѣхъ идеаловъ, къ рѣшенію тѣхъ
задачъ, которые выдвигало время. Исторія германскаго
студенчества вся полна высокихъ, благородныхъ увлече-
ній, и горькихъ заблужденій, пылкой экзальтаціи, и пе-
чальныхъ крайностей, — не смотря на то, что германской
натурѣ свойственъ наиболѣе спокойный темпераментъ въ
сравненіи съ другими племенами Европы.

Читая историковъ германскаго студенчества, убѣж-
даешься, что всѣ рассказы ихъ далеко неполны и явно
односторонни. У многихъ изъ нихъ, и особенно у Доль-

ха ⁽¹⁾, раскрыта одна только внѣшняя сторона, такъ что во всей исторической жизни университетскаго юношества видишь какъ бы одну непрерывную оргію, со всѣми ея свойствами и послѣдствіями: пѣсни, дуэли, драки, беззаботный разгулъ и страшныя страданія, китайская обрядность, сплетеніе всевозможныхъ, то смѣшныхъ, то грустныхъ приключеній, наполняютъ всю картину ⁽²⁾. Затерявшись въ этомъ беспорядочномъ шумѣ, въ этой яркой пестротѣ, наконецъ, невольно спрашиваешь: да гдѣ-же тѣ геніальные труженики, тѣ носители великихъ идей, которые прославили германскіе университеты, возвеличили ихъ науку? У историковъ студенчества не находишь отвѣта на этотъ вопросъ; да и справедливо-ли будетъ обвинять ихъ за это? Меньшинство даровитыхъ работниковъ всегда находило пріютъ въ университетахъ Германіи, и составляло, конечно, самую свѣтлую ихъ сторону, но именно эта, самая свѣтлая сторона, и не была замѣтна для большинства современниковъ, какъ не была замѣтна и горсть этихъ скромныхъ тружениковъ въ шумномъ водоворотѣ студенческой жизни. Это трудящееся меньшинство, для котораго собственно и существовали университеты, не такъ задорно шумѣло на площади, не такъ ярко блистало цвѣтами лентъ, флаговъ и плащей, можетъ быть, менѣе владѣло шпагой и дубиной, а потому терялось, и было почти незамѣтно для массъ, но не для правительствъ, которые почти всегда поддерживали уни-

верситеты, осыпая ихъ льготами, и не для исторіи чело-
вѣчества и науки, въ которой это меньшинство оставило
самые яркіе слѣды. Вотъ почему о немъ и помину нѣтъ
въ исторіи студенчества, т. е. того огромнаго большинства,
быть котораго будетъ преимущественно предметомъ и на-
шего вниманія.

Когда изъ корпоративнаго духа среднихъ вѣковъ, меж-
ду прочимъ, возникли и *ученыя* корпораціи, давшія на-
чало университетамъ, всѣ члены ихъ *in corpore*, какъ
учащіе такъ и учащіеся, дѣлились между собою по прин-
ципу національности, и кромѣ своихъ національныхъ,
имѣли также и общія собранія, праздники, обычаи ⁽³⁾.
Большія націи еще подраздѣлялись на провинціи или зе-
млячества (*Landsmannschaften*). Прототипами подобнаго
устройства были, какъ извѣстно, знаменитые университе-
ты: Парижскій и Болонскій, которымъ обязаны были сво-
имъ устройствомъ явившіеся уже изъ подражанія имъ гер-
манскіе университеты. Такъ въ Парижѣ все универси-
тетское сословіе въ 1206 году дѣлилось на франковъ,
нормановъ, пикардійцевъ и алеманновъ. Нѣмецкая нація
занимала въ это время младшее, послѣднее мѣсто, но ско-
ро приобрѣла и большое уваженіе, и важныя права, какъ
напр. право всегда носить при себѣ шпагу и кинжалъ.
Въ Болоньи нѣмецкая нація даже избирала себѣ своего
ректора; въ Падуи, между 25-ю различными націями, она
занимала одно изъ первыхъ мѣстъ, имѣла два голоса и

не платила пошлинъ, а въ Сіеннѣ уже имѣла собственный судъ. Въ половинѣ XIII ст. въ Парижѣ явился новый принципъ дѣленія на три факультета, и началъ борьбу съ прежнимъ, національнымъ, надолго однако удержавшимъ свои права.

Тѣ же элементы, тотъ же духъ, та же борьба, переселились и на германскую почву, когда на ней образовались первые университеты: Пражскій (1348), бывший собственно славянскимъ, и Вѣнскій (1365) — его соперникъ. Пражскій имѣлъ дѣленіе на 4 главные націи: богемскую, венгерскую, польскую и баварскую, изъ которыхъ въ каждую входило еще нѣсколько близкихъ народностей; такъ напр. къ польской націи принадлежали: поляки, силезцы, литовцы и русскіе (?). Въ Германіи факультетскій принципъ сталъ пріобрѣтать явный перевѣсъ въ университетахъ; и когда націи стали терять свое значеніе, явились среди студентовъ совершенно новыя учрежденія, развившіяся особенно въ XV ст. и извѣстныя подъ именемъ коллегій и бурсъ (Bursen). Послѣднія устраивались сперва для удешевленія и удобства жизни, находили поддержку со стороны властей, но скоро оказались въ глазахъ молодыхъ людей только опасной западней, въ которой они теряли всякую свободу. Бурсами назывались собственно стипендіи, а потомъ это названіе перенеслось и на самыя заведенія, члены которыхъ (Bursati) состояли подъ строгимъ надзоромъ: не смѣли выходить безъ поз-

воленія, проводить ночь въ бурсѣ, измѣнять формѣ платья, или говорить на иномъ языкѣ, кромѣ латинскаго.

Содержаніе и продовольствіе студентовъ, особенно состоятельныхъ, обратилось наконецъ въ промыселъ, и начальники такихъ коллегій усердно бѣгали по площадямъ, шинкамъ и постоялымъ дворамъ—вербовать себѣ нахлѣбниковъ. По уставамъ того времени, *bursarius* не могъ имѣть при себѣ оружія, и даже денегъ; игра, знакомство съ дурными женщинами и т. п. наказывались денежнымъ штрафомъ. Избавиться отъ бурсы не было возможности, такъ какъ кто не жилъ въ бурсѣ, не былъ *буршемъ*, тотъ ни въ какомъ случаѣ не могъ числиться членомъ университета. Содержаніе было крайне скудно, что хорошо выражаетъ бывшее тогда въ ходу характеристическое двустишіе:

Regula bursalis est omni tempore talis:

Prandia fer tecum, si vis comedere mecum (*).

Впрочемъ, надо замѣтить, что въ Германіи бурсы никогда не достигали той степени замкнутости и всякихъ злоупотребленій, какъ во Франціи. Студенты, между которыми бывали люди очень почтенныхъ лѣтъ, не могли выносить всей строгости предписаній, которыя только по-

(*) «Хочешь со мной обѣдать — такъ приноси съ собой кушанье: таковъ ужъ всегдашній обычай бурсы».

давали поводъ къ безпорядкамъ, возмущеніямъ, и тѣмъ приучили юношество къ неуваженію закона. Во время возрожденія классическаго знанія, въ это время всеобщаго обновленія и порыва къ разумной свободѣ въ наукѣ и въ жизни, бурсы должны были пасть — и пали, но не вдругъ: они еще долго боролись за свое существованіе. Современники называютъ ихъ «жилищемъ праздности и пороковъ». Большинство студентовъ жило болѣе въ погребкахъ и на улицахъ, чѣмъ въ коллегіи, расточало время и деньги. Нападенія на дома гражданъ, злоупотребленіе оружіемъ, грабежъ, дикій крикъ на улицахъ и даже въ аудиторіяхъ, были явленіями обыкновенными, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ упражнялись не одни студенты: на нихъ только порѣзче выражались общія черты эпохи. Во время паденія схоластики многіе студенты кинулись на чтеніе классиковъ въ подлинникахъ, и жестоко преслѣдовали профессоровъ стараго направленія; вообще, все новое въ жизни находило въ студентахъ самыхъ жаркихъ, самыхъ крайнихъ приверженцевъ; такъ во время реформациіи они были усердными поборниками ея идеи, и помогали Лютеру жечь папскую буллу и каноническое право.

Отличительной чертой академическаго быта постоянно были разные праздники и церемоніи, въ которыхъ принимали участіе всѣ академическіе граждане: и профессора и студенты. Каждая нація, каждый факультетъ, каждое

землячество—справляли еще свои отдѣльные праздники. На святкахъ студенты давали также представленія, маскарады, — и ихъ разгуль подѣ маской принималъ еще большіе, еще опаснѣйшіе размѣры, вызывая грозныя преслѣдованія со стороны гражданъ и властей. При гостушеніи въ товарищество, каждый новичекъ долженъ былъ задать всѣмъ пирь (Antrittsschmaus). Всеобщая расточительность доходила до того, что купцамъ подѣ строгимъ штрафомъ запрещалось давать студентамъ въ кредитъ больше извѣстнаго maximum'a, и главнымъ предметомъ роскоши было—платье. Студенческій костюмъ въ началѣ былъ подражаніемъ придворному или военному, —и стоилъ дорого. Особенно въ XV ст. роскошь достигла самой крайней степени. Такъ называемыя «Pluderhosen» бывали часто такъ широки, такъ роскошны, что на нихъ требовалось до 100 аршинъ тонкой матеріи. Противъ нихъ издавались эдикты государей, противъ нихъ духовенство проповѣдывало съ церковной каѳедры. Одинъ курфюрстъ, наконецъ, предписалъ хватать студентовъ въ подобныхъ шароварахъ и сажать въ сумашедшій домъ, или срывать съ нихъ это украшеніе на улицѣ, и потомъ предоставлять имъ бѣжать до дому въ такомъ неприличномъ видѣ. Пестрота и яркость цвѣтовъ играли главную роль въ студенческомъ нарядѣ, и это также нерѣдко преслѣдовалось закономъ, который не оставлялъ въ покоѣ и портныхъ.

Разные способы пить пиво и вино (Trinkmanieren),

съ разными обрядами и церемоніями, также очень рано образовались между студентами, и въ XVII ст. составили цѣлый уставъ (Saufcomment). Въ это же время сложилось и множество вакхическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія пережили не одно столѣтіе. Дѣло поэтизированія веселаго разгула и пьянства принадлежитъ, главнымъ образомъ, гуманистамъ, вступившимъ въ рѣшительную борьбу съ средневѣковыми аскетическими понятіями, и студенты усердно старались на дѣлѣ осуществить новую эмансипацію. Самъ Рейхлинъ принадлежалъ къ одному обществу пьянства—Trinkreich, во главѣ котораго стоялъ первый питухъ—Saufkönig. Все тогдашнее общество, и особенно дворянство, предавалось беззавѣтному пьянству, а слѣдовательно и студенты, которымъ, однако закономъ, запрещалось сидѣть въ погребкахъ и трактирахъ (Kneipen) позже 9—10 час. веч. или шумѣть и безчинствовать потомъ на улицахъ. Университетскія лѣтописи полны разсказами о несчастныхъ случаяхъ отъ пьянства. Въ XVI и XVII стол. были обыкновенны еще состязанія въ куреніи табаку, и, смотря по степени преуспѣянія въ этомъ дѣлѣ, давались разные чины, какъ и за пьянство. Кто могъ въ одинъ вечеръ выкурить 50 трубокъ,—тотъ былъ магистръ, кто выкуривалъ 80 — лиценціатъ; выкурившій до 100 трубокъ былъ—докторомъ въ этой табачной наукѣ.

Но главнымъ предметомъ состязанія между студентами, особенно во время 30-лѣтней войны, были — *дуэли*. Въ

началѣ XVI столѣтія шпага стала эмблемой благородства, и съ этого же времени получила особенное значеніе и дуэль, какъ защита чести, хотя собственно поединки (Rencontres) бывали и прежде, и вмѣстѣ съ дуэлями скоро до того распространились между студентами, что современники называютъ университеты просто «бойнями». Уже въ 1570 г. въ Виттенбергѣ явился первый декретъ правительства противъ дуэлей. Хотя съ происхожденіемъ постоянного войска уже не было необходимости каждому заботиться о личной защитѣ, и объ умѣньи владѣть оружіемъ, но, тѣмъ не менѣе, обычай фехтованья господствовалъ не между одними студентами, въ натурѣ которыхъ все рыцарское, все юношески-отважное, необходимо получало отголосокъ и долѣе сберегалось. Всѣ признаки средневѣковой юности европейскаго человѣчества не могли не гармонировать съ возрасомъ университетскаго юношества, и не найти въ немъ самыхъ вѣрныхъ поборниковъ. Въ фехтовальныхъ школахъ, во множествѣ явившихся по всей Германіи, и часто покровительствуемыхъ самими государями, студенты и ремесленники были лучшими бойцами. Образовался даже особый цехъ — Fechterzunft. Многіе студенты охотнѣе посѣщали фехтовальныя школы и праздники, чѣмъ коллегіи, и до того ревностно предавались этому искусству, что правительства начали, наконецъ, противоудѣйствовать, ограничивая посѣщеніе такихъ школъ, и запрещая опасныя поединки и

дуэли. Древнѣйшій указъ противъ дуэлей явился въ Іенѣ въ 1684 году, и угрожалъ нарушителямъ его смирительнымъ домомъ, и даже тюремнымъ заключеніемъ на нѣсколько лѣтъ. Подобныя репрессивныя мѣры нѣсколько ограничивали, но никогда не уничтожали поединка и дуэли между студентами, которые всегда высоко уважали умѣнье драться. Искусство это доходило до большихъ тонкостей; разные удары носили разные названія, изъ которыхъ многія теперь уже непонятны: *Zornhau*, *Krummhau*, *Zwerghau*, *Schillerhau*, *Scheitlerhau* и мног. др. «Студенты, пишетъ Мейфартъ (въ началѣ XVIII стол.), постигнувъ нѣсколько лѣтъ, рѣдко возвращаются домой цѣлыми: по большей части они бываютъ страшно изувѣчены, съ разбитыми головами, изломанными руками и ногами; съ поврежденными глазами, беззубыми, со штрамами и рубцами на лицѣ и на всемъ тѣлѣ....» Въ томъ же столѣтіи еще сохранялась старинная поговорка:

„Welcher Student von Wittenberg kommt mit gesundem Leib,
Von Leipzig und Tübingen ohne Weib,
Von Jena und Helmstädt ungeschlagen,
Der kann von grossem Glücke sagen“ (*).

(*) «Если кто изъ Виттенбергскихъ студентовъ возвращается домой здоровымъ, изъ Лейпцигскихъ и Тюбингенскихъ — не женатымъ, изъ Іенскихъ и Гельмштедскихъ — не изувѣченнымъ, — тотъ можетъ похвалиться особеннымъ счастьемъ».

КОРПОРАТИВНАЯ КНЕЙПА

Слѣдя за образомъ жизни нѣмецкихъ студентовъ встарину, нельзя особенно не упомянуть о времени 30-лѣтней войны, которое вызвало новыя, довольно безобразныя явленія среди студенческаго быта, слѣды которыхъ отчасти замѣтны до сихъ поръ. Въ эту тяжелую эпоху, когда всюду въ Германіи царствовалъ какой-то хаосъ, когда ожесточенная борьба политическихъ и религіозныхъ партій никого не оставляла въ покоѣ, нравы студентовъ одичали и огрубѣли еще болѣе. Одинъ изъ современниковъ (Lottichius) такъ отзывается о нихъ: «въ нашихъ университетахъ вмѣсто книгъ господствуютъ распри, вмѣсто тетрадей — кинжалы, вмѣсто перьевъ — шпаги и султаны, вмѣсто ученыхъ преній — кровавыя драки, вмѣсто прилежнаго ученія — непрерывное пьянство и неистовство, вмѣсто ученыхъ кабинетовъ и библіотекъ — трактиры, погребки и другіе непристойные дома». Бурсы уже исчезли. Молодые студенты поступали подъ надзоръ старшихъ, выбирая ихъ преимущественно изъ своихъ земляковъ, что особенно содѣйствовало развитію землячествъ (Landmannschaften). Скоро старшіе студенты-менторы присвоили себѣ почти неограниченную власть надъ своими младшими товарищами. Первые обыкновенно назывались Schoristen или Absoluti, вторые — Pennälen, новичками, вакхантами, даже молокососами, недорослями, телятами, лягушками, червями, и другими презрительными и обидными прозвищами, изъ которыхъ теперь многія уже не

понятны, какъ напр. прозвище *Teix*. Можетъ быть изъ него потомъ и образовалось пресловутое слово *Fuchs*, о происхожденіи котораго еще въ XVII и XVIII стол. въ Германіи писались огромныя ученые изслѣдованія, напр. «*Dissertatio de Germaniae vulpeculis academicis a vulgo, die Academische Füchse dictis. V. D-r. Florin 1735**»). Близъ Тены, на горѣ, находится и теперь огромная башня — *Fuchsthurm*. Съ незапамятныхъ временъ сюда ежегодно 2 раза собираются вступающіе въ университетъ молодые люди, и задаютъ пиръ старымъ студентамъ, которые при этомъ всячески издѣваются надъ посвящаемыми въ ихъ обычаи новичками — фуксами. Во времена же пеннализма, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, этотъ обрядъ, распространенный по всѣмъ университетамъ, доходилъ до безобразныхъ размѣровъ, до отвратительныхъ выходокъ, и назывался «обрѣзываніемъ хвостовъ». Вообще актъ принятія новыхъ товарищей (*depositio*) въ университетахъ состоялъ изъ насмѣшекъ и глумленія надъ новичками. Въ извѣстный день старшій студентъ — *depositor*, въ странной торжественной одеждѣ, принималъ нарядившихся разными звѣрями вакхантовъ, которые должны были чувствовать, что они еще не студенты, слѣдовательно еще

(*) Во время младенчества филологинъ одинъ ученый пытался произвести это *Fuchs* отъ греческ. *ἄλοπις* съ помощью такихъ сокращеній и фонетическихъ измѣненій слова: *lorex, rex, pīx, rux—fux* или *Fuchs*.

не истинные люди, а просто — рогатые животные или звѣри. Въ полномъ собраніи, депозиторъ разрисовывалъ имъ ваксой бороды, и, въ присутствіи декана и зрителей, говорилъ къ нимъ рѣчь. Затѣмъ, онъ задавалъ имъ разные курьезные вопросы, и заставлялъ ихъ самихъ говорить рѣчи, причемъ самъ имѣлъ въ рукахъ набитую пескомъ колбасу, и, если былъ недоволенъ отвѣтами и рѣчами новичковъ, билъ ихъ этой колбасой, часто даже до слезъ. Послѣ подобныхъ истязаній, при общемъ хохотѣ, вакханты ложились на полъ головами вмѣстѣ, и именно такъ, чтобы головы ихъ образовали центръ, а ноги расходились на подобіе лучей, должны были ворочаться колесомъ, и, *въ знакъ подкорности*, подвергаться множеству другихъ комическихъ обрядовъ, подробно рассказывать которые было бы грустно и утомительно. Достаточно сказать, что всѣ такіе обряды имѣли символическое значеніе: такъ новичку стригли голову и посыпали стружками или опилками, чистили ему въ ушахъ огромною ложкою, гигантскими клещами вытаскивали искусственно вставленные на этотъ случай зубы, и проч. и проч. какъ бы очищая и освящая всѣ его чувства и помыслы. Въ заключеніе всего вакхантъ говорилъ своему новому тотору: «Accipe depositor, pro munere munera grata, et sic quaeso mei sis measque memor» — и становился пенналомъ. При всѣхъ подобныхъ церемоніяхъ и обрядахъ пѣлись установленныя пѣсни, которыя всегда играли въ студенче-

скомъ быту важную роль. Во многихъ университетахъ такой студентъ-опекунъ получалъ отъ каждаго изъ своихъ пенналовъ извѣстный гонораръ, и отъ казны нѣсколько бочекъ пива. Часто родители заблаговременно отсылали своихъ дѣтей на эту неизбѣжную депозицію, чтобы избавить ихъ потомъ отъ этого мученія, такъ какъ съ малолѣтними отъ 3 (sic) до 16-лѣтняго возраста обходились милосердіе. Только въ 1834 г. было формально и окончательно уничтожено такое раннее депозированіе будущихъ студентовъ.

Участь молодого человѣка, пока онъ состоялъ пенналомъ, была очень незавидна. Въ церкви пенналы должны были стоять въ особомъ углу — Fuchsecke; не смѣли носить хорошаго платья и шляги, обязывались всячески прислуживать старымъ студентамъ: носить ихъ пиво, вино и карты, отдавать имъ тотчасъ по востребованію свои хорошія книги и вещи, получая взамѣнъ старыя негодныя, лазить по приказанію подъ столъ и кричать оттуда по собачьи или по кошачьи, чистить старшимъ сапоги, и получать отъ нихъ щелчки въ носъ, оплеухи и удары палкой, удаляться отъ женщинъ подъ опасеніемъ огромнаго денежнаго штрафа, и т. под. — все это входило въ число неизмѣнныхъ обязанностей фукса-пеннала. Тьюторы не только дурно кормили несчастныхъ фуксовъ, но и поили ихъ особеннымъ напиткомъ, грязнымъ и отвратительнымъ, перенятымъ въ 30-лѣтнюю войну отъ шведскихъ солдатъ, и

извѣстнымъ тогда подѣ именемъ «Schwedentrunk», и не только заставляли ихъ чистить и набивать себѣ трубки, но еще посылали ихъ съ разными порученіями иногда за нѣсколько миль. Особенно эксплуатировали и тиранили своихъ новичковъ теологи. Время такого тяжелаго испытанія продолжалось для пеннала, по крайней мѣрѣ, годъ, послѣ чего онъ самъ вступалъ во всѣ права бурша, и обзаводился своими пенналами. За отличіе производили въ бурши и раньше, и желавшій отличиться обыкновенно ходилъ въ возможно-дрянномъ и изорванномъ костюмѣ, при каждой продѣлкѣ студентовъ былъ первый, обиралъ безсовѣстно рыночныхъ торговцевъ, и всячески издѣвался надъ гражданами, которыхъ университетское сословіе называло особенно презрительнымъ именемъ «Bechen», а потомъ — филистерами. Происхожденіе послѣдняго прозвища не лишено интереса и особенно характеристично. Въ Іенѣ до сихъ поръ существуетъ одна старинная сторожевая башня. На четырехъ углахъ ея высѣчены изъ камня безобразныя человѣческія лица, которымъ студенты съ незапамятныхъ временъ дали названіе «Philister» т. е. филистимляне, за ихъ уродливость. Потомъ этимъ названіемъ они стали преслѣдовать стражу упомянутой башни, состоящую изъ жителей прилежащаго квартала. Однажды, въ 1693 году, оскорбленная такимъ названіемъ стража поклялась отмстить студентамъ, и, вечеромъ, толпой напала на какого-то проходившаго мимо студента, который и палъ невинной

жертвой ихъ озлобленія. Все студенчество Іены пришло въ движеніе, а при погребеніи убитаго произнесена была рѣчь, начинавшаяся словами: «Philister über Dir, Samson»! Вечеромъ того же дня со всѣхъ улицъ слышались тѣ же слова, крики, и ругательства противъ іенскихъ гражданъ, которые съ этого времени постоянно были преслѣдуемы со стороны студентовъ прозвищемъ филистеровъ, распространившимся, наконецъ, между студентами всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ, такъ что теперь каждый не-студентъ есть — презрѣнный филистеръ.

Правительства сперва прямо преслѣдовали злоупотребленія старшинъ-буршей въ отношеніи къ пенналамъ, но когда нашли всѣ строгости бесполезными, стали стараться съ корнемъ вывести всю эту систему опекунства, которой сами же дали начало по уничтоженіи бурсъ. Въ Гиссенскомъ эдиктѣ 1660 г. противъ пеннализма онъ называется: *animae obscuratio, barbaries mentis, corporis ruina, Diaboli sentina, exilium pietatis, funus honestatis, gangrena modestiae, hydra nequitiae, ludibrium optimarum legum, noxa sapientiae, onus tranquillitatis et pacis publicae, pestis et profligatio eruditionis et virtutum omnium, questus infernalium Erynnium, Xenium Diaboli et Zizania stultitiae, styx, lethe* и т. д. (*). Нельзя не сознаться,

(*) «Помраченіе души, невѣжество разума, растлѣніе тѣла, помойная яма дьявола, изгнаніе благочестія, гробъ честности, гангрена скромности, язва, Стиксъ, Лета и т. под.»

что въ этой риторической амплификаціи много вѣрнаго и характеристическаго.... Еще болѣе энергическими эпитетами преслѣдуются старые студенты (*Schoristen*), которыхъ эдиктъ величаетъ: *asini superciliosi, basilisci venenati, cyclopes clamosi, bibones et comedones abjectissimi, lurcones, margones, rabidi canes, tirani truculenti, vivi daemones* и т. под. (*). Мошеронъ (XVII в.) очень живо описываетъ буйную молодежь своего времени. По его словамъ «въ nocturnое время иные бѣгаютъ по улицамъ съ обнаженными шпагами въ рукахъ, и ударяютъ ими о камни, такъ что искры сыплются; кричатъ неистово по лошадиному, по ослиному, по коровьи, по кошачьи, по собачьи, по дурацки, даже въ ушахъ дѣлается больно; бьютъ по окнамъ камнями, кольями и дубинами, крича: выходи пенналь! выходи фуксъ! выходи негодай! и вообще наводятъ такой ужасъ, что у меня волосъ дыбомъ становится....» Самыми усердными помощниками студентовъ во всякаго рода похожденіяхъ бывали такъ называемые *Famuli* или *Studentenjunger*.

Отъ студенческихъ продѣлокъ особенно доставалось поселянамъ, у которыхъ такіе незваные гости часто перебывали всѣхъ утокъ, гусей и голубей, и дѣлали имъ всякія непріятности, такъ что поселяне не рѣдко, вооружив-

(**) «Ослы неотесанные, василиски ядовитые, циклоны горластые, пьяницы, обжоры, псы бѣшеные, демоны и т. под.»

шись баграми и вилами, выгоняли студентовъ изъ своей деревни. Рыночнымъ торговцамъ, какъ уже было замѣчено, также не было покоя отъ нихъ. Въ этомъ же XVII столѣтіи въ народѣ сложилась и долго жила известная пѣсня, подробно перечислявшая всѣ шалости и обиды со стороны студентовъ, и начинавшаяся такъ:

Schlimm Leut sind Studenten — man sagt's überall.

Вообще университетское сословіе, гордое и склонное ко всякому забіячеству, всегда было въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ народомъ, и часто вело ожесточенныя драки съ ремесленниками. При такихъ обстоятельствахъ прілежаніе большинства студентовъ было далеко не блестящее: веселая жизнь и разныя похожденія поглощали все время. Въ 1600 г. одинъ профессоръ въ Ростокѣ убѣдительно просилъ академическихъ гражданъ хоть *разъ въ недѣлю* заходить на лекцію. Льготы, присвоенныя университетскому сословію, привлекали многихъ, и иные, не торопясь, студировали по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Въ 1638 г. въ Лейпцигѣ умеръ одинъ студентъ, имѣвшій ровно 100 лѣтъ отъ роду, какъ значится въ хроникѣ. Многіе были женаты и имѣли многочисленныя семейства, но въ томъ же столѣтіи правительства уже стали запрещать студентамъ жениться, находя, что ихъ браки и семейства рѣдко бываютъ счастливы, и, вообще, мало содѣйствуютъ преуспѣванію въ наукахъ. Прибавимъ, что издавна существовалъ

въ Германіи еще особый классъ «странствующихъ студентовъ», между которыми часто бывали люди очень даровитые, но привыкшіе къ праздности и разнообразію въ жизни, любители всевозможныхъ приключеній.

Обычное время-провожденіе студента въ героическія времена германскаго студенчества интересно рассказываетъ профессоръ Гейдеръ въ своихъ мемуарахъ. «Коллегіи Schorist или вовсе не посѣщаетъ, или очень рѣдко, — и потому лекцій не слушаетъ. Только иногда онъ стоитъ передъ дверями и подслушиваетъ слова профессора, но не съ цѣлью научиться чему нибудь, а чтобы подмѣтить нѣкоторыя его выраженія, и потомъ, между своими пріятелями буршами, передразнивать голосъ, ухватки и рѣчь своего профессора, для общей потѣхи. По утру спитъ такой молодецъ до 9 час. и все время до обѣда употребляетъ на серьезныя занятія, напр. чешетъ волосы, заливается, чистится, и трудится надъ своей фізіономіей...*). За обѣдомъ онъ ѣстъ мало, такъ какъ вчерашній хмѣль отбилъ у него аппетитъ. Послѣ обѣда онъ или спитъ какъ тюлень, или бродитъ съ своими кліентами (*rennali* и *famuli*) въ ближайшей ивовой рошѣ (**), или, наконецъ, сидитъ въ погребѣ и восстанавливаетъ себя къ ве-

(*) Чувство приличія не позволяетъ спокоя приводить рассказы профессора Гейдера.

(**) Намекъ на Іенскія окрестности, гдѣ съиздавна разводятся ивовыя роши по влажнымъ берегамъ р. Саалы.

черу, когда ему снова понадобятся сила и мужество въ схваткахъ. Вечеромъ, порядкомъ нагрузившись виномъ и пивомъ, появляется онъ съ своей свитой въ переулкахъ, гдѣ уже начала было водворяться ночная тишина, и подымаетъ страшный шумъ: неистово кричить, стучить въ двери и ворота, ломаетъ что только можетъ, и камни со свистомъ летаютъ въ окна.... Въ комнатѣ его не много книгъ, да и тѣ валяются подъ лавкой и состоятъ изъ однихъ «гадателей» и Амадисовскихъ каррикатуръ. По стѣнамъ висятъ кинжалы и стилеты на всякій случай, винтовки и желѣзныя рукавицы, а также камзолы, подбитые толстѣйшей подкладкой изъ хлопчатой бумаги, волосы и рыбьихъ костей, чтобы сквозь нихъ не такъ легко было проколоть. Увидишь также чаши, стаканы, карты, игральныя кости, шашки; далѣе — листы съ замѣтками въ такомъ родѣ: тогда-то такой-то былъ пьянъ до безчувствія; такой-то проигралъ столько-то, хотя имѣлъ 4 туза и т. под.» Нельзя не упомянуть, что въ «Фаустѣ» Гёте разбросано много вѣрныхъ, характеристическихъ чертъ изъ студенческаго быта вѣка за два до нашего времени, — а многое и теперь повторяется каждый день....

Я уже упоминалъ, что правительства постоянно заботились объ улучшеніи нравственности университетскихъ гражданъ, но всѣ попытки и мѣры по большей части оставались тщетными, и особенно противъ такихъ сторонъ студенческаго быта, которыя были въ духѣ самого време-

ни. Университеты всегда составляли предметъ безпокойства государей, которые не разъ сами водили войска на разбушевавшую молодежь ⁽⁴⁾; но такъ какъ, съ другой стороны, ничто такъ не смягчало нравовъ, какъ наука, то свѣтскія и духовныя правительства соперничали своимъ покровительствомъ ученому сословію и университетамъ, не щадя на это собственныхъ средствъ. Когда предписанія, чтобы каждый молодой студентъ имѣлъ своего руководителя, оказались на опытѣ вредными, и породили ужасный пеннализмъ, а *inspectores morum et studiorum* только развращали свѣжихъ юношей, университетскія начальства стали поощрять обычай, по которому сами профессора брали къ себѣ студентовъ нахлѣбниковъ. Съ этою цѣлью послѣднимъ были предоставлены большія права и преимущества въ сравненіи съ другими студентами, жившими на свободѣ и называвшимися *Bürgerburschen*. Такъ первымъ позволялось брать съ собой собакъ не только на лекціи, но и въ церковь, а чтобы изъ-за ихъ собакъ не было недоразумѣній — имъ выдавались отъ казны ошейники съ буквами: Р. Р. Н., что значило: *Professoren-Burschen-Hund*. Профессорскіе студенты могли даже явно выражать свое презрѣніе къ прочимъ, и, при потворствѣ расчетливыхъ профессоровъ, позволять себѣ всевозможныя шалости и злоупотребленія. Такимъ образомъ эта новая мѣра, отчасти напоминающая старинныя бурсы, не только не улучшила общей нравственности, но еще деморализи-

ровала и самихъ профессоръ-антрепренёровъ. Всѣмъ остальнымъ содержателямъ квартиръ, кухмистерамъ и трактирикамъ, запрещалось давать студентамъ пищу и напитки въ другое время, кромѣ обѣда и ужина, — вино же собственно для состязанія въ пьянствѣ запрещалось отпускать свыше извѣстнаго количества; также предписывалось имъ: не впускать студентовъ съ гостями, такъ какъ это подавало поводъ къ попойкамъ, не позволять имъ слишкомъ кричать, и т. под., въ случаѣ же сопротивленія—доносить обо всемъ ректору. Такіе законы, особенно въ случаѣ безтактности или неумѣренности со стороны квартирныхъ хозяевъ, подавали поводъ къ безпре-станнымъ столкновеніямъ и даже возмущеніямъ противъ всего университетскаго начальства. Въ лѣтописяхъ иныхъ университетовъ, и преимущественно въ маленькихъ городкахъ въ родѣ Іены, часто рассказываются случаи, какъ студенты, при всеобщемъ неудовольствіи слившись въ массу, всѣ выходили изъ университетскаго города съ клятвой, никогда въ него не возвращаться, и располагались гдѣ нибудь на горѣ лагеремъ. Городъ пустѣлъ; граждане безъ жильцовъ, безъ доходовъ, предавались унынію; начинались переговоры, уступки.... Обыкновенно кончалось тѣмъ, что во всемъ удовлетворенные студенты, со знаменами, съ музыкой, торжественно опять вступали въ городъ, привѣтствуемые обрадованными гражданами, — и прежняя жизнь закипала снова.

Особенное вліяніе на устройство и нравы нынѣшняго германскаго студенчества имѣло XVIII стол., когда во всей Европѣ появилось множество обществъ и орденовъ, тайныхъ и открытыхъ. Корпораціи студентовъ необходимо получили политическое направленіе, сдѣлавшееся особенно рѣзкимъ во время французской революціи, и притомъ окружили себя таинственностью, къ неудовольствію тогдашнихъ правительствъ. И чѣмъ сильнѣе преслѣдовались такіа подозрительныя корпораціи, тѣмъ болѣе замыкались онѣ сами въ себѣ и дѣлались еще болѣе тайными. И организація, и духъ студенческихъ обществъ значительно измѣнились. Пенналы превратились окончательно въ фуксовъ, хотя духъ пенализма и не совершенно исчезъ изъ ихъ отношеній къ старшимъ товарищамъ; на мѣсто прежнихъ схористовъ явились выборные *seniores* — представители корпорацій, составлявшихъ ордена или землячества; статуты послѣднихъ получили общую правильную организацію, ограаничивающую произволъ своихъ старшихъ членовъ и составили такъ называемый *Comment*. Отдѣльныя постановленія корпорацій, кромѣ того, образовали отдѣльныя *Institutiones*. Кокарды, символическіе знаки и буквы, гербы стали теперь играть большую роль въ студенческихъ орденхъ, перейдя къ нимъ отъ иллюминатовъ, фреймасоновъ и другихъ извѣстныхъ орденовъ. Тѣсныя узы заключались между молодыми людьми не только на время студенчества, — но и на всю жизнь.

Всѣ студенты, принадлежавшіе къ какой либо корпораціи, имѣли право засѣданія и, пройдя извѣстныя степени — право голоса въ своихъ собраніяхъ по общимъ дѣламъ; непринадлежавшіе-же ни къ какой корпораціи назывались *Reponcen* и не пользовались уваженіемъ. Первое полугодіе каждый членъ корпораціи обязывался пробывать фуксомъ; потомъ, до конца втораго полугодія, имѣлъ званіе брандера или бранд-фукса, и только при началѣ третьяго семестра дѣлался полнымъ буршемъ со всѣми присвоенными ему правами, съ голосомъ въ общихъ собраніяхъ, но еще назывался *Jnnger Bursch*; чрезъ семестръ онъ былъ уже *Alter Bursch*, и пользовался особеннымъ почетомъ. Пробывшій въ университетѣ болѣе 3-хъ лѣтъ величался «*Vemoostes Haupt*» т. е. мхомъ поросшей головой, и дѣйствительно, многіе изъ такихъ головъ были очень почтенныхъ лѣтъ. По происхожденію студенты получали еще особенныя названія. Представители корпорацій по общимъ дѣламъ составляли *Representanten*-или *Senioren-Convent*, въ которомъ каждая корпорація имѣла право голоса. Другъ друга студенты судили строго, и за извѣстныя преступленія противъ чести или товарищества слѣдовало изгнаніе. Землячества также имѣли связь между собою, и образовали *Ländercartel*, имѣвшій цѣлю: поддерживать взаимную братскую дружбу, любовь, защиту и помощь, и кромѣ того — вѣрное служеніе своему ученому призванію. Глава корпораціи (*Senior*), вмѣстѣ съ своимъ помощни-

комъ (Subsenior) и секретаремъ, имѣлъ въ своемъ кругу судебную и исполнительную власть, но, впрочемъ, заключенія этихъ уполномоченныхъ или Chargirten-Convent'a представлялись на утвержденіе прочимъ членамъ. Вновь вступающіе обязывались свято исполнять уставы корпораціи, и въ подтвержденіе давали честное слово, deutschen Handschlag, братскій поцѣлуй и братское рукопожатіе. Цвѣтныя фуражки, гербы, ленты, знамена, эмблемы отличали одну корпорацію отъ другой. Мужество, сила, умѣнье владѣть шпагой, способность много пить и курить, пѣсни и остроуміе, все наслѣдье прежнихъ вѣковъ романтизма, отголоски прежняго героическаго времени студенчества, все это и теперь сохранялось живо между студентами, и также не рѣдко достигало значительныхъ крайностей. Въ 1800 г. въ Галлѣ было уже 7 землячествъ, состоявшихъ, впрочемъ, не всегда изъ земляковъ. По словамъ Фр. Яна, студировавшаго тогда въ Галлѣ, «всѣ они составляли между собой дружный Cartel, заботившійся объ общихъ дѣлахъ, издававшій предписанія, требованія, назначенія поединковъ и т. под.» «Силень онъ?» «Есть у него деньги?» — слышалось всюду, когда въ Галле прибывалъ новичекъ-фуксъ. Сеніорами были рослые, статные молодцы, въ щегольской формѣ; большого ума и знаній отъ нихъ не требовалось»... Не мало подобныхъ же чертъ студенческаго быта приводитъ и Карль Раумеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о состояніи университетовъ въ Гёт-

тингенъ, Галлѣ и Бреславлѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія ⁵⁾; но почтенный историкъ педагогики умѣетъ также отмѣтить и все прекрасное въ нѣмецкомъ юношествѣ, которое онъ горячо любитъ.

Вообще, вся исторія нѣмецкаго студенчества, и картина его современнаго состоянія, съ которымъ намъ еще предстоитъ познакомиться, достаточно убѣждаютъ въ томъ, что, не смотря на всѣ крайности, увлеченія, заблужденія, даже пороки, которые иногда охватывали университетскую молодежь, — изъ среды ея же выходила всегда и свѣтлая идея обновленія; что самыя болѣзни, которыми она переболѣла, исходили вовсе не изъ ея натуры, а скорѣе изъ духа вѣка и общества, только на время помрачая въ ея сознаніи идеалы истины, добра и красоты, что, наконецъ, высокія идеи науки, и ея представители всегда имѣли самое неотразимое, самое благотворное вліяніе на студенчество. Всѣ безчисленные эдикты, всѣ заботливыя реформы и полицейскія мѣры, хотя иногда и дѣйствовали на него, но болѣе отрицательно, не уничтожая никогда корня дурнаго явленія, и естественно не могли вдохнуть въ юношество того духа, который не терпитъ насильственнаго вмѣшательства, возникаетъ всегда свободно и развивается самобытно. Можно найти не мало примѣровъ, когда между самими студентами являлась реакція старому злу, уже освященному временемъ и предрасудками, и жаркая борьба за новую истину, за лучшую форму, охватывала весь

ВЫБЗДЪ ФУКСОВЪ.

внутренній міръ студенчества. Наконецъ и сами правила стали понимать это и давать болѣе простора для такой борьбы, вѣря въ нравственное чувство большинства и въ его стремленіе къ благу, вѣря въ неизбѣжную, хотя и медленную побѣду разума.

Съ теченіемъ времени нравы студентовъ замѣтно смягчились. Въ 1811 г. многіе берлинскіе студенты обратились къ Фихте съ просьбою помочь имъ учредить вмѣсто дуэлей особый «судъ чести» (Ehrengericht) для особенныхъ случаевъ. Дѣло въ томъ, что Фихте, бывшій тогда проректоромъ, въ своей вступительной академической рѣчи рѣзко и убѣдительно высказался противъ узкихъ корпоративныхъ началъ и дуэлей. Хотя полного успѣха это не имѣло, но новая струя влилась въ жизнь студенчества, и не осталась безъ послѣдствій, отражаясь на всемъ тогдашнемъ и даже нынѣшнемъ бытѣ студентовъ. Въ это же знаменательное время во всѣхъ университетахъ Германіи, даже въ самыхъ старинныхъ, начали выходить изъ обыкновенія бродячія толпы съ музыкантами, шутовскія процессіи въ старинныхъ нарядахъ, разыгрыванье циническихкихъ пьесъ и т. под. Но все же молодая жизнь не могла остаться безъ своихъ яркихъ формъ, безъ обычаевъ, безъ своего вѣчнаго спутника—веселости. Могучая фантазія, сила которой еще болѣе поражаетъ насъ въ дѣтяхъ, не можетъ не дѣйствовать и въ юношахъ, пока не подпадетъ подъ строгій контроль разума зрѣлости; вотъ

почему обрядность и пестрота внѣшнихъ формъ всегда характеризовала и до сихъ поръ характеризуетъ свободный бытъ германскаго студенчества, и тѣмъ южнѣе, тѣмъ поразительнѣе, — что опять совершенно согласно съ законами психологіи народовъ. Въмѣсто прежнихъ грубыхъ обычаевъ, въ началѣ XIX стол. произошли болѣе утонченныя и осмысленныя, болѣе говорящія эстетическому чувству; такъ напр. часто совершались студентами процессіи при встрѣчѣ или проводахъ своихъ друзей, роскошныя вступительныя или прощальныя праздники, катанье въ маскахъ или съ факелами, торжественныя шествія съ музыкой, загородныя прогулки, коммерши, стрѣльба изъ ружей и даже пушекъ, особенно въ ночь на новый годъ. Въ подобныхъ случаяхъ, однако, надо было просить разрѣшенія университетскаго начальства, которое, въ случаѣ безпорядковъ и нарушенія общественнаго благосостоянія, призывало къ отвѣту прежде всего сеніоровъ.

Послѣ памятнаго не для одной Россіи 1812 года, наконецъ наступила и для Германіи эпоха освобожденія. Въ это время германское студенчество пережило высокій, дѣйствительно героическій порывъ къ борьбѣ за свободу отечества, заслуживъ признательность и уваженіе со стороны всего общества. Берлинскіе студенты, одушевляемые гениемъ Фихте, были впереди другихъ. Они на время забыли коллегію и отчаянно дрались уже съ изнемогающими французами, и этотъ краткій періодъ новѣй-

шей исторіи студенчества составляет самая свѣтлая воспоминанія, возбуждаетъ самые патріотическія чувства и въ нынѣшнемъ университетскомъ юношествѣ. Еще недавно явилась на нѣмецкой сценѣ и всюду имѣла успѣхъ пьеса Шрёдера «Studenten und Lützower», не лишенная интереса и драматическаго движенія. Дѣйствіе происходитъ въ Іенѣ въ 1813 г., дѣйствующими лицами являются тогдашніе іенскіе студенты, а главнымъ героемъ — сеніоръ корпораціи Thuringia. Студенческіе нравы того времени, обряды, во многомъ сохранившіеся до сихъ поръ, патріотическое одушевленіе и отвага, — все это охарактеризовано вѣрно и живо, но не мало также идеализаціи; авторъ, по видимому, задался мыслью: пробудить своей пьесой нынѣшнее студенчество, которое значительно измельчало и опошлилось. Въ такомъ духѣ и съ такими же тенденціями есть у нѣмцевъ не мало пьесъ, но студенты относятся къ нимъ холодно, такъ какъ въ самой жизни нѣтъ ничего такого, что возбуждало бы ихъ къ героическимъ подвигамъ. Да и пьесы, построенныя на принципѣ студенческой чести и высоты призванія, какъ напр. «Das bemooste Haupt» д-ра Бенедикса, не имѣютъ особенно сильнаго, облагораживающаго вліянія на молодежь. Я самъ видѣлъ, какъ самые высокія движенія, самые идеальные поступки театральныхъ героевъ, рѣзко противорѣча невзрачному быту большинства нынѣшнихъ студентовъ, — вызывали лишь смѣхъ со стороны послѣднихъ.

Время борьбы Германіи за національную свободу вызвало въ обществѣ, а слѣдовательно также и въ студенчествѣ, новую идею, до сихъ поръ волнующую Германію, — идею національнаго единства. Студенческія корпораціи того времени, обыкновенно именовавшіеся Burschenschaften, держались нравственно-политическихъ началъ, выработанныхъ прежними переворотами; такими принципами буршеншафствъ главнымъ образомъ были: въ 1-хъ, единство, свобода и равенство всѣхъ буршей, равенство всѣхъ ихъ правъ и обязанностей, во 2-хъ, христіанско — національное развитіе всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ на службу отечеству, въ 3-хъ, связь и единство всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ, которые должны послужить основаніемъ и примѣромъ общегерманскаго національнаго единства, и въ 4-хъ, уничтоженіе дуэли. Въ отдѣльныхъ правительствахъ началась сильная реакція этому направленію, возникшему въ обществѣ и въ университетахъ, и буршеншафства, послѣ столь непродолжительнаго торжества, должны были или пасть, или — переродиться, тогда какъ ихъ дѣятельность принимала уже обширные размѣры. Карль Раумеръ помнитъ, какъ 18 окт. 1813 года въ Іенѣ собрались депутаты отъ 14 университетовъ и установили вышеприведенныя начала, которымъ никакъ нельзя отказать въ разумности.

Особенно дѣятельнымъ и опаснымъ противникомъ буршеншафствъ явился Меттернихъ, который былъ убѣж-

день, что съ каждой новой генераціей этотъ духъ самобытности и единства будетъ все сильнѣе развиваться въ университетахъ, и потому законы противъ тайныхъ обществъ распространилъ и на означенныя студенческія корпораціи, но никакъ не могъ убить ихъ политическій духъ. Необходимо было создать эквивалентъ, вызвать новую реакцію изъ среды самихъ студентовъ, и помочь ея торжеству. Дѣйствительно, по системѣ Меттерниха, всѣ нѣмецкія правительства стали поддерживать вновь появившіяся въ это время корпораціи, бравшія подъ свою защиту старинныя традиціи, уже отживавшія формы прежняго студенчества. Поединки, вакханаліи, щегольство — болѣе и болѣе находили приверженцевъ, и стали поглощать всѣ помыслы этихъ юныхъ консерваторовъ; — и хотя ихъ грубость и распущенность, ихъ замкнутость и враждебность къ другимъ своимъ товарищамъ явно вели ихъ на ложный путь, — но за то отвлекали отъ всякихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, погружая въ глубокій индифферентизмъ какъ въ отношеніи науки, такъ и въ отношеніи окружающей жизни. Такъ сложились нынѣшніе *Corps*, на которые намъ придется обратить особенное вниманіе.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ продолжалось это распаденіе студенчества на мелкія, одна къ другой враждебныя партіи, и буршеншафства, соединившіяся съ прежними землячествами, болѣе и болѣе уступали мѣсто по-

стоянно усиливающимся кодрамъ. Июльская революція, какъ извѣстно, только слегка коснулась жизни нѣмецкаго народа, вызвала только немногіе одиночные порывы, — но буршеншафта еще разъ вспыхнули, чтобы потомъ угаснуть уже надолго. Затѣмъ, студенчество оставалось спокойно, и не преслѣдовало никакихъ особенныхъ цѣлей, пока 1848 годъ снова не увлекъ его. Но такъ какъ всему народному движенію этого времени не доставало ясно опредѣленной задачи, и притомъ къ національно-политическому элементу примѣшивался еще крайне-соціалистическій, тѣмъ самымъ рѣзко отличая это время отъ движенія 1813 года; то по тѣмъ же самымъ причинамъ и стремленія тогдашнихъ реформаторовъ студенческой жизни уже переходили границу возможнаго и достижимаго: въ порывахъ поборниковъ прогресса было мало практическаго и много безплоднаго. Кѡры, какъ мартовскія правительства 48 года, немного покрутившись въ прогрессивномъ потокѣ, опять вошли въ свое спокойное русло съ наступленіемъ реакціоннаго періода, и даже начали борьбу противъ преданныхъ прогрессу корпорацій, которыя называли себя въ отличіе отъ Corps — союзами (Verbindungen). Идеальныя тенденціи этихъ новыхъ союзовъ, сильно проникнувшихся гегелизмомъ, и болѣе умствовавшихъ, чѣмъ дѣйствовавшихъ, — лишь содѣйствовали торжеству ихъ противниковъ, съ успѣхомъ развивавшихъ свой Corpsswesen, пока наконецъ отрезвившіеся союзы не

возвратились къ здоровымъ и опредѣленнымъ началамъ прежнихъ буршеншафствъ.

Съ 1359 года, много придаващаго жизненности и бодрости нѣмецкому народу, новыя студенческія Verbindungen и Burschenschaften, немного сплотивъ свои силы, стали, наконецъ, брать рѣшительный перевѣсъ надъ анахронистическими кѣрами, которые съ отчаяніемъ, но постоянно слабѣя, до сихъ поръ борются за свое существованіе; однако имъ явно уже не достаетъ ни численной, ни моральной силы. Можетъ быть они уже давно пали-бы, если-бы ихъ враги, дружно отвергающіе устарѣвшій Corpswesen, сами еще не дѣлились на многіе взаимно-враждебные лагеря. Такъ напр. еще въ 30-хъ годахъ, сперва въ Эрлангенѣ, а потомъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, нѣкоторые студенты, и особенно теологи, составили особые Verbindungen именно изъ оппозиціи корамъ, до противоположности рѣзко отличавшіяся отъ послѣднихъ по духу и устройству. Они стали называть себя *Вингольфами* (Wingolf), особенно съ 1850 года, такъ какъ Вингольфовскія шкетистическія идеи нашли въ нихъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ. Корпораціи эти отвергаютъ пестроту и обрядность кѣровъ, ихъ понятія о чести и дуэли, произносятъ строгій обѣтъ всякаго воздержанія и цѣломудрія и т. п. Впрочемъ, они не уважаются ни другими студентами, ни общественнымъ мнѣніемъ, которое находитъ, что эти молодые люди уже

слишкомъ увлекаются духомъ противодѣйствія, задерживающимъ ихъ правильное, всестороннее развитіе, что они вдаются уже въ слишкомъ крайнее *церковно-политическое* направленіе, страдаютъ замкнутостью и отрѣшенностью, а все это представляетъ едва-ли лучшую картину нравовъ въ сравненіи съ ихъ противниками, — хотя картина эта и совершенно въ иномъ родѣ (6). И дѣйствительно, если коры напоминаютъ старыя времена пенализма, за то Вингольфы служатъ отголоскомъ узкаго конфессіонализма XVII столѣтія.

Такимъ образомъ, постепенно слѣдя за историческими судьбами германскаго студенчества, мы подошли уже къ нынѣшнему его положенію, на которое необходимо бросить общій взглядъ. Мы видѣли, какъ, вмѣстѣ съ развитіемъ европейской цивилизаціи, мѣнялись и нравы студентовъ; число людей, отдающихся безавѣтному разгулу и грубымъ удовольствіямъ, постоянно уменьшалось въ университетахъ; прогрессивное меньшинство сначала было въ нихъ такъ незначительно, такъ слабо, что не могло заявить своей самостоятельности и часто терялось въ поглащавшемъ его большинствѣ; но уже со времени освобожденія науки отъ схоластическихъ оковъ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ чистому знанію, число людей, посвящающихъ свои молодые годы преимущественно наукѣ и чрезъ нее — своему нравственному совершенствованію, постоянно увеличивается до того, что

въ нашемъ столѣтїи внутренняя борьба за идею, слѣдовательно разумная борьба, раздѣляетъ все нѣмецкое студенчество на нѣсколько лагерей. Не забудемъ при этомъ, что только при условїи свободы, въ немъ могъ такъ правильно совершаться этотъ органическій процессъ развитїя, во многомъ напоминающїй исторїю развитїя и всего европейскаго человѣчества. Вотъ почему нѣмцы такъ и гордятся своими университетами и ихъ превосходствомъ надъ университетами другихъ народовъ! Я отчасти уже указалъ на двѣ противоположныя крайности въ бытѣ и направленїи нынѣшняго студенчества — Corps и Wingolfiten. Между этими крайностями, на различныхъ степеняхъ отдаленїя или приближенїя, стоитъ множество корпорацій, проникнутыхъ разнообразными тенденціями, живущими отчасти и въ самомъ обществѣ нынѣшней Германїи, — и тотъ весьма ошибся бы, кто захотѣлъ бы подъ понятїемъ «нѣмецкій студентъ» разумѣть извѣстный, опредѣленный типъ. Даже многіе изъ студирующихъ въ Германїи русскихъ не дѣлаютъ этого различїя, и подъ каждой цвѣтной фуражкой готовы видѣть отъявленнаго бурша — драчуна и лѣнтяя. Причиной этому съ одной стороны — наше привычное понятїе объ однообразности, съ другой — необщительность самихъ нѣмецкихъ студентовъ; при томъ же разнообразїе нынѣшней студенческой жизни, не стѣсняемой особенными мелочными предписанїями, достигло такихъ размѣровъ, какихъ еще никогда не дости-

гало. Часто самая ветхая старина держится рядомъ съ совершенно новымъ явленіемъ, и это смѣшеніе звуковъ и отголосковъ прежнихъ вѣковъ съ требованіями и воззваніями текущаго дня сильно затрудняетъ пониманіе такого интереснаго явленія — какъ германское студенчество.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НѢМЕЦКАГО СТУДЕНЧЕСТВА.

Удобнѣ всего раздѣлить все обучающееся въ германскихъ университетахъ юношество на 4 главные класса: во 1-хъ, на корпораціи съ строго корпоративными началами и съ стремленіемъ къ пропагандѣ этихъ началъ, которыя должны вести къ связи и единству всѣхъ германскихъ университетовъ; къ такимъ корпораціямъ, преслѣдующимъ общестуденческіе интересы, принадлежатъ прежде всего вѣчно-праздные Corps, имѣющіе свой общій съѣздъ (Bundestag) въ Кёзенѣ (*) для совѣщанія *о средствахъ побѣдить реакцію*; и потомъ ихъ противники Verbindungen и Burschenschaften, но не всѣ; во 2-хъ, на корпораціи болѣе замкнутыя и разрозненныя,

(*) Этотъ съѣздъ обыкновенно бываетъ около Троицы и въ засѣданіяхъ могутъ принимать участіе только сениоры — представители своихъ еборовъ.

равнодушно относящіяся къ другимъ корпораціямъ, если только съ ними не приходятъ въ соприкосновеніе ихъ собственные интересы; сюда относятся: Wingolfiten съ ихъ ортодоксальными принципами, которыхъ они, однако, никому не навязываютъ, разсѣянные тамъ-и-сямъ Progress-Verbindungen, далѣе—Landmannschaften и нѣкоторыя Burschenschaften; оба первые класса имѣютъ свои цвѣта, обязательныя собранія (Convents и Kneipen), и отчасти дуэль, которую безусловно признаютъ одни Corps, и отвергаютъ одни Wingolfiten, въ 3-хъ, собственно общества (Vereine) безъ строгихъ корпоративныхъ началъ и часто безъ цвѣтовъ, какъ напр. разныя ученыя, гимнастическія, музыкальныя или шахматныя общества, неимѣющія никакихъ исключительно студенческихъ или политическихъ тенденцій, всѣ такъ называемые Wilden, образующіе свои кружки (Blasen), разные друзья по кнейнѣ (Conkneipanten), правильно собирающіеся пить вмѣстѣ пиво и т. п. Но всѣ эти общества въ общихъ университетскихъ дѣлахъ и праздникахъ часто составляютъ чувствительную оппозицію другимъ корпораціямъ, и особенно корамъ; наконецъ въ 4-хъ, всѣ Nichtverbündeten, не имѣющіе ничего корпоративнаго и обязательнаго, предпочитающіе черныя цвѣта всякимъ другимъ яркимъ, а потому называемые также Obscuranten, и во многихъ университетахъ величаемые Kameelen. Къ этому же классу можно отнести всѣхъ отдѣльно стоящихъ иностранцевъ или взрослыхъ

посѣтителей лекцій, которымъ даже необязательно матрикулизироваться. Всѣ эти вольные люди, по большей части суть самые сильные противники всякаго корпоративнаго начала; и потому они еще болѣе презираются корпораціями, чѣмъ третій классъ «дикихъ», все же имѣющихъ сходки и выборы въ необходимыхъ случаяхъ. Къ послѣднимъ двумъ классамъ, по преимуществу, принадлежать всѣ скромные трудолюбивые бѣдняки.

Извѣстно, что каждый германскій университетъ отличается отъ другаго и въ ученомъ, и въ административномъ отношеніи, въ духѣ и направленіи какъ профессоровъ, такъ и студентовъ, а потому жизнь студенчества при каждомъ университетѣ течетъ своимъ особымъ путемъ. Такимъ образомъ, отмѣтивъ нѣкоторыя общія черты этой жизни, слѣдуетъ особенно остановиться на частностяхъ, безъ которыхъ не будетъ понятно и общее, какъ одна только отвлеченная характеристика.

Узко-корпоративный духъ менѣе всего замѣтенъ въ большихъ университетскихъ городахъ, гдѣ, при разнообразіи общественной жизни, этотъ духъ слабѣетъ, перемѣшиваясь съ другими элементами; да и исторія студенчества показываетъ, что въ бѣдныхъ жизняхъ городкахъ оно болѣе складывалось въ своеобразныя, и даже уродливыя формы, чаще сливалось въ одну массу и производило безпорядки. Если число собственно корпоративныхъ студентовъ

съ цвѣтами и дуэлями, нынѣ полагають въ Германіи отъ 25⁰/₀ до 50⁰/₀ (⁷); то въ молодомъ *Берлинскомъ* университетѣ (основ. въ 1809 году) на 2000 студентовъ, корпораціи заключаютъ не болѣе 6—8⁰/₀. Корпоративной формы молодые люди тамъ почти не носятъ, и чаще видна только бѣлая шапочка вингольфовъ, которая, по словамъ ихъ противниковъ, въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ при случаѣ замѣняетъ лестное рекомендательное письмо. Кромѣ 4 коровъ: Märker, Normannen, Westphalen и Vandalen, въ Берлинѣ существуютъ еще: буршеншафство Germania, землячество Normannia, и два ученыхъ общества: теологическое и философское (Fichte-Verein), безъ цвѣтныхъ отличекъ, съ правильными и дѣльными собраніями. Философское общество, членомъ котораго также состоитъ проф. Тренделленбургъ и нѣсколько молодыхъ доцентовъ, держится началъ Гербарта и Шопенгауера, и замѣчательно, что Гегелевская философія, когда-то исключительно господствовавшая въ Берлинѣ, уже не находитъ нынѣ приверженцевъ, которыхъ не болѣе и въ другихъ университетахъ въ нынѣшнее философско-индефферентивное время. Другія студенческія общества въ Берлинѣ: историческое, филологическое, филантропическое, гимнастическое (до 100 челов.), шахматное и др. не имѣютъ особеннаго значенія, но все же указываютъ на преобладаніе серьезнаго и научнаго интереса между студентами. Ихъ патріотическое направленіе прекрасно выразилось въ послѣд-

немъ праздникъ въ память 3-го февраля 1813 года (*), который былъ не менѣе великолепенъ и въ Боннѣ. Сборы къ празднику, конечно, не обошлись безъ замѣшательствъ, вслѣдствіе раздробленности студентовъ на враждебныя партіи. Передъ избраніемъ распорядительнаго комитета, всѣ коры объявили, что они могутъ принимать участіе только въ такомъ праздникѣ, который устроенъ ими самими, и когда, 19 января вечеромъ, собрались студенты (болѣе 500 челов.) для выбора членовъ комитета и президента, и приступили къ совѣщаніямъ, поднялся такой шумъ, что нельзя было разслушать ни одного слова. Оказалось, что замѣшательство производятъ коры, желавшіе разстроить все дѣло, если президентъ будетъ выбранъ не изъ ихъ среды. При общей подачѣ голосовъ, студентъ теологій Германнъ былъ избранъ 339 голосами противъ 182, принадлежавшихъ корамъ. Такъ они были побѣждены численностью. Затѣмъ началось чтеніе и обсуживаніе разныхъ предложеній. Когда дѣло дошло до избранія членовъ комитета для процессіи съ факелами (Fackelzug), опять началась игра партій, и уладилась, наконецъ, тѣмъ, что каждый факультетъ избралъ «ein Corps-, ein Verbindungs- und ein Kameelstudent.» Такъ были примирены и кор-

(*) Въ этотъ день прусскій король обратился къ своимъ студентамъ съ воззваніемъ взять мечъ за освобожденіе отечества, поработеннаго Наполеономъ.

поралы и «верблюды» и разныя Verbindungen; но все же каждой партіи хотѣлось одной торжествовать, и коры такъ усердно дѣйствовали во всемъ наперекоръ, что Kreuzzeitung, подозрѣвавшая, какъ бы изъ этого праздника не вышло какой нибудь манифестаціи, поспѣшила причислить коры къ числу приверженцевъ своей партіи, къ великому огорченію самихъ коровъ и торжеству ихъ противниковъ. Нѣкоторыя корпораціи, напр. старинная «Berliner Burschenschaft», совсѣмъ не пожелали принимать участія въ праздникѣ.

Какъ-бы то ни было, 3-го февраля праздникъ осуществился, и было до 1000 челов. участвующихъ. Каждой корпораціи, особенно корамъ, которымъ было предоставлено идти во главѣ Fackelzug'a, хотѣлось похвалиться своей численностью при процессіи, и они набрали побольше прежнихъ своихъ членовъ и разныхъ волонтеровъ, между которыми были даже русскіе. До обѣда былъ совершенъ Festzugъ отъ университета къ національному монументу, съ музыкой, знаменами, въ полной униформѣ, при звукахъ патріотической пѣсни: «Stimmt an mit hellem hohen Klang.» Со ступеней монумента президентъ праздника, студ. теол. Германнъ, сказалъ небольшую рѣчь, на которую народъ отвѣчалъ радостными «Noch». Послѣ обѣда другимъ путемъ прошла роскошная процессія съ факелами. Вечеромъ въ Villa Colonna происходилъ богатый коммершъ со множествомъ тостовъ и рѣчей. Ректоръ университета

Beseler и многіе профессора принимали самое живое участіе въ коммершѣ; но когда знаменитый Фирховъ началъ свою рѣчь къ пирующимъ, изъ среды ихъ раздался крикъ: «Nichts Politisches!» отчасти смутившій оратора. Въ тотъ же день, какъ оказалось, «берлинское буршеншафство» праздновало свой отдѣльный праздникъ (Gegenfeier), въ пику другимъ.

Этотъ краткій очеркъ общаго студенческаго предпріятія, надѣюсь, достаточно показываетъ разъединенность студентовъ, ихъ распри и интриги, невинный характеръ которыхъ скорѣе вызываетъ улыбку, чѣмъ порицаніе. Близость профессоровъ и ихъ снисходительное участіе къ дѣламъ студентовъ можно видѣть всюду въ Германіи; особенно они поддерживаютъ своимъ вліяніемъ и совѣтомъ разумные «союзы» и буршеншафства. На коммершѣ берлинскаго буршеншафства Germania (22-го ноября 1862 г.) въ честь ея основанія присутствовали профессора Фирховъ и Гольцендорфъ, говорили рѣчи, пили тосты и пѣли пѣсни; іенскій профессоръ Стой почти постоянно приглашается студентами на ихъ корпораціонныя торжества; боннскій профессоръ Бушъ уважается всѣми студенческими партіями, и состоитъ въ постоянномъ сношеніи съ ихъ сеніорами, стараясь, при ихъ содѣйствіи, устроить общій судъ (Ehrengericht или Jury). Въ *Вьннѣ* недавно образовался Studenten-Krankenverein, въ которомъ также членами всѣ медицинскія знаменитости; доктора и аптеки обязались

оказывать студентамъ безвозмездную помощь, а Императоръ отпустилъ на фондъ огромную сумму изъ собственной кассы. Замѣчательно, что въ Вѣнскомъ университетѣ, который въ 1865 году будетъ праздновать свой 500-лѣтній юбилей, уже нѣтъ ни одного кора, но за то множество Verbindungen (10), число членовъ которыхъ доходитъ до 300 человекъ. Многія изъ нихъ чисто славянскія. Всѣ они имѣютъ свой общій Bundesrath, состоящій изъ депутатовъ, по трое отъ каждой корпораціи. Связь съ профессорами здѣсь особенно сильна, и однажды на коммерши «Саксоніи» было 12 профессоровъ, которые не только пѣли и говорили рѣчи, но и участвовали въ церемоніяхъ при знаменитой пѣсни «Landesvater.»

Быструю жизнь и пеструю измѣнчивость корпорацій хорошо можно видѣть на *Прагѣ*, гдѣ ихъ много появилось преимущественно съ 1861 года, *т. е. со времени дарованія конституціи*. Многія существовали и до этого времени, но тайно. Въ 1861 году было 7 корпорацій (Verbindungen) съ общимъ конвертомъ депутатовъ (DC. по обще-принятому сокращенію), и съ отличительными цвѣтами *). Политехническая школа имѣла свои двѣ кор-

(*) Хиларія — черно-бѣло-голубой; Альбіи — черно-бѣло-желтый; Аустрія — черно-бѣло-золотой; Теутонія — голубо-бѣло-золотой; Арминія — черно-бѣло-зеленый; Каролина — зелено-золотисто-красный; Готія — голубо-красно-золотой; Политехнія — желто-бѣло-красный; Констанція — черно-бѣло-фіолетовый.

порациі съ своимъ DC. Въ такой DC. отъ каждой корпорациі посылалось по 2 представителя, выбранныхъ большинствомъ голосовъ, и здѣсь, какъ въ высшей инстанціи, разбирались тяжбы корпорацій и студентовъ между собою; здѣсь же назначались и устраивались коммерши, общіе поѣзды (Spritzfahrten) и другія общестуденческія предпріятія. Всѣ корпораціи, признавшія DC., обязывались въ случаѣ надобности давать удовлетвореніе, т. е. признавали дуэль, если только «судъ чести», состоящій изъ трехъ выборныхъ отъ каждаго союза, присудить ея необходимость для удовлетворенія оскорбленной стороны. Пока существовалъ этотъ «судъ чести», шпага только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшала дѣло, и вообще дракъ (Paukereien) было мало. Но уже въ началѣ 1862 года послѣдовала большой переворотъ, или, нѣкоторымъ образомъ, революція. Корпорациія *Хиларія*, принявшая имя Франконіи, потомъ совершенно слилась съ Арминіей, вслѣдствіе чего произошла уже Франкоарминія, далѣе *Руія*, *Альбія*, отчасти *Каролина* и *Политехнія*, почему-то стали обнаруживать вражду къ другимъ, и вдругъ объявили, что онѣ имѣютъ совершенно другое воззрѣніе на судебный поединокъ, и потому «суда чести» вовсе не признаютъ, что они хотя и остаются Verbindungen, но скорѣе принимаютъ начала кóровъ. Три остальные: Аустрія, Теутонія и Готія, протестовали противъ такого вольнодумства, но этотъ протестъ и споръ привели только къ тому, что

и означенныя три корпораціи вышли изъ общаго конвента депутатовъ и образовали новый ДС. подъ предсѣдательствомъ Аустріи. Ихъ соперники сдѣлали то-же самое. Оба новые ДС. выразили другъ другу полное презрѣніе *). Однако въ февралѣ же начались переговоры, увѣнчавшіеся успѣхомъ: конвентъ трехъ прежде покинутыхъ корпорацій предложилъ нѣкоторыя выгодныя условія, и по принятіи ихъ конвентомъ четырехъ, опять вступилъ въ общій ДС., и всѣ вмѣстѣ обязались къ строгому соблюденію «суда чести». Но успокоившіеся такимъ образомъ союзники не долго наслаждались миромъ! Тѣ же самыя корпораціи, которыя и въ началѣ подняли знамя раздора: Ругія, Франкоарминія и Альбія, послѣ многихъ бурныхъ собраній, рѣшительно провозгласили себя отдѣльными ко-рами; при этомъ также произошли значительныя превращенія въ цвѣтахъ и названіяхъ: Франкоарминія назвалась Молдавіей, а Политехнія — Франконіей; семеро членовъ вышло изъ Альбіи и вступило въ Молдавію. Эти три молодые кора составили свой конвентъ сеніоровъ (SC. по сокращенію) и первое мѣсто заняла по прежнему Ругія. Пять остальныхъ союзовъ, вѣрныхъ прежнимъ началамъ, устроили ДС. съ очереднымъ предсѣдательствомъ въ каждый семестръ, и заявили свое презрѣніе къ ко-рамъ. Констанція

(*) Verruf aussprechen значить: отказать въ сатисфакціи изъ презрѣнія, послѣ чего междоусобныя дуэли уже невозможны.

не была принята въ DC, но выражены ей уваженіе и готовность давать сатисфакцію. Готія въ концѣ 1862 года совершенно исчезла отъ худосочія: ей не доставало приличнаго числа членовъ. До сихъ поръ между названными пятью союзами и тремя корами не существуетъ никакихъ сношеній, но можетъ быть завтра же послѣдуетъ радикальный переворотъ.

Чтобы не много познакомиться съ обыкновеннымъ назначеніемъ такихъ студенческихъ конвентовъ, остановимся на маленькомъ университетскомъ городкѣ *Гиссенъ*, гдѣ, по выраженію нѣмцевъ, «ist kein Leben — nur Studium». Здѣсь три Verbindungen: Германія, Алеманнія и Виногольфъ составили общій Verbindungen-Convent (VC.), уставъ котораго заключаетъ слѣдующія положенія: 1) Какъ для водворенія истинно-товарищескихъ отношеній между студентами этихъ корпорацій, такъ и для необходимаго огражденія ихъ правъ, достоинства и общественнаго положенія, оказалось необходимымъ, посредствомъ общихъ конвентовъ противодѣйствовать вредному разъединенію корпорацій. 2) Союзы: Германія, Алеманнія и Вингольфъ объявляютъ себя въ пользу такихъ общихъ конвентовъ. 3) Конвентъ имѣетъ главною цѣлью — улучшение общественнаго положенія названныхъ корпорацій, причемъ всякія политическія и религіозныя интересы исключаются изъ круга ихъ сношеній. 4) Сношенія эти не должны также ни мало нарушать автономію каждой

изъ корпорацій. 5) Сношенія происходятъ чрезъ посредство постоянной комиссіи, состоящей изъ представителей— по двое отъ корпораціи. 6) Такой конвентъ президентовъ (РС.) охраняетъ интересы студентовъ, и въ необходимыхъ случаяхъ имѣетъ право инициативы. 7) Во всѣхъ общихъ дѣлахъ онъ есть прямой представитель всѣхъ признающихъ его студентовъ и органъ для сношеній съ ними. 8) Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, и каждая корпорація имѣетъ одинъ голосъ. 9) Конвентъ есть высшая инстанція для разрѣшенія недоразумѣній между корпораціями и ихъ членами. 10) Дуэль вовсе отвергается; при столкновеніяхъ же со студентами постороннихъ корпорацій дѣло разбирательства слѣдуетъ обыкновеннымъ законнымъ путемъ по начальству. Прибавимъ, что подобнымъ учрежденіямъ особенно покровительствуютъ и правительства, и университетскія начальства, въ томъ убѣжденіи, что если ужъ корпораціи неизбѣжны, — то этотъ видъ ихъ есть наилучшій.

Кажется, нигдѣ не является студенчество въ такомъ раздробленномъ, и въ тоже время разнохарактерномъ видѣ, какъ въ аристократическомъ Боннскомъ университетѣ (основанъ въ 1786 году); изъ пяти коровъ (шестой недавно уничтожился) ни одинъ не имѣетъ болѣе 20 членовъ; кромѣ того: 4-небольшихъ буршеншафства, изъ которыхъ только Алеманнія насчитываетъ до 50 членовъ; 3 союза; между «дикими» много кружковъ (Blasen),

съ наиболѣе замѣтными: Валгалла и Фамилія. Кромѣ пяти кѣровъ — дуэль признается только двумя буршеншафствами: Алеманнія и Тевтонія. Однако при всей этой раздробленности, студентамъ иногда удается устраивать болѣе или менѣе общія предпріятія, въ родѣ патріотическаго празднества 3-го февраля 1863 г.

Гёттингенъ, Вюрцбургъ и Гейдельбергъ могутъ называться истинными Эльдorado корпоративной жизни студентовъ. Имъ едва ли уступить и маленькая *Иена* (*), во многомъ сохранившая духъ и обычаи прежнихъ вѣковъ студенчества; такъ въ ней до послѣдняго времени держится обычай, по которому около Троицы всѣ бурши занимаютъ старинный замокъ Рудельсбургъ, и фуксы должны брать его приступомъ, чтобы получить права буршей. Эти маленькіе городки, въ которыхъ все дышетъ далекой стариной и еще не совсѣмъ утратившейся простотой, носятъ рѣзкій, исключительно *студенческий* характеръ, которому отчасти сталъ измѣнять одинъ Гейдельбергъ. Весь такой городокъ существуетъ студенчествомъ и для студенчества; здѣсь всюду только и встрѣчаешь или студента или профессора, — и развѣ подъ вечерокъ — ремесленный народъ, цѣлый день работавшій на студентовъ. Между магазинами преобладаютъ *книжные*,

(*) Иенскій университетъ основанъ въ 1558 году.

съ картинами изъ студенческой жизни въ окнахъ и на дверяхъ, а если и замѣтишь некнижные, — такъ они непременно набиты всякими студенческими вещами: длинными трубками, толстѣйшими палками съ корпоративными гербами, альбомами съ корпоративными цвѣтами и т. п. У сапожника въ окнахъ всегда выставлены высокіе студенческіе сапоги (Сапопен), у портнаго — студенческія венгерки и куртки (Jacken), у шляпочнаго мастера — студенческія цвѣтныя шапочки (Cerevis), у фотографа — группы студентовъ съ шопенами пива въ рукахъ и боченками въ перспективѣ; даже въ желѣзной лавкѣ, куда заходитъ простолюдинъ купить гвоздей или лопату, выставлены на показъ шлегеры и желѣзныя рѣшетки, надѣваемые на голову при поединкахъ. Высокіе и узкіе дома всѣ переполнены студентами, и въ иныхъ трактирахъ ихъ обѣдаетъ по нѣскольку сотъ ежедневно. По улицамъ бѣгаетъ множество собакъ — и все студенческія. Днемъ непрерывно, съ громкимъ говоромъ, валяютъ толпы то къ университету, то отъ него; по ночамъ изъ всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ переулковъ несутся дружныя пѣсни и нелѣпыя крики: то кнейпируютъ корпораціи или бродятъ запоздалые гуляки, долго не дающіе уснуть мирному филистеру. Особенно потѣшается этотъ народъ эхомъ на городской площади. Даже за городомъ, во всѣхъ окрестностяхъ, въ деревенскихъ трактирахъ — всюду увидишь или самихъ студентовъ, или ихъ слѣды, такъ какъ

гдѣ ни посидить студентъ, всюду нацарапаетъ или девизъ своей корпораціи, или какое нибудь имя, въ родѣ Lina, Martha, Thekla, желая обезсмертить эти главнѣйшіе предметы всѣхъ своихъ помысловъ. Столы въ аудиторіяхъ и трактирахъ, пивныя деревянныя кружки, стѣны, скамейки въ садахъ, деревья—все украшено этими священными іероглифами. При началѣ или концѣ семестра, при приѣмѣ фуксовъ или въ день основанія иной корпораціи, весь городъ не можетъ не заняться студентами: длинные ряды экипажей со значками несутся по улицамъ, хотя обыкновенно никто никогда не ѣздитъ и рѣдко случить колесо; вечеромъ тянутся процессіи съ музыкой и пѣснями, при красномъ свѣтѣ факеловъ: такія событія составляютъ развлеченіе для самихъ обывателей, при отсутствіи другихъ общеувеселительныхъ учрежденій, и улицы кипятъ откуда-то взявшимся народомъ. О всѣхъ подобныхъ городкахъ можно сказать тоже, что и о Гиссенѣ: «Hier ist Kein Leben — nur Studium!» Студенты необходимо чувствуютъ себя хозяевами въ городѣ и проникаются полнѣйшимъ презрѣніемъ ко всему не студенческому міру. Городской полиціи нигдѣ не видно, да она и состоитъ обыкновенно изъ двухъ-трехъ полисменовъ, за то неделей не мало!

Въ такихъ притонахъ студенчества и науки академическіе граждане наиболѣе интересуются жизнью и судьбами всего германскаго университетскаго юношества. Изъ Гёт-

тинена (*) идетъ особенно сильная пропаганда во всѣхъ другіе университеты, призывающая къ дружному единству и разумному обновленію, достойному нынѣшняго великаго вѣка. Пропаганда эта, какъ и всякія другія, проводится посредствомъ чисто студенческаго органа «Allgemeine akademische Zeitung» (ред. д-ръ Бартоломеи), наполненнаго статьями самихъ студентовъ, и посредствомъ общихъ съѣздовъ. Но, къ несчастію для дѣла, взывая о связи и единствѣ, каждая партія хочетъ основать это единство на своихъ любимыхъ началахъ: коры на дуэли, союзы—на «судѣ чести», «дикіе»—на отсутствіи корпоративныхъ принциповъ, и т. п., а потому дѣло соединенія подвигается очень медленно, какъ и вообще всѣ подобныя дѣла въ Германіи. Въ самомъ Гёттингенѣ далеко не видно желаннаго единства: тутъ есть и коры, и вингольфы, и прогрессивные союзы, и множество «верблюдовъ» и «дикихъ обскурантовъ». Еще больше внутренняго разлада въ католическомъ *Вюрцбургѣ*, гдѣ преобладаетъ медицинскій факультетъ, славящійся многими европейскими знаменитостями, и совершенно отдѣленный отъ остальныхъ факультетовъ, со своимъ особымъ помещеніемъ. Послѣднему обстоятельству надо приписать и распространенный между Вюрцбургскими студентами духъ матеріализма. Не доказываетъ-ли это также, какъ неблагоприятно отрывать отъ университетовъ высшія спе-

(*) Университетъ основанъ въ 1734 году.

ціальныя школы и ставить ихъ въ изолированное положеніе, всегда содѣйствующее развитію крайностей, если онѣ не сглаживаются треніемъ о другія крайности. Въ Вюрцбургѣ, впрочемъ, это почти общее матеріалистическое направленіе встрѣтило сильную нравственно-религіозную оппозицію со стороны теологическаго факультета. На основаніи той же важной причины, агрономическая школа въ Іенѣ какъ можно тѣснѣе соединена съ университетомъ, общеобразовательное и связующее вліяніе котораго особенно важно при современномъ обширномъ развитіи отдѣльныхъ отраслей наукъ.

Обычная вражда между Corps и Verbindungen, болѣе или менѣе существующая нынѣ во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, не всегда выражается въ одномъ только нѣмомъ презрѣніи, но переходитъ иногда и въ болѣе рѣзкія формы, и притомъ изъ-за пустяковъ. Недавно въ Гиссенѣ конвентъ союзовъ (VC) задумалъ устроить патріотическій праздникъ съ гимнастикой и пѣснями (Turn- und Gesangfest), но Senioren-Convent (SC) всячески старался разстроить это предпріятіе, а когда это не удалось, то во время самаго праздника студенты изъ кѣрговъ напали на празднующихъ противниковъ, и произошла общая драка съ ея обыкновенными послѣдствіями. Общественное мнѣніе было противъ такого поступка корпораговъ. Впрочемъ, подобныя приключенія вообще бываютъ довольно рѣдко. На дуэль студентъ можетъ выходить_{тъ}

только съ такимъ противникомъ, котораго можетъ уважать, и отказъ отъ вызова считается выраженіемъ самаго ужаснаго презрѣнія. Правда, за этимъ нерѣдко скрывается и трусость, но все же это уменьшаетъ число несчастныхъ случаевъ. Недавно въ Лейпцигѣ вѣкій капитанъ Альмеръ публично далъ пощечину одному студенту; дѣло пошло въ Дрезденъ, и военный судъ приговорилъ капитана къ уплатѣ студенту 12 тал. за безчестіе. Поляки и русскіе, при столкновеніи съ нѣмецкими студентами, вызываютъ ихъ всегда на пистолеты, но такъ какъ послѣдніе на пистолетахъ не дерутся, то, не принявъ вызова, они обыкновенно приносятъ жалобу на вызвавшего въ университетское правленіе, и тотъ, по академическимъ законамъ, получаетъ неизбѣжно *consilium abeundi*. О дуэляхъ, какъ о важной сторонѣ студенческаго быта, намъ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ. Послѣ этой общей характеристики нынѣшняго состоянія студенчества въ Германіи, необходимо перейти къ внутренней, обыденной жизни корпорацій, которая тѣмъ интереснѣе, что она осторожно таится отъ взоровъ непосвященнаго, и носитъ признаки самаго близкаго родства съ студенческимъ бытомъ прежнихъ вѣковъ. Для психолога здѣсь особенно много матеріала для наблюденій надъ природою юноши, и для тѣхъ выводовъ, которые надо принять за основаніе всякаго безпристрастнаго сужденія о *студентахъ* вообще.

Всмотрѣвшись по пристальнѣе въ образъ жизни и стремленія германскихъ студентовъ (*), нельзя не замѣтить въ нихъ всѣхъ тѣхъ признаковъ юношеской природы, по которымъ она непосредственно примыкаетъ къ дѣтскому возрасту и является только новою, высшею степенью послѣдовательнаго развитія человѣческаго духа. И въ самомъ дѣлѣ: какъ ребенокъ обыкновенно любитъ играть представленіями изъ *семейнаго быта* и изъ ближайшаго окружающаго его міра, тогда какъ эта игра для него дѣлается важнымъ умственнымъ процессомъ; такъ юноша какъ-бы играетъ представленіями изъ быта *общественнаго*, то свободно подражая дѣйствительности, то приводя свои представленія, изъ нея же воспринятыхъ, въ новыя сочетанія по прихотливымъ требованіямъ своей фантазіи. Послѣдняя, въ соединеніи съ чувствомъ, еще явно преобладаетъ надъ другими способностями души и содѣйствуетъ творчеству. Творчество это сопровождается полною вѣрою въ дѣло и часто высокимъ благородствомъ стремленій; первое мы видимъ еще поразительнѣе въ дѣтяхъ, второе — есть принадлежность преимущественно юноши. Только жизненная опытность и вступающій въ свои права разумъ низводятъ по немногу юношу съ высотъ его идеальнаго міра, ука-

(*) Свѣдѣніями о внутренней жизни студенческихъ корпорацій въ Германіи, я обязанъ сколько печатному матеріалу, которымъ такъ богата нѣмецкая литература, столько и личнымъ знакомствамъ и наблюденіямъ — на сколько позволяли мнѣ время и спеціальныя занятія.

зывая ему на болѣе низменные, но существеннѣйшія цѣли, на ближайшія и вмѣстѣ труднѣйшія задачи для его дѣятельности. Часто это познаніе жизни и ея непреложныхъ законовъ, справедливо называемое иногда «разочарованіемъ», бываетъ такъ круто, суровая существенность такъ могуче охватываетъ юношу, что разомъ убиваются въ немъ всѣ его юношескіе идеалы, изъ которыхъ многіе должны-бы были служить ему свѣточемъ въ продолженіе всего его странствованія въ мірѣ реальности. *Разстаться* съ благороднымъ идеализмомъ юности — у Нѣмцевъ значитъ «сдѣлаться филистеромъ», у насъ же это потребовало-бы другаго названія... Въ обществахъ, иные постоянно отворачиваются отъ существенности и уходятъ въ міръ свѣтлыхъ призраковъ, другіе же никогда и не поднимаются надъ нею, будучи не въ состояніи ни на мгновеніе высвободиться изъ ея оковъ. Но горе тому юношѣ, который ни разу не любовался красотой имъ самимъ созданныхъ образовъ и не искалъ этой красоты въ дѣйствительности, чтобы, конечно, не найти ея: онъ походилъ бы на ребенка, который никогда не игралъ въ дѣтствѣ и не вкушалъ наслажденія отъ своего дѣтскаго творчества.

Въ Германіи предоставленъ юношамъ болѣе даровитымъ и болѣе образованнымъ возможно полный просторъ счастливѣе пережить этотъ трудный періодъ развитія, гораздо труднѣйшій, чѣмъ дѣтство, — такъ какъ тутъ, и именно при условіи болѣе даровитости и образованно-

сти, происходит наиболѣе опасное столкновеніе съ дѣйствительною жизнью, которая какъ ни не совершенна, но и то едва смогла устроиться усиліями всѣхъ прежнихъ столѣтій. Бѣлая образованность расширяетъ въ юношескомъ духѣ кругъ понятій и представленій, предоставляя въ его распоряженіе обширнѣйшій матеріалъ для творческой игры имъ, а потому и идеализмъ принимаетъ при этомъ обширнѣйшіе размѣры. Юноша, беззаботно бродящій за деревенскимъ стадомъ, не подверженъ этимъ опасностямъ, и не переживаетъ этого важнаго, очистительнаго процесса; но онъ также не миновалъ-бы его, если бы его провели тѣмъ же длиннымъ школьнымъ путемъ, которымъ ведутъ молодыхъ людей къ университетамъ. Въ Германіи сознаютъ эту необходимость, и давая студенту возможность высказывать и обнаруживать свой внутренній міръ, оберегаютъ только, чтобы предпринятый имъ опытъ не могъ повредить или ему же самому, или окружающей его средѣ. Каждый Corps-Student, каждый Вингольфъ, желалъ-бы весь міръ перестроить заново на своихъ любимыхъ началахъ, но міръ не хочетъ понять его, и потому студентъ презираетъ его филистерскую тупость и неподвижность; онъ утѣшается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что можетъ осуществить свою программу въ небольшомъ кругу своихъ единомысленныхъ сверстниковъ. Въ своей корпорации онъ затрачиваетъ весь запасъ своихъ юношескихъ силъ на игру представленіями и идеями.

Но если можно въ природѣ юноши и ребенка найти инныя сходныя стороны, то нельзя также не обратить вниманія на совершенно несходныя, даже противоположныя. Ребенокъ живетъ въ своей тѣсной сферѣ прежде всего *довѣрчивостію*, юноша невольно и неизбежно увлекается скептицизмомъ, желаніемъ провѣрить весь необъятный міръ существующаго, среди котораго онъ только-что очутился и который онъ едва узналъ. Эта пытливость духа началась въ немъ еще въ дѣтствѣ, когда онъ сталъ ломать и изслѣдовать каждую игрушку; теперь-же такой игрушкой стали для него понятія и отношенія окружающаго его общества. Вотъ что говоритъ великій знатокъ челоѣка и челоѣчества — Маколей: «Въ жизни какъ отдѣльнаго челоѣка, такъ и челоѣческаго общества, бываетъ моментъ, когда покорность и вѣра, какія въ позднѣйшее время были бы справедливо названы раболѣпствомъ и легковѣріемъ, являются весьма полезными качествами. Такъ дитя, послушно и довѣрчиво внимающее наставленіямъ своихъ старшихъ, вѣроятно окажетъ быстрые успѣхи, но болѣе взрослый, который сталъ-бы принимать съ дѣтскою послушностью *всякое* положеніе и *всякій* выводъ другаго, заслужилъ бы презрѣніе» (8). Такимъ образомъ эта юношеская, по большей части опрометчивая критика, которой многіе такъ не любятъ, необходима и полезна не столько для общества, и не въ интересахъ самой истины, — но прежде всего въ интересахъ *самого юнаго критика*: его разумъ

ГУСИНЫЙ МАРШЪ.

начинаетъ расправлять свои крылья, ему нужно самостоятельно опредѣлить свои отношенія къ Богу, людямъ и самому себѣ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ педагоговъ нашего времени, Швейцарецъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ часто спорить съ однимъ своимъ воспитанникомъ, очень даровитымъ, но и очень юнымъ, о лучшемъ устройствѣ человѣческаго общества. Молодой человѣкъ съ жаромъ и увѣренностью между прочимъ доказываетъ, что было-бы самое лучшее, если-бы всѣ правительства избирались изъ такихъ-же юношей какъ онъ, и старается убѣдить, какъ скоро-бы такіе правители осчастливили человѣчество! Почтенный педагогъ видѣлъ въ этой аффектаціи не больше, какъ признакъ юности, относился къ ней безъ удивленія или огорченія, и полагалъ, что время, знаніе и опытность сами собою окажутъ вліяніе на его даровитаго воспитанника; своимъ же долгомъ считалъ только *содействовать* созрѣванію молодой души при свѣтѣ науки и убѣжденія. Насиліе въ подобныхъ случаяхъ не только не полезно, — но губительно, какъ губительно также и слишкомъ раннее, преждевременное возбужденіе въ юношѣ многихъ капитальныхъ вопросовъ жизни: ни его тѣло, ни его духъ не выдержать внутренняго броженія. На послѣднее условіе Нѣмцы обращаютъ особенное вниманіе.

И такъ, стремленіе къ самостоятельности, желаніе со стороны взглянуть на общественную жизнь и даже возвыситься надъ нею, осуществивъ свои дорогіе идеалы — вотъ общія

и всѣми признаваемые черты юношескаго возраста (8), и кто можетъ отрицать, что въ эту пору свѣжести и могучаго творчества духа зарождается много прекраснаго, исходящаго прямо изъ божественности человѣческой природы и просвѣтляющаго потомъ всю человѣческую жизнь. Вспомнимъ жизнь многихъ великихъ людей: въ юности зарождались въ нихъ тѣ откровенія, которымъ они потомъ посвящали всю свою дѣятельность на благо всего человѣчества.... На этихъ-то свойствахъ и потребностяхъ юности, которыя мы только-что раскрыли и признали, и держится психологическая основа корпорацій, существующихъ цѣлые вѣка, а не на одной только средневѣковой традиціи, какъ многіе полагають. Видъ самыхъ корпорацій мѣнялся очень часто, — но принципъ корпораціи всегда жилъ въ нѣмецкомъ юношествѣ и всегда проявлялся, потому что въ Германіи *не препятствовали* его проявленію. Мы уже отчасти видѣли, что изъ множества видовъ корпорацій, къ сожалѣнію, далеко не всѣ такъ хороши, какъ это желательно, ибо далеко не всѣ юноши такъ идеально-совершенны и чисты, какъ только можетъ быть чиста и совершенна юношеская природа. Внутренняя жизнь корпорацій, которой коснуться намъ предстоитъ теперь, обнаруживая иногда всю красоту этой природы, часто обличаетъ и значительную степень ея испорченности, показывая, какіе именно недостатки принадлежать времени, и какія — собственно народу. Съ этой точки зрѣнія намъ

наиболѣе необходимо взглянуть на жизнь именно тѣхъ корпорацій, гдѣ особенно много юношески-свѣжаго и наивно—поэтическаго, но еще болѣе застарѣлой испорченности. Я разумѣю кòры (Corps).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

КОРЫ, КАКЪ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОНСЕРВАТИВНАГО НАЧАЛА.

Коры состоятъ преимущественно изъ людей пылкихъ, у которыхъ еще ключемъ бьетъ избытокъ юношескихъ силъ, стремленіе-же къ идеѣ и знанію сильно подавлено романтической жаждой похощеній, а при достаточности или избыткѣ матеріальныхъ средствъ, эпикурейское «саgre diem» (не упускай времени) служить главнымъ девизомъ всей дѣятельности. Эти кружки молодыхъ людей вовсе не показываютъ, какими *должны быть* юношескія наклонности, а только какими они *могутъ быть* иногда, но не должны оставаться навсегда. Если бы всѣ корпорации въ Германіи были таковы, какъ большая часть названныхъ, — всѣ нѣмецкіе патріоты, пожалуй, пришли бы въ отчаяніе за свое юношество и сдѣлались-бы такими-же врагами корпорационнаго начала, *какихъ немало въ Германіи....* Избираю-же я преимущественно этотъ видъ корпорацій не только потому, что онѣ особенно своеобразны и со-

храняють много историческихъ и національныхъ чертъ нѣмецкой жизни; не еще и потому, что наши соотечественники русскіе, если только попадаютъ въ нѣмецкія корпораціи,—то именно въ подобныя; изъ иныхъ мѣстностей прибываютъ самые жаркіе поклонники того гнилаго романтизма, той китайской обрядности и тѣхъ турецкихъ наклонностей къ ниспимъ наслажденіямъ, какія распространены въ большей части такъ называемыхъ кѳровъ. — Наконецъ, узнавъ ихъ поближе, мы лучше поймемъ и смыслъ той реакціи, которая служила поводомъ къ происхожденію новыхъ видовъ корпорацій среди нѣмецкаго студенчества,—а это еще разъ убѣдитъ насъ, что истина, добро и красота суть главнѣйшіе предметы стремленій еще неиспорченной юношеской природы, при всей ея неопытности и непосредственности.

Въ каждомъ университетскомъ городѣ Германіи, въ числѣ многихъ корпорацій, непременно можно найти два — три кѳра, а иногда и болѣе. Исключеніе дѣлаютъ только нѣкоторые Австрійскіе университеты. Названія кѳровъ очень разнообразны, и хотя носятъ въ себѣ смыслъ племеннаго различія, но на дѣлѣ его не существуетъ; напр. Швабы (Suevia), Вестфалы (Westphalia), Пруссакіи, или Саксо-Боруссы (Borussia), Вандалы (Vandalia), Ренаны (Rhenania) и т. п. Каждый кѳръ имѣетъ свою исторію, свой вензель (Circul), золотомъ или серебромъ вышитый на корпоративномъ знамени, и налѣпляемый всюду, гдѣ

только можно: на книгахъ и альбомахъ, на трубахъ, на палкахъ, на пивныхъ кружкахъ — всюду красуется этотъ кудрявый символъ, въ вырѣзываніи котораго непрерывно упражняется каждый Corps-Student, упражняется даже тамъ, гдѣ и не слѣдуетъ, напр. въ аудиторіяхъ на столахъ, на стѣнахъ, на оконныхъ стеклахъ; мнѣ случалось видѣть его нацарапаннымъ даже на прекрасныхъ фрескахъ (въ Мюнхенѣ и въ Швецингенѣ), сильно пострадавшихъ отъ этого рвенія студентовъ къ прославленію своей корпораціи. Символь этотъ имѣетъ обыкновенно и свое значеніе; напр. *Fgv! Vivat, floreat, crescat Guestphalia!* Кромѣ того у каждаго ко́ра есть свой избранный девизъ (*Wahlspruch*), напр. «*Virtute constanti fulget salus*», или: «*In virtute honos, virtuti semper corona*», или: «*Eintracht hält Macht*» и т. п., причемъ надо замѣтить, что слово «*virtus*» въ такихъ девизахъ заключаетъ свое спеціальное, чисто-студенческое понятіе о доблести, не только не похожее на общепринятое у насъ, или у древнихъ Римлянъ, но скорѣе противоположное. Каковъ-же именно долженъ быть доблестный коръ-студентъ — мы еще увидимъ. Наконецъ каждый коръ отличается отъ другаго своими избранными цвѣтами, (*Corps-Farben*) которые играютъ большую роль не только въ знамени и въ гербѣ, но и въ костюмѣ студентовъ, и въ переплетѣ книгъ, и въ убранствѣ общей комнаты (*Corps-Kneipe*), въ которой собираются по вечерамъ кнейпировать всѣ члены корпораціи. Если въ корѣ принять напр.

черно-красно-бѣлый цвѣтъ, — то его увидишь и на маленькой, шитой золотомъ или серебромъ шапочкѣ студента (Cerevis), едва прикрывающей лобъ, на рукояткѣ его шпаги (Schläger), на гербовой ленточкѣ, носимой черезъ плечо поверхъ жилета, на шнуркахъ, которымъ обшить его камзолъ (Kneirjacke), напоминающій венгерку, на цѣпочкѣ для часовъ (Bier-Zipfel), на каждой его вещи, гдѣ только можно помѣстить гербъ въ черно-красно-бѣломъ полѣ: на альбомѣ, на бокалѣ, на трубкѣ, на палкѣ.... Чѣмъ больше студентъ уважаетъ свою корпорацію, чѣмъ болѣе гордится ею, — тѣмъ ярче всё на немъ и у него пестрѣетъ этими завѣтными цвѣтами. Во всѣхъ этихъ безвредныхъ, но странныхъ до нелѣпости формахъ, еще явно проглядываетъ и недавно-минувшее время масонскихъ ложъ, столь благопріятствовавшее укрѣпленію корпоративнаго духа между студентами, — и далекое время возникновенія рыцарскихъ орденовъ и мѣщанскихъ цеховъ, сохранившее свои слѣды не въ одной студентческой жизни на Западѣ....

Обыкновенный, будничный костюмъ коръ-студента рѣзко бросается въ глаза своими особенностями: на немъ бархатный камзолъ, обшитый шнурками по венгерски, на груди виднѣется трехцвѣтная тесемка, надѣтая черезъ плечо по жилету, на головѣ крошечная шапочка какого нибудь яркаго цвѣта, смотря по корпораціи, съ едва замѣтнымъ козырькомъ, а если безъ козырька, — то еще

меньше, прикрѣпленная ко лбу шнуркомъ, (спрятаннымъ на затылкѣ подъ волосами) и потому весьма неудобоснимаемая: это-то и есть серевись: ея околышъ показываетъ три цвѣта корпораціи, а верхъ — корпораціонный вензель въ лавровомъ вѣнкѣ по цвѣтному полю. Такъ какъ все это вышито золотомъ или серебромъ, — то шапочка эта стоитъ недешево (отъ 12 до 20 руб.). Сапоги на корь-студентѣ *высокіе* (Сапоген), иногда выше колѣна; въ рукахъ палка, способная внушать уваженіе, съ хорошимъ наболдашникомъ, въ зубахъ — большая фарфоровая трубка на длинномъ чубукѣ, — и все это, какъ сказано выше, испещренно корпоративными цвѣтами, гербами, вензелями и девизами. Только изрѣдка показывается корь-студентъ въ костюмѣ простыхъ смертныхъ, но съ шапочкой своей почти никогда не расстаётся, и почти никогда не бываетъ одинъ — а всегда двоємъ, или въ компаніи своихъ: съ посторонними онъ не знается, и презираетъ всѣхъ, кромѣ своихъ братьевъ. Видъ онъ имѣетъ гордый, самодовольный, или ухорски-безпечный; длинные волосы въ безпорядкѣ; суровое лицо, носящее признаки вакхическаго утомленія, покрыто шрамами, рубцами, и изрубленный носъ почти всегда въ свѣжихъ, окрававленныхъ заплатахъ, которыми гордится студентъ.

Въ торжественныхъ случаяхъ, при церемоніяхъ, которыя такъ часты въ жизни германскаго записного студента, онъ является въ высокой треугольной шляпѣ, во фракѣ,

въ бѣлыхъ замшевыхъ панталонахъ, и огромныхъ, лаковыхъ ботфортахъ со шпорами; на рукахъ замшевые перчатки съ запястьями т. е. съ раструбомъ, черезъ плечо яркій шарфъ съ цвѣтами корпораціи, на боку шлага съ громадной цвѣтной рукоятію. Впрочемъ, въ такой парадный костюмъ имѣють право облачаться только старшіе члены корпораціи, съ чинами и рангами которой теперь же слѣдуетъ познакомиться.

Мы уже видѣли, что нынѣшніе коры вообще не многочисленны: если въ иномъ можно насчитать человѣкъ 25—то это уже большая корпорація. Малочисленность членовъ корпораціи вредна въ томъ отношеніи, что при замкнутости такого кружка, односторонность и скудность его внутренней жизни часто достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ. Этому немало содѣйствуетъ и самое устройство коровъ, внутри одиakaовое почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ. Во главѣ cadaго Corps стоятъ три главныхъ лица, избранныхъ и уполномоченныхъ всѣми прочими членами — drei Schargirten. Первый изъ этихъ уполномоченныхъ есть Senior — самое вліятельное лицо въ корпораціи: онъ предсѣдательствуетъ въ собраніи старшихъ членовъ — буршей, и на кнейнѣ; второй, его помощникъ, руководить собраніемъ младшихъ членовъ корпораціи — фуксовъ, и завѣдуетъ по части поединковъ; третій, наконецъ — это секретарь и кассиръ корпораціи. Есть и еще сaовникъ, но болѣе по части веселья, остроу-

мія, шутокъ — Fuchs-major: его роль важна только на кнейпѣ, и во всѣхъ другихъ дѣлахъ лишена того авторитета, какимъ пользуются три первыя лица. За тѣмъ всѣ прочіе члены корпораціи дѣлятся на старшихъ — буршей, и младшихъ, или новичковъ — фуксовъ.

Еженедѣльно, въ назначенный разъ на всегда день, въ каждомъ корѣ происходитъ собраніе буршей (Corps-Convent или С.С.) подъ предсѣдательствомъ сеніора, для обсужденія различныхъ вопросовъ по внутреннимъ дѣламъ корпораціи, напр. объ опредѣленіи и устройствѣ коммершей, о принятіи новыхъ фуксовъ, или о производствѣ выслуживагося фукса въ бурши, о разныхъ случаяхъ по отношенію къ другимъ корпораціямъ и т. п. На такихъ-то конвентахъ и развивается въ полной мѣрѣ значеніе сеніора, права и обязанности котораго, однако, еще далеко не исчерпываются этою предсѣдательскою ролью. Для обсужденія болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся коровъ вообще, разъ въ недѣлю собирается еще конвентъ, состоящій изъ сеніоровъ всѣхъ, находящихся при извѣстномъ университетѣ коровъ; онъ называется: Ordentlicher Senioren-Convent, въ отличіе отъ чрезвычайныхъ конвентовъ (ausserordentliche), которые собираются въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Въ такомъ конвентѣ сеніоровъ (SC.) въ первомъ случаѣ засѣдаетъ по два члена отъ каждого кóра, а во второмъ — только по одному. Бываетъ, впрочемъ, еще третьяго рода SC, — это такъ называемый

Verschiss-Senioren-Convent, опредѣляющій на Verschiss (изгнаніе) кого-либо изъ особенно-провинившихся членовъ корпораціи: такому преступнику обыкновенно запрещается всякое сношеніе съ прочими кóрь-студентами, о чемъ и дается знать кóраамъ во всѣ университеты Германіи. Въ этихъ судебныхъ конвентахъ отъ каждаго кóра бываетъ уже по три уполномоченныхъ, и, «um Iemand in Verschiss zu stecken», какъ выражаются студенты, требуется напремѣнно *единство* голосовъ. Такъ заботливо гарантируется личность обвиненнаго. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ видовъ SC. поочередно предсѣдательствуетъ сеніоръ какого-либо кóра, ведетъ секретарскую часть, и черезъ мѣсяць передаетъ свое praesidium другому. Кромѣ конвентовъ бурней (CC), и сеніоровъ (SC.) еженедѣльно происходитъ въ каждомъ кóрѣ еще конвентъ фуксовъ, или такъ называемый Reponsen-Convent, (RC.) подъ предсѣдательствомъ втораго уполномоченнаго (Zweite Schargirte), но на такомъ конвентѣ фуксы, какъ еще не получившіе полнаго права гражданства, вовсе не имѣютъ голоса, и собираются только для того, чтобы выслушать рѣшенія SC. и CC. (*).

Всѣ кóры, смотря по различнымъ университетамъ, имѣютъ свои особенные *законы и постановленія* (Comment), въ которыхъ, однако, какъ въ духѣ и жизни всѣхъ

(*) Такія сокращенія приняты самими студентами во всѣхъ сношеніяхъ и въ дѣлопроизводствѣ, — о чемъ уже было упомянуто выше.

вообще коровъ, много общаго, свой *пивной уставъ* (Bier-Comment), свой *письенникъ* (Commers-Buch), съ которыми долженъ быть основательно знакомъ каждый коръ-студентъ, подъ опасеніемъ строгихъ денежныхъ штрафовъ.

Въ началѣ cadaго семестра, съѣхавшіеся студенты производятъ по ко́рамъ выборы своихъ *чиновниковъ*, пересчитываютъ своихъ старыхъ и новыхъ товарищей, и празднуютъ такъ называемую Eintritts-Kneipe. Новичковъ вербуютъ обыкновенно фуксы, объ обязанностяхъ которыхъ еще придется поговорить въ своемъ мѣстѣ. Самое вступленіе въ корпорацію подвержено извѣстнымъ формальностямямъ, предписаннымъ уставомъ. Вотъ какъ рассказываетъ нѣкій бывшій коръ-студентъ о своемъ вступленіи:

«Посѣщая одну кондитерскую, я познакомился съ нѣкоторыми фуксами ко́ра Thuringia, и высказалъ имъ о желаніи своемъ вступить къ нимъ въ корпорацію. Теперь насталъ для меня періодъ испытанія, опредѣляемый Comment'омъ въ 8 дней; но такъ какъ скоро долженъ былъ праздноваться Eintritts-Commers, то этотъ срокъ былъ для меня сокращенъ на 4 дня. Эти четыре дня сразу я провелъ съ моими новыми товарищами, и они, кажется, были довольны мной, такъ какъ на пятый день я былъ уже приглашенъ на Renoncen-Convent, собравшійся въ квартирѣ одного изъ коръ-студентовъ Турингіи. Когда я вошелъ, и, признаюсь, не безъ робости, въ это торжественное собраніе фуксовъ, меня пригласили

сѣсть противъ президента конвента, бѣлокурого молодого человека, съ маленькими усиками, и до того похожаго на котенка, что въ корпорации его называли *Die kleine Katze*, — какъ я узналъ впоследствии. Это былъ *Zweite Schargirte*. Громко, и не безъ важности, началъ онъ мнѣ читать *Renoncen-Statuten*, главный смыслъ которыхъ заключался въ томъ, что а) *ренонсы* или *фуксы* должны оказывать всякое уваженіе къ старшимъ членамъ корпорации — буршамъ, б) что они не имѣютъ права безвѣдома третьяго уполномоченнаго (секретаря) давать *Ehrenschein*, обязывающій къ срочной уплатѣ долговъ, с) не смѣютъ посѣщать развратныхъ домовъ подъ штрафомъ 2-хъ талеровъ, и т. п. Прочитавъ правила, президентъ спросилъ меня, намѣренъ-ли я послѣ всего этого вступить въ ихъ корпорацию? и когда я отвѣчалъ утвердительно, — мнѣ велѣли вписать въ огромную книгу свою фамилію и мѣсто рожденія. Вся эта процедура тутъ же была внесена въ протоколъ, который тотчасъ же былъ прочитанъ вслухъ собранію. «*Silentium! Ausserordentlicher Renoncen-Convent ist geschlossen!*» провозгласилъ президентъ, всталъ съ кресель, и, подавъ мнѣ руку, поздравилъ меня съ принятіемъ въ корпорацию. То-же сдѣлали всѣ прочіе студенты, и мнѣ значительно прибавилось бодрости. Теперь надо было отправиться по лавкамъ и закупить себѣ не мало необходимыхъ принадлежностей: двѣ малиновыя шапочки: одну будничную съ козырькомъ, а дру-

гую парадную, безъ козырька, шитую серебромъ; большіе сапоги въ 15 талеровъ, чернѣй камзолъ, обшитый бѣло-малиновыми шнурками, необходимый для кнейпы, шпагу, палку, трубку и множество другихъ вещей, кромѣ книгъ, въ которыхъ, по образу жизни нашего кора, не предстояло ни малѣйшей надобности. Правда, одну книгу я купилъ—это былъ *пивной уставъ*, выучить который мнѣ было нужно безотлагательно.»

Послѣ вступительнаго коммерша, празднуемаго сообща всѣми ко́рами черезъ двѣ-три недѣли послѣ начала семестра, на общемъ собраніи точно устанавливается распредѣленіе дня (*Tagesordnung*), выполненіе котораго обязательно для каждаго члена корпораціи, и потому всѣ дни, за исключеніемъ праздничныхъ, очень однообразны. Лѣтомъ день проводится обыкновенно такимъ образомъ: въ 8 час. утра, кто не проспигъ, приходитъ въ фехтовальный залъ, и съ часъ упражняется на шлегерахъ (*Fecht-Boden*); потомъ всѣ идутъ въ свою привилегированную корпоративную кофейню пить кофе и пиво (*Früh-Schoppen*), въ 10 час. опять всѣ фехтуютъ подъ руководствомъ учителя (*Fecht-Stunde*), и около полудня, чтобы освѣжиться отъ трудовъ и утомленія, гурбой отправляются купаться. Такимъ манеромъ время убито до 12 часовъ. Въ полдень всѣ члены корпораціи собираются въ свою постоянную кнейпу (это — нѣчто среднее между трактиромъ и кабакомъ) пить пиво передъ обѣдомъ, и за

тѣмъ наступаетъ уже обѣдъ съ винами, которыя такъ дешевы особенно въ Южной Германіи. Отъ обѣда все общество, сытое и навеселѣ, перебирается опять въ свою корпоративную кофейню кнейпировать, т. е. пить пиво или кофе и играть въ карты. Часовъ въ шесть, когда жаръ спадетъ, предпринимается общая прогулка, куда нибудь за городъ, въ незатѣйливый загородный трактиръ, попить пива и спѣть хотя съ дюжину хоровыхъ пѣсень по корпоративному пѣсеннику. Вечеромъ, по крайней мѣрѣ отъ 9 до 11 часовъ, для каждого коръ-студента обязательно засѣдать въ своей корпоративной кнейпѣ, пить пиво, курить табакъ, пѣть пѣсни, острить, по мѣрѣ собственныхъ силъ, и хохотать, когда другіе щедро расточаютъ знаменитое «*deutschen Witz.*» Манкировка всѣхъ этихъ обязанностей, хотя-бы подъ предлогомъ лекцій и занятій наукою, наказывается выговоромъ или денежнымъ штрафомъ отъ нѣсколькихъ грошей и до талеровъ (*), смотря по степени небрежности; при томъ же, и это главное, манкирующій членъ лишается уваженія своего кора.

Зимой дѣятельность въ жизни коровъ хотя начинается и попозже, но отличается тѣмъ же характеромъ,

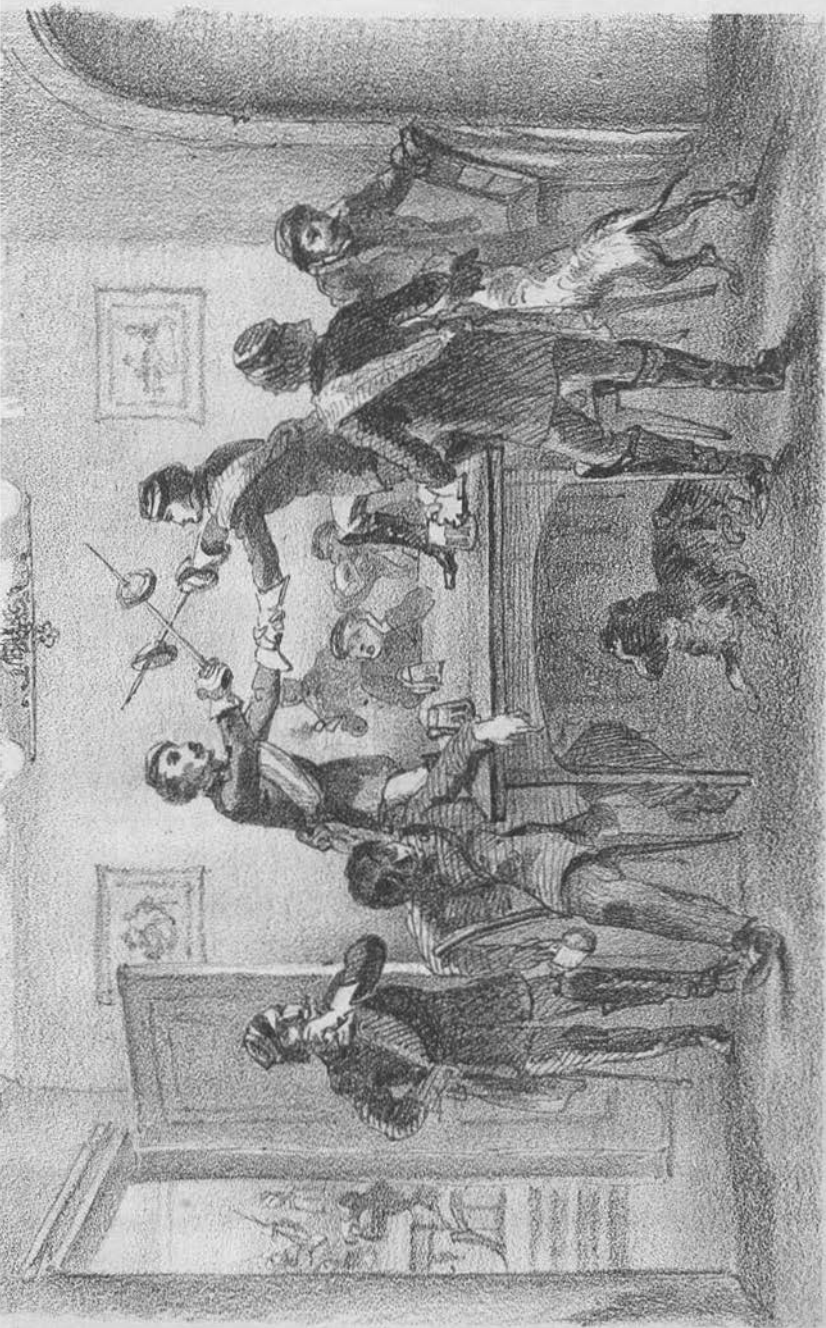
(*) Въ нѣкоторыхъ университетахъ за неявку на *Fecht-Boden*, *Fecht-Stunde*, или *Kneipe* — платится 1 гульд. (60 коп.) штрафа, — а за отсутствіе при прочихъ занятіяхъ — 30 крейц. (30 коп.).

и занятія слѣдуютъ одно за другимъ почти въ томъ порядкѣ: Früh-Schoppen, Fecht-Boden, Fecht-Stunde, Mittag-essen, Café, Kneipe и Ueberkneipen для охотниковъ.

«Жизнь корпоративныхъ студентовъ (разсказываетъ одинъ ex-Corps-Student), вообще очень монотонна: одинъ день совершенно походить на другой, и каждый день видимъ передъ собой одни и тѣ же лица. Какъ, казалось бы, ни тягостна такая жизнь, но иной почтенный господинъ (Bemoostes Haupt) семестровъ 10 и болѣе подвизается въ кôрпѣ, и, естественно, достигаетъ самыхъ высшихъ должностей. Въ это долгое время онъ успѣваетъ развить въ себѣ всѣ добродѣтели истиннаго бурша: и пьянство, волокитство, картежная игра и драка — дѣлаются для него потребностью. Общелюбимая студентами пѣсня «Bier-Königreich» достаточно выражаетъ, какъ гордятся они этими добродѣтелями.

«Чѣмъ мы не хороши? Чѣмъ мы не удались? Не для нихъ вѣрно хмѣль и солодъ!» — часто твердятъ наши старики. Но смотрите же, фаллералла! въ дорогомъ нашемъ пивѣ, фаллералла! вся наша честь, все достоинство, фаллералла!

«Вся Европа изумлена: что это за новое царство возникло? Кто мастеръ много пить — тотъ король, кто дѣвушекъ больше цѣлуетъ — министр! Кто кнейпируетъ молодецки, фаллералла! тотъ зовется у насъ графомъ,

ОБРЯДЫ ПРИ ПЬНІИ.

фаллералла! кто больше шумить — полицейскимъ, фаллералла.

«Нашъ медикъ изучаетъ тошноту похмѣлья (Katzenjammer), нашъ придворный поэтъ — слагаетъ вакхическіе гимны; нашъ придворный мундшенкъ завѣдуетъ только черной доской, покрытой долгами, и нашъ министръ финансовъ, фаллералла, ликвидируетъ на славу, фаллералла!» лишь только погрѣшнить кто contra usum, фаллералла!

«На пивѣ держится все наше царство; давайте же, братья, сильнѣе драть наше горло, пока стѣны кругомъ пойдутъ. Катите же бочку за бочкой, фаллералла! Изъ бочки переливайте въ бокалы, фаллералла! а изъ бокаловъ въ себя, фаллералла!

«Мы, братья, возлежимъ, какъ боги на Олимпѣ! но вотъ подходитъ къ намъ съ вопросомъ сама Геба: «Не угодно-ли вамъ амврозіи?» Что съ тобой! фаллералла! Скорѣе неси намъ баварскаго пива, фаллералла! вѣчно того же баварскаго пива, фаллералла (10).

«День настоящаго коръ-студента — продолжаетъ тотъ же расказчикъ, — начинается около 11 часовъ до полудня: до этого времени онъ валяется въ постели и пьетъ зельтцерскую воду, или лимонадъ, чтобы отдѣлаться отъ мучительнаго Katzenjammer, отъ котораго приходится бѣдному страдать каждое утро. Часовъ въ 11 онъ встаетъ и, если тошнота не слишкомъ сильна, бредетъ въ кофейню

пить кофе; въ противномъ же случаѣ, сидитъ еще часъ дома, а около полудня отправляется прямо на Früh-Schoppen и потребляетъ порядочное количество разныхъ соленыхъ закусокъ, возбуждающихъ жажду и аппетитъ. За тѣмъ, для окончательнаго изцѣленія, онъ обращается непосредственно къ пиву и пьетъ его до тѣхъ поръ, пока не зашумитъ въ головѣ и не отвяжется Katzenjammer. Опохмѣлившись такимъ образомъ, бодрый и веселый, идетъ онъ въ фехтовальный залъ, бьется съ часъ до обѣда, и въ 2 часа, уже съ новымъ аппетитомъ, сидитъ за шумнымъ Corp-Tisch. На радости, по случаю изцѣленія отъ «кошачьей тоски», студентъ снова осушаетъ нѣсколько бутылокъ вина, продолжая это занятіе и послѣ обѣда, пока, наконецъ, все общество не отправится пѣшкомъ или въ коляскахъ куда нибудь на прогулку, и тамъ, усѣвшись in's Grüne, безбечно поетъ и строитъ батта-рею за баттареей изъ осушенныхъ бутылокъ. При общемъ безденежьи, или во время худой погоды, корпорація проводитъ послѣ-обѣденное время въ Café за картами и костями. Изъ кофейни студенту надо спѣшить на неизбѣжную, общеобязательную кнейпу. Если темнѣетъ рано, то еще до кнейпы ему можно отправиться «auf den Strich die Besen schiessen,» — но только для этого надо надѣть скромную общефилистерскую фуражку или, по студенческому выраженію, Kaffer-Mütze. Прекрасный полъ, интересующійся студентами, уже знаетъ это время

и весело разгуливаетъ послѣ дневныхъ трудовъ гдѣ нибудь въ магазинѣ или на кухнѣ».

Не менѣе вѣрно характеризуетъ обыденную жизнь коръ-студентовъ слѣдующая пѣсня, которая вообще въ большомъ ходу по корпораціямъ, и извѣстна подъ заглавіемъ: *Wo bleibt die Zeit zum Ochsen?* т. е. «Гдѣ жъ взять времени зубрить»? — «Въ 8 часовъ утра я еще тяжель и тупъ: меня мучить тошнота и головная боль; въ 9 я ворочаюсь въ постелѣ и мутными глазами обвожу свою комнату; въ 10 приходитъ ко мнѣ служанка и мы мелимъ кофе; въ 11 я мечтаю о своей милой и натягиваю на ноги ботфорты; въ 12 старымъ векселемъ раскуриваю трубку; въ часъ иду въ трактиръ «золотаго пѣтуха» и ѣмъ черезъ силу; въ 2 часа отправляюсь прогуляться, и въ 3 смотрю опять молодцомъ; въ 4 приходитъ какой-нибудь студентъ-старикъ (*Vemoostes Haupt*) и тянетъ меня биться; въ 5 часовъ возишься съ разными филистерами и гоняешь со двора кредиторовъ; въ 6 играешь въ карты, а въ 7 уже бѣгаешь за дѣвченками; въ 8 часовъ спѣшишь на кнейпу и возишься съ пивомъ до тѣхъ поръ, пока Морфей ловкимъ боксомъ не собьетъ тебя съ ногъ. Ну, скажите же мнѣ теперь, мой любезный ректоръ, гдѣ жъ взять времени на зубренье?» (10)

При такомъ образѣ жизни коръ-студентовъ, вообще похожихъ на ихъ собратьевъ эпохи *renaissance* или ре-

формаціи, дѣйствительно имъ не до науки, и хотя дѣла они и не дѣлаютъ, но нельзя сказать, чтобы имъ недоставало дѣятельности. Уже одна кнейпа сколько поглащаетъ времени и силъ! А конвенты, коммерши, пѣсни, мензура, процессіи, дуэли, карцеръ, вербовка фуксовъ, ихъ крещеніе пивомъ, или производство въ бурши, различныя увеселительныя предпріятія? Гдѣ же тутъ праздность!... Но последуемъ на кнейпу и взглянемъ на ея неутомимыхъ дѣятелей.

Кнейпа въ Германіи соответствуетъ нашему бѣдному, грязному трактиру или хорошему кабаку, и всякій добрый нѣмецъ, начиная крестьяниномъ и кончая профессоромъ, охотно идетъ кнейпировать, даже считая это какой-то священной обязанностью, кнейпировать, т. е. пить пиво и отъ души (*ganz gemüthlich*) толковать съ пріятелями о политикѣ, торговлѣ, о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Студенческая кнейпа также держится на пивѣ, но отличается отъ филистерской тѣмъ, что не имѣетъ ея общедоступности: въ студенческую коръ-кнейпу имѣютъ право входа только посвященные, т. е. студенты, ихъ гости-студенты, или бывшіе студенты, принадлежавшіе къ существующей корпораціи, такъ-называемые «*alte Herren*». Чѣмъ богаче корпорація — тѣмъ богаче убрана и ея кнейпа, этотъ «тайникъ» студенческой жизни. Въ ней хранятся цвѣтной гербъ и знамя корпораціи, установленные на лучшемъ мѣстѣ; стѣны ея сверху до низу увѣшаны

картинами (Kneipebilder), изображающими: или группы студентовъ за разные семетры, съ ихъ собаками, шпагами, съ боченками и бакалами, полными лучшаго пива; или разныя соблазнительныя сцены, въ которыхъ главная роль принадлежитъ женщинѣ. Не мало мѣста занимаютъ также черныя силуэты всѣхъ прежнихъ членовъ корпораціи отъ самаго ея основанія, или живописныя изображенія какихъ нибудь знаменитыхъ поединковъ. Часто все это блещитъ золотыми рамами и яркостью красокъ, но еще далеко не составляетъ всего убранства кнейпы. Надъ дверями, надъ окнами, въ нишахъ или на колоннахъ, красуются, между множествомъ турьихъ роговъ, цвѣтныя щиты и знамена другихъ союзныхъ корпорацій (Cartel-Corps), связанныхъ между собою частыми сношеніями и тѣсными узами гостепріимства. Тамъ и сямъ виднѣются шпаги, палки, которыя лучше назвать дубинами, фехтовальныя бандажы, карты, разрисованные бокалы: тутъ есть все, что говорить о молодой, кипучей жизни, и пѣтъ только одного, что больше всего украшало-бы эту молодую жизнь—книгъ. Во время корпоративнаго праздника изъ оконъ кнейпы торчатъ цвѣтныя знамена и значки, и слышатся неумолкаемыя пѣсни, цѣлую ночь не дающія спать мирному сосѣду. Внутренность кнейпы наполнена столами и скамейками, которыя сильно изрублены и исписаны вензелями.

Вечеромъ каждого дня, часовъ около 9, всѣ члены

корпорации обязаны собраться въ кнейпу, освѣщенную множествомъ огней, скоро принимающихъ отъ табачнаго дыму какой-то матовый блескъ. Опоздавшій пять минутъ послѣ опредѣленнаго срока платить извѣстный штрафъ, обыкновенно 10 грошей или 30 крейцеровъ (*). По слову сеніора «ad loca!» всѣ садятся по своимъ мѣстамъ, самъ же онъ, какъ президентъ, садится у середины стола въ свои кресла. Передъ каждымъ уже стоитъ его шоппентъ, пѣнящійся пивомъ. Величественный сеніоръ сильно ударяетъ по столу шпагой, или чѣмъ нибудь другимъ, напр. баночной съ фидибусами, и громко провозглашаетъ: «Silentium! Wir reiben zur Eröffnung der Kneipe ein kräftigen Schoppen Salamandra(?)! Ad exercitium salamandrium: eins, zwei, drei!» — и всѣ разомъ высоко поднимаютъ бокалы, пьютъ, и разомъ-же опускаютъ. «Eins, zwei», медленно произносить сеніоръ и въ это время всѣ выбиваютъ бокалами по столу громкую дробь, но при кликѣ «drei!» она вдругъ умолкаетъ, и всѣ бокалы опять подняты кверху. «Eins, zwei, drei!» — снова слышится повелительный голосъ сеніора, и при послѣднемъ словѣ всѣ быстро опускаютъ бокалы на столъ, такъ что происходитъ нѣчто въ родѣ выстрѣла. Это и есть саламандра — обрядъ, весьма уважаемый студентами. Только послѣ такого

(*) Въ такихъ частностяхъ мы не можемъ имѣть въ виду всевозможные въ Германіи кѣры, а только болѣе извѣстныя намъ.

торжественнаго открытія кнейны, каждый может свободно пить свое пиво, но только не безъ «Vorzu kommen», т. е. не безъ пожеланія здоровья не безъ дружескаго привѣтствія одному изъ товарищей, — въ противномъ случаѣ такая неучтивость наказывается штрафомъ (обыкновенно около 10 нашихъ коп.). Точно также и тотъ, которому «Etwas vorgekommen ist», долженъ отвѣчать подобною же вѣжливостію — muss nachkommen, подъ опасеніемъ такого-же штрафа.

Время на кнейпѣ проводится не «о пивѣ единомъ»: поется много пѣсень, даже по нотамъ, расточается много веселыхъ и забавныхъ разсказовъ, юмористическихъ шутокъ, остротъ: опьянѣвшіе не мало куралесятъ, остальные потѣшаются надъ ними, — и время проходитъ незамѣтно.... Вся обычная жизнь студентовъ — на кнейпѣ какъ бы пародируется и принимаетъ комическій характеръ.... Большая часть общелюбимыхъ студенческихъ пѣсень посвящена восхваленію студенческой свободы и безпечной жизни бурша; главными предметами вдохновенія являются поединки, вино и женщина — какъ въ средніе вѣка, но только характеръ отношенія къ этимъ предметамъ совсѣмъ иной....

«Нѣтъ въ мірѣ лучшей жизни — говорится въ одной пѣсни — какъ жизнь студента: её создали намъ Бахусъ и Гамбринъ. Бѣгать по кнейпамъ и пропивать свои деньги — вотъ высочайшее, прекраснѣйшее призваніе.

Исчезли деньги — дѣлается складчина, и жизнь идетъ все такъ-же весело; нѣтъ гроша въ кошелькѣ — за то есть кредитъ въ кабакѣ — и студентъ вѣчно тотъ же безпечный весельчакъ.

Жизнь студента украшена и любовью: у насъ всегда изобиліе въ дѣвушкахъ, которыя не прочь любить и цѣловать насъ; есть и такія, впрочемъ, которымъ хочется любить лишь платонически, — но увы! — это удѣлъ одной невинности, да развѣ и сама невинность можетъ не пылать къ намъ внутреннимъ, потаеннымъ пламенемъ, къ намъ, вѣчно веселымъ студентамъ.

Осмѣлся кто-нибудь задѣть меня (touchiren) на коммершѣ — онъ будетъ вызванъ въ ту жъ минуту! Скажи мнѣ ктонибудь «ты, братъ, *dummer Junge*»! — и мы въ одинъ прыжокъ очутимся на мѣстѣ поединка (auf Mensur), и нашъ Schleppfuchs (*) тотчасъ притащитъ за нами оружіе на поле битвы: тамъ-то зажужжать наши *кварти* и весело засвистятъ *квинты* (**), но послѣ первой-же раны ссора уже забыта вѣчно-веселымъ студентомъ.

Старикъ отецъ твердитъ: «вѣдь пьянство и бѣганье по кнейпамъ вовсе не поможетъ тебѣ на экзаменѣ!» но

(*) Schleppfuchs — слуга, котораго обязанность — таскать за студентами ихъ шпаги; такого фукса имѣетъ каждая корпорація.

(**) Фехтовальные термины, обозначающіе самые ловкіе удары шпагой.

онъ при этомъ забываетъ, что онъ уже давно филистеръ, и что все имѣетъ свое время. Однако не грѣхъ-ли это, что послѣ десяти семестровъ я не собрался ни на одинъ экзамень! Но вѣдь иначе и быть не можетъ! Изъ меня ничего другаго и не выйдетъ, какъ только — вѣчно-веселый студентъ».

Или вотъ другая пѣсня, не менѣе вѣрно выражающая обычное студенческое настроеніе и непреодолимую наклонность къ пиву, послѣ котораго человѣкъ дѣлается «fidel» (весель), какъ выражаются студенты:

«Цѣлое утро работаль я на кнейпѣ, и потому хочу все послѣ-обѣденное время посвятить изученію пива, и до тѣхъ поръ не сойду съ мѣста, пока всѣ сторожа не прокричатъ двѣнадцать часовъ! Фифаллераллалералла и проч.

«Что доставляетъ высшее наслажденіе въ жизни? Любовь и вино. Когда милая покоится на моей груди, я воображаю себя княземъ, и благородный сокъ винограда приносить мнѣ мечты о коронѣ и царствѣ! Фифал.....

«Клянусь, что я часто думаю о томъ, какъ хорошо устроенъ верблюдъ: онъ носить въ себѣ цѣлую бочку. Ахъ, какъ жаль только, что она налита не шампанскимъ! Фифал.....

«Ей, хозяинъ! Отъищи мнѣ скорѣе мой сапогъ (т. е. большой кубокъ): меня, кажется, мучить смертная жажда. За твое здоровье, другъ, я пью пол-кубка! Фифал.....

«Бери и самъ кубокъ, налей его пивомъ, да запиши на стѣнѣ, что все это берется въ долгъ! Не печалься только: оставляю тебѣ въ залогъ мою шитую шапку. Фифал.....

«Но я, право, какъ будто пьянъ. Куда же дѣвался мой разумъ, куда исчезъ голосъ? Скажите мнѣ, друзья! Мой глазъ что-то болтаетъ, носъ какъ-то тяжель, и языкъ ужъ ничего не видитъ... Фифал..... (10).

Было-бы странно удивляться тому, что въ цикль студенческаго пѣснопѣнья входитъ вакхическій элементъ: вакхической музѣ дѣлать возліянія не одинъ поэтический гений; какъ-же ей не увлечь юношей?... Странна только та односторонность, та исключительность, которая бросается въ глаза всякому, кому удастся познакомиться съ кругомъ любимыхъ студенческихъ пѣсень въ коряхъ. Не въ многихъ изъ нихъ услышишь дѣйствительно поэтическіе звуки, и почти ни въ одной не замѣтишь какой нибудь высокой идеи, которая-бы вызывала въ студентахъ чистое юношеское вдохновеніе, которая увлекала-бы ихъ къ завѣтному идеалу. Въ пѣсняхъ этихъ если и выражается горячій порывъ, то это порывъ — къ пиву. Такой приговоръ можно смѣло сдѣлать, по крайней мѣрѣ, о пѣсняхъ коръ-студентовъ. Самыми любимыми изъ пѣсень на ихъ кнейпахъ являются тѣ, которыя отличаются цинизмомъ, кощунствомъ, нескромностью, способною возбуждать чувственность. А эта кнейпа совершается каж-

дый день, и каждый день поются эти пошлыя пѣсни! Если бы онѣ были только эротическими — никто не поставилъ бы имъ этого въ упрекъ, и было бы это весьма естественнымъ: отвратителенъ ихъ грязный цинизмъ.... Боясь быть обвиненнымъ въ бездоказательности, обращаюсь къ самымъ обыкновеннымъ примѣрамъ, зная напередъ опасность погрѣшнить противъ нравственного чувства читателя.

«Биться съ мущинами и возиться съ женщинами, да имѣть больше долговъ, чѣмъ денегъ — вотъ что значить для студента «жить на свѣтѣ». Хейди, хейди, хейди, хейди! Хозяева должны только заботиться, чтобы у нихъ было хорошее пиво и хорошенькія служанки, не то — завтра жъ попадутъ на «изгнаніе» Хейди.... Сегодня люблю я Сусанну, а завтра Іоганну, и такъ что день — то новая любовь: ужъ такова студенческая вѣрность! Хейди.... Сегодня полученъ вексель и мы все богачи, и денегъ у насъ что сѣна, а на завтра ужъ все прости! Хейди.... На завтра ужъ отбоя нѣтъ отъ докучныхъ филистеровъ, и вся твоя комната набита сапожниками и педелями. Хейди.... Нѣтъ денегъ, такъ можно кой-что заложить: ей, жидъ! живо давай денегъ за этотъ Cerevis! Хейди.... Пусть книги валяются въ пыли: гораздо умнѣе сдѣлаетъ насъ добрая кружка пива; пиво доставляетъ намъ наслажденіе, а книги одну тоску! Хейди.... Заложивъ послѣднюю рубашку, сидѣть за шампанскимъ, и вѣчно въ

грязи возвращаться домой — вотъ что называется «понимать Comment.» Хеїди, Хеїди, Хеїди, Хейди (*)!

Не настроеніе минуты, столь доступное многимъ во время беззаботной юности, выражается въ подобныхъ пѣсняхъ: пѣть! Это «profession de foi» корь-студентовъ, это фотографически-вѣрное отраженіе ихъ обыденной жизни, это дѣйствительное содержаніе ихъ Comment'a. Когда студенты особенно развеселятся на кнейпѣ, или когда хотять позабавить своихъ дорогихъ гостей (Hospitium) — приносятъ огромный круговой бокаль, который по очереди обходитъ всѣхъ пирующихъ, и каждый разъ, какъ кому-либо приходится пить изъ него, хоръ поетъ: «Es geht ein Sauf-Comment, an unsrem Tisch herum, fidibum, fidibum! и проч., тогда очереднѣй, съ бокаломъ въ рукахъ, долженъ пропѣть обществу какое-нибудь соло, позабористѣе, напр.: «какой-то Робинзонъ полетѣлъ на воздушномъ шарѣ съ дѣвицей Соломеей, но странно! когда онъ спустился съ нею — она была уже eine Madame!» Хоръ съ довольнымъ хохотомъ подхватываетъ послѣдній куплетъ, и пока поется прежній refrain, солистъ пьетъ пиво и, со словами: vivat sequens! передаетъ бокаль другому. Тотъ опять начинаетъ что-нибудь въ подобномъ родѣ: «Дѣвушка-смугляночка! Какой хорошенькій у тебя ротикъ! Das schöne Mund ist deine, das Küssen drauf ist meine. Дѣвушка-

(*) Altes Commentlied.

смугляночка! Какая хорошенькая у тебя грудь!... и т. д. Новый очередной затягивает новые куплеты, напр. циническій-варіантъ слѣдующей пѣсни: «Ein altes Weib auf der Treppe sass und nähte; da flog ein Hahn ihr in die Nas' (варіантъ) und krährte. Ach, lieber Hahn, flieg doch heraus, meine Nas' ist ja kein *Hühnerhaus* (варіантъ), sondern eine alte Basstrompete». Нечего и говорить, что большая часть такихъ «Bummel-Lieder» совершенно неудобна для печати.... Если пѣсня солиста не очень забориста, недовольное общество поетъ ему въ отвѣтъ: «такую свинью, какъ ты, можно найти на каждой навозной кучѣ!» или что нибудь другое въ такомъ-же духѣ. Иной острякъ вмѣсто соло произноситъ уморительную «Bier-Rede» и одинъ выпиваетъ цѣлый бокалъ или турій рогъ, вмѣщающій обыкновенно три-четыре шоппена. Въ такихъ штукахъ чаще всего подвизается фуксъ-маѣоръ, предварительно пожелавъ всему обществу здоровья обычной студенческой фразой: «auf Ihr speciäl!» Въ подобныхъ случаяхъ каждый фуксъ, не по Comment'у, но изъ вѣжливости, долженъ тѣмъ же отвѣтить своему представителю, «sich löffeln» — на языкѣ кнеѣпы, т. е. разомъ вытянуть такой-же объемъ пива. У людей съ неслишкомъ крѣпкими желудками тотчасъ же обнаруживаются и послѣдствія, къ общему удовольствію или развлеченію кнеѣпирующихъ.

Часто на кнеѣпѣ происходятъ также комическіе кон-

венты (Bier-Convents), и поединки на пивѣ (Bier-Mensur); можно попасть даже на изгнаніе (Bier-Verschiss), за какое-нибудь преступленіе противъ пивнаго устава. Приговоръ пивнаго конвента исполняется со всею строгостью, и осужденный до тѣхъ поръ не можетъ принимать участіе въ дѣятельности кнейпы, пока «sich nicht herausgeraukt hat» преслѣдуемый неприличнымъ и зазорнымъ прозвищемъ. Имена осужденныхъ на такое «изгнаніе» записываются на правой сторонѣ черной сѣмной доски, а на лѣвой ея сторонѣ — имена тѣхъ, которые подвергаются денежной пенѣ за несоблюденіе какого-нибудь пункта пивнаго устава, строго опредѣляющаго обычаи кнейпы. Пена эта обозначается «mit-Viertel» — четвертями: 1. V = 3 грош.; 2. V = 6 грош. и т. д. Новичекъ на кнейпѣ долженъ съ каждымъ корь-студен-омъ пить Bruderschaft, или, по студенческому выраженію, «Schmolis» — извѣстный обрядъ, по которому нужно со всѣми чокаться, и, подавъ руку, говорить «prosit!» послѣ чего можно быть на «ты» въ компаніи. Обрядъ этотъ очень труденъ для фукса-новичка; совершивъ столько Schmolis онъ бываетъ подавленъ непомѣрнымъ количествомъ выпитаго пива — къ удовольствію остальнаго общества. На первыхъ порахъ онъ подвергается также безчисленнымъ штрафамъ и пенямъ на кнейпѣ, такъ какъ безпрестанно грѣшитъ противъ «пивнаго устава», который заучить еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ.

При томъ-же его старшіе товарищи всячески стараются навести его на промахъ («auf den Sumpf zu locken»), чтобы насмѣяться надъ профаномъ и содрать съ него побольше денежной пени.

Мензура происходитъ всегда между студентами разныхъ корпорацій, если одинъ изъ нихъ скажетъ въ глаза другому: «dummer Junge». Это не дуэль, не поединокъ на смерть, — однако противники дерутся на острыхъ шпагахъ и иногда съ открытымъ лицомъ, при чемъ обыкновенно страдаетъ прежде всего носъ, какъ еще увидимъ далѣе. Bier-Mensur завязывается на кнейпѣ въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ кнейпирующихъ скажетъ другому «Bier-Junge». Она состоитъ въ слѣдующемъ: сказавшій «Bier-Junge», т. е. вызвавшій, выбираетъ себѣ, какъ и при дѣйствительной мензурѣ, посредника (Unparteiischen) и поручаетъ ему пригласить его противника начать поединокъ (Seinen Gegner auf den *Bier-Junge*, oder auf die *Bier-Mensur* treten lassen). При первомъ видѣ поединка (Bier-Junge) секундантовъ не полагается. Посредникъ беретъ до краевъ налитые пивомъ шопцены обоихъ противниковъ, тщательно уравниваетъ въ нихъ количество пива, и вручаетъ ихъ по принадлежности съ слѣдующими словами: Die Waffen sind gut und gleich; die Paukanten haben das Commando! — «Eins!» — говоритъ вызвавшій, «Zwei!» — отвѣчаетъ его противникъ, «Drei!» — оканчиваетъ первый, — и быстро, оба разомъ, пьютъ. Кто

выпилъ первый и успѣлъ сказать «Bier-Junge», тотъ остается побѣдителемъ, а побѣжденный..... по тривиальному студенческому термину, произносимому безъ церемоніи при постороннихъ, и даже при дамахъ.

Всякій ученый и вообще серьезный разговоръ на кнейпѣ строго воспрещенъ: онъ ведетъ за собою Rier-Scandal. «Gelehrter!» говорятъ тому, кто осмѣлится поднять какой нибудь ученый вопросъ. «Doctor» отвѣчаетъ оскорбленный своему оскорбителю. «Professor! колко и настойчиво преслѣдуетъ оскорбитель, уже самъ оскорбленный прозвищемъ «доктора», и если со стороны противника послѣдуетъ обидный отвѣтъ: «Pabst!» — поединокъ неизбеженъ. Изъ-за такихъ-то причинъ обыкновенно возникаетъ на кнейпѣ второй видъ поединка — Bier-Mensur. На этотъ разъ каждый противникъ (Paukant) долженъ выпить уже не одинъ шоппенъ пива, а четыре разомъ. Выбираются и секунданты, и посредникъ, какъ при дѣйствительной мензурѣ. Когда оружіе, т. е. пиво, уравнено въ кубкахъ, секунданты командуютъ: «Ergreift die Waffen! Stosst an! Los!» и при последнемъ словѣ оба противника глотаютъ кубокъ за кубкомъ, подаваемые секундантами, а кто раньше ударитъ объ столъ свой послѣдній осушенный кубокъ, тотъ выигралъ побѣду, и при томъ не совсѣмъ-то легкую. Часто случается, что при третьемъ-же шоппенѣ у одного изъ бойцовъ проклятое пиво вдругъ фонтаномъ выхлынетъ изъ горла, и, при неистовомъ хохотѣ

всего общества, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящаго за ходомъ битвы, грязнымъ каскадомъ полетѣ на полъ. И срамъ, и мученіе!.. Если кто-либо не приметъ вызова на *Bier-Mensir*, онъ безъ пощады осуждается по уставу на *Bier-Verschiss*. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто послѣ 5-ти минутъ или послѣ троекратнаго напоминанія «*nicht nachgekommen ist*», т. е. на сказанное ему кѣмъ-либо изъ товарищей «*Ich komme Ihnen vor*», не отвѣтитъ: „*Ich komme Ihnen nach*.“ Не миновать *Bier-Verschiss*'а и тому дерзкому или разсѣянному, который выпьетъ за здоровье какого-нибудь «опального». Въ случаѣ, когда состоящій въ такой „опалѣ“ въ продолженіи трехъ дней не соберется „*sich aus dem Bier-Verschiss auszupauken*“, онъ плотитъ значительную пеню деньгами и попадаетъ на *Perpetuel-Verschiss*. Эта „*Auspaukereie*“ состоитъ только въ томъ, что „опальный“ пьетъ съ тремя изъ присутствующихъ на кнейпѣ три шоппена, — и опала снимается съ него.

Кнейпа — это пульсъ студенческой жизни, особенно въ коряхъ, — и потому намъ еще не разъ придется заглядывать въ нее. Оканчивается она обыкновенно такимъ безобразіемъ, такими оргіями, которыя не легко описывать, да и неинтересно, ибо пьянство у нѣмецкихъ студентовъ выражается въ чертахъ болѣе общихъ, чѣмъ характеристическихъ. Пьяныя похождения, значительно разнообразящая жизнь корь-студента, разыгрываются обыкновенно

при такъ называемомъ „Ueberkneipen“ послѣ Polizei-Stunde (II час. веч.), когда всѣ кнейпы и кабаки должны быть уже заперты. Ueberkneipen есть вещь запрещенная и полицейскимъ и университетскимъ закономъ; участіе въ ней принимаютъ только студенты-волонтеры, которыхъ пиво еще не свалило съ ногъ на кнейпѣ, и по корпоративному уставу она вообще не обязательна. Любимое предпріятіе такихъ волонтеровъ — хитростью или силой вломиться въ какую нибудь кнейпу и еще пить вино. Если двери снаружи уже заперты, а есть заборъ, — то надо его перелѣзть и пробраться съ задняго двора; если и тогда хозяева окажутъ сопротивленіе, то надо дѣйствовать уже вооруженной силой и пустить въ дѣло палки, сокрушить двери, перебить окна и т. п. Когда übergkneipующее общество настроено менѣе воинственно, — тушатся только фонари по улицамъ, перемѣщаются вывѣски на лавкахъ, такъ что на утро сапожникъ оказывается иногда фотографомъ, фотографъ булочникомъ. Для потѣхи не рѣдко поднимается въ переулкахъ неистовый крикъ или стукъ и т. п. Женщинѣ въ это время не слѣдуетъ попадаться на встрѣчу студентамъ, — но одинъ педель обыкновенно обращаетъ ихъ всѣхъ въ бѣгство. Городская полиція при такихъ случаяхъ не вмѣшивается. При встрѣчѣ съ подобной бандой все усиліе опытнаго педеля направлено только къ тому, чтобы узнать кого-либо изъ буяновъ и записать его у себя въ книжку, — а тамъ ужъ потянуть

къ отвѣту въ университетскій Amt и сеньора корпораціи, и тѣхъ изъ его ватаги, которымъ слѣдуетъ отправиться въ карцеръ. Студенты обыкновенно гордятся такими похожденіями, и нѣмецкія барышни съ увлеченіемъ слушаютъ ихъ героическія разсказы. Самый карцеръ переносится героями не только безъ огорченія, но даже охотно, съ спокойною гордостью; высидѣвшій порядочный срокъ болѣе уважается въ корпораціи, а потому вырастаетъ и въ собственныхъ глазахъ. По выходѣ изъ карцера онъ торжественно, въ особомъ нарядѣ, съ пѣснями ходитъ по всему городу во главѣ цѣлой процессіи и хвалится своимъ удалствомъ.

Университетскій карцеръ въ Германіи по большей части состоитъ изъ одной комнаты съ небольшимъ окномъ, за дѣланномъ желѣзной рѣшоткой; мебели немного: кровать, столъ и стулъ самой грубой работы. Стѣны покрашены какой-нибудь почти безцвѣтной клеевой краской и обильно изукрашены самыми разнообразными фресками студенческой работы. Иные этюды намалеваны даже масляными красками; напр. портреты тѣхъ педелей, значеніе которыхъ приходится особенно сильно чувствовать на себѣ предприимчивымъ студентамъ. На всемъ, гдѣ только можно рѣзать, царапать или малевать, красуются имена сидѣвшихъ тутъ узниковъ, разные вензели, романтическія имена, эпиграммы и ругательства. Мебель обыкновенно

бываетъ до того изрѣзана, что къ ней опасно прикоснуться, чтобы не занозиться. Каждый университетъ устраиваетъ въ своемъ карцерѣ нѣсколько клѣтокъ, чтобы не заставлятъ никого долго дожидаться за немѣніемъ вакантнаго мѣста; въ кандидатахъ же всегда обиліе. Смотри по степени вины, карцеръ бываетъ различенъ: *strenger*, и *nicht strenger Karzer*. При «нестрогомъ» карцерѣ черезъ три дня можно уже посѣщать лекціи, кто желаетъ, и даже ходить на *Fecht-Stunde*, каждый разъ возвращаясь въ свою клѣтку. При «строгомъ» же карцерѣ отлучаться никуда нельзя, — развѣ повидаться съ другими узниками — сосѣдями, когда они есть, — а они есть почти всегда. Не рѣдко карцерная компанія затѣваетъ попойку: въ такихъ случаяхъ вино и пиво тайнымъ образомъ доставляется въ карцеръ неизмѣннымъ спутникомъ всей студенческой жизни — *Stiefel-Fuchs'омъ*: этотъ господинъ не только чиститъ сапоги и платье на всю братію, но за гроши, или изъ преданности студентамъ, является ихъ ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ во всевозможныхъ предпріятіяхъ. Ему всюду открытъ путь, а слѣдовательно и въ карцеръ. Арестованные состоятъ подъ снисходительнымъ надзоромъ какого-нибудь добродушнаго фамулюса, и дни заточенія не могутъ довести юношу до мрачнаго отчаянія. Вообще надо сказать, что въ Германіи относятся къ молодежи, какъ она ни бурлива иногда, съ большимъ снисхожденіемъ.

емъ: такую гуманностью въ самыхъ наказаніяхъ почти всегда отличаются университетскіе проректоры. Только безнравственный поступокъ подвергаетъ молодаго чловѣка удаленію изъ университета, и то на извѣстное время, а не на всегда. Да и странно было-бы лишать возможности образованія — людей незрѣлыхъ, для которыхъ въ особенности и необходимъ университетъ съ его образующимъ научнымъ вліяніемъ... Жизнь въ карцерѣ обходится студенту довольно дорого: нужно платить и за отопленіе, и за освѣщеніе, и за прислугу, и за столъ; за обѣдомъ можно посылать куда угодно и насколько угодно, безъ умерщвленія плоти; но съ прислугой все это обходится гораздо дороже. Какъ ни гордится студентъ своими карцерными страданіями, но отсутствіе полной свободы и дороговизна содержанія все-же даютъ себя чувствовать. На студентовъ не изъ кѣровъ карцеръ имѣетъ и нравственное вліяніе.

Педея — обыкновенно отставные ветераны — превосходно знаютъ нравы и обычаи студентовъ, и умѣютъ издали наблюдать за ними, не лѣзутъ въ глаза, а являютъ только въ рѣшительную минуту, когда надо предупредить или прекратить какой нибудь скандалъ въ родѣ Katzenmusik, Gänsemarsch, разнять опасную дуэль, или драку съ мѣщанами. Хорошій педель непременно знаетъ, когда студенты расположены къ Ueberkneipen, или когда

они, идя на Contrahage (*), замышляют произвести Nacht-Skandal. Нечего и говорить, что привасчивыхъ неделей студенты терпѣть не могутъ, и имена ихъ дѣлають кличками своихъ собакъ; но за то съ менѣе докучливыми они стоятъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ, по своему выражая имъ свое благоволеніе. Такъ напр. когда педель, по своей непремѣнной обязанности, придетъ къ студентамъ въ кнейцу и обычнымъ «Feuerabend!» объявить о наступленіи Polizei-Stunde (II час. веч.); они благосклонно предлагаютъ ему шоппенъ пива — что выражаетъ особенный почетъ — и не учиняють никакого скандала. Съ городской полиціей корь-студенты стараются держаться въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ. При безпорядкѣ, полицейскій сержантъ можетъ только записать фамилію застигнутого въ шалости студента, или взять отъ него его видъ (Legitimations-Karte) для передачи университетскому начальству, приговорамъ котораго студентъ всегда повинуется: онъ, по старинному университетскому обряду, далъ въ этомъ честное слово и руку (deutschen Handschlag) проректору при матрикулизації.

Намъ остается раскрыть еще много сторонъ студенческой жизни, которыхъ мы едва коснулись, говоря о

(*) *Contrahiren* — разгуливать по улицамъ и задѣвать студентовъ другихъ корпорацій словомъ «dummer-Junge» — послѣ чего неизбежно драться на плегерахъ.

внутренней организаціи ко́ровъ; но, спрашивается: сто́ить-ли распространяться о типахъ бурша и фукса, о ихъ коммерсахъ, мензурахъ, процессіяхъ и т. под.? Не пустяки-ли все это, лишенные серьезнаго интереса? Но естествоиспытатели вѣдь не считаютъ же пустяками: усердно наблюдать за нравами напр. лягушекъ, и тщательно изучаютъ образъ жизни комаровъ, улитокъ или даже какихъ-нибудь полиповъ. Почему-жь намъ, при случаѣ, не обратить вниманія на тѣ нравы, какими жили и живутъ въ Германіи тысячи юношей изъ самаго высшаго класса общества, которые, ища науки и высшаго образованія, по неопытности сбились съ прямого пути и попали въ бездну ложнаго геройства и отжившихъ традицій. Развѣ не интересно серьезно вникнуть: на чемъ иногда можетъ споткнуться самый чистый, самый даровитый юноша? Наконецъ, можно ли забывать, что при всякомъ наблюденіи, при всякомъ изслѣдованіи какъ въ области природы, такъ и въ сферѣ человѣческой жизни, важны не самыя наблюденія, не отдѣльные факты, а выводы изъ нихъ и приложенія?...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ВЪ КОРАХЪ.

Какъ кнейпа чаще всего оканчивается карцеромъ, такъ *коммерш* — больницей, ибо тутъ студенческій разгулъ принимаетъ еще обширнѣйшіе размѣры. Къ счастью, коммерши бываютъ нечасто: обыкновенно въ началѣ и въ концѣ семестра, въ день основанія корпораціи, и въ такихъ особенныхъ случаяхъ, какъ годовщина университета или какое нибудь обширное общестуденческое предпріятіе, — однако-же такой праздникъ продолжается никакъ не менѣе трехъ дней. Вотъ рассказъ о коммершѣ самого коръ-студента, какъ видно, человѣка свѣдущаго въ дѣлѣ (*): «За день до праздника мы всѣ гурьбой отправились на станцію желѣзной дороги встрѣчать дорогихъ гостей — нашихъ Kartel-Brüder, общавшихъ пріѣхать къ намъ изъ пяти разныхъ университетовъ, и вмѣстѣ отпраздновать

(*) Въ книгѣ *Фридриха*: *Studentenfahrten*. Iena. 1858, много разбросано характеристическихъ чертъ бурной студенческой жизни.

день основанія нашей дорогой Боруссiи. Гостей наѣхало такъ много, что на каждого изъ насъ пришлось по нѣсколько человѣкъ, которыхъ мы должны были принять къ себѣ на постой. Этого требовали старинныя узы гостепріимства. На слѣдующій день начался и самый пиръ. Время было распредѣлено такимъ образомъ: въ 12 час. общій Früh-Schoppen чистѣйшаго баварскаго пива; въ 2 часа роскошный обѣдъ съ музыкой въ одной изъ лучшихъ гостинницъ нашего городка; рейнскимъ винамъ не было пощады и столъ былъ буквально весь заставленъ осушенными бутылками. Въ 5 часовъ, когда жаръ свалилъ, всѣ отправились въ коляскахъ за городъ, въ чудное мѣстечко ***, гдѣ и долженъ былъ начаться собственно коммершъ. Нашъ коръ, насчитывавшій всего около 20 человѣкъ, теперь состоялъ чуть ли не изъ 60-ти, и что за веселый все народъ! Пиво и вино оказали свое полное дѣйствіе, и когда мы прибыли въ мѣстечко, уже половина не могла стоять на ногахъ, такъ какъ на пути еще пили. «Падшихъ героевъ» переносили въ гостинницу на рукахъ, и это было особенно весело. Все время не умолкала музыка, и собравшаяся толпа деревенскаго народа неистово кричала. Мы отвѣчали ей тѣмъ же. Наконецъ мы собрались на террасѣ гостинницы съ прелестнѣйшимъ видомъ: прямо подъ нами рѣка, быстрая, ярко-зеленая; за рѣкой круглая лѣсистая гора съ развалинами стариннаго замка; на супротивъ еще развалины на красной, совершенно от-

вѣсной скалѣ; всю картину золотили послѣдніе лучи уже заходящаго солнца.... но намъ было не до картины! Раздались выстрѣлы изъ маленькихъ пушекъ, заранѣе привезенныхъ нами изъ города, и мы поспѣшили въ залу, чтобы приступить къ торжеству. Зала была великолѣпно убрана: всѣ стѣны увѣшаны зелеными гирляндами, знаменами и цвѣтными гербами всѣхъ шести союзныхъ кѣровъ; цвѣтные фонари и транспаранты всюду разливали пріятный матовый колоритъ. Презусы (старшіе члены корпорацій) въ большихъ бѣлыхъ перчаткахъ, съ цвѣтными шарфами черезъ плечо, помѣстились по два рядомъ во главѣ каждаго стола, за которымъ засѣдали пирующие, и звонко ударяли о столъ плегерями при каждомъ куплетѣ знаменитаго Landesvater'a, которымъ и открылся собственно коммершъ».

Въ этой общелюбимой пѣсni особенно много національно-нѣмецкаго, и поется она только въ важныхъ случаяхъ, съ пышностью и торжественностью, въ сопровожденіи оркестра: «Тише! вниманіе къ этимъ дивнымъ звукамъ! Я пою пѣснь пѣсней! Внемлите мнѣ, мои нѣмецкіе братья, и вторь мнѣ, веселый хоръ! — Сыны Германіи, да звучить могуче ваша родная пѣснь! Отечество, земля славы, прими насъ въ твою святыню, благослови нашъ мечъ! — Мы готовы отдать тебѣ все: и имущество и жизнь; лишь потребуй, и мы тотчасъ съ готовностью умремъ за тебя, презримъ смертельныя раны

и муки. — Въ комъ нѣтъ этихъ чувствъ, въ томъ нѣтъ истинной нѣмецкой доблести; онъ не долженъ безславить нашъ союзъ, не смѣетъ клясться этой шпагой и осквернять нѣмецкій мечъ. — Раздайся-же вновь, пѣснь пѣсней! Рости наше нѣмецкое мужество! Берите теперь ваши шпаги, и, какъ brave бурши, проколите ими ваши шляпы. — Смотрите, какъ блеститъ въ моей рукѣ эта шпага, никогда не оскверненная! Я пронзаю ею мою шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть brave буршемъ. — Бери свой кубокъ, полный роднаго напитка (пива), мой смѣлый весельчакъ! Возьми свою шпагу въ лѣвую руку, пронзи свою шляпу и пей: за благо отчизны! — Дай-же я опять накрою твою голову и возложу на нее шпагу; да здравствуетъ и этотъ братъ! Негодяй тотъ, кто оскорбитъ его! Пока мы знаемъ его, мы станемъ звать его братомъ; да здравствуетъ нашъ братъ!» и т. д. идетъ кругомъ, пока не выпьютъ за здоровье *каждаго* изъ пирующихъ. Впродолженіе всей пѣсни исполняются соотвѣтствующіе содержанію обряды, при которыхъ главную роль играютъ презусы. Нѣкоторые куплеты повторяются столько разъ, сколько на лицо всѣхъ пирующихъ, что сильно замедляетъ ходъ пѣсни, — но за то увеличиваетъ торжественность. Такъ напр. приходится особенно долго ждать, пока презусъ нанижетъ на шпагу всѣ шапочки, и потомъ вновь раздастъ ихъ по принадлежности. До исполненія этой пѣсни станутъ за-

прещаетъ много пить, чтобы совершить всю церемонію «in aller Würde».

«Нашъ коммершъ, — продолжаетъ тотъ-же рассказчикъ, былъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что на немъ происходило посвященіе фуксовъ — Fuchs-Taufe — старинный комическій обычай, сохраняющійся еще съ XVII столѣтія. Послѣ такого посвященія каждый новичекъ фуксъ дѣлается уже бранд-фуксомъ, и такое производство не лишено значенія въ академической жизни». Самый обрядъ состоитъ въ томъ, что всѣ фуксы съ своимъ представителемъ *фуксомъ-майоромъ* удаляются въ сосѣднюю комнату; бурши становятся на столы, и запасшись огромнымъ количествомъ пива, принимаютъ торжественно-важный видъ; иногда даже костюмируются. Устроившись, бурши запѣваютъ первый куплетъ общеизвѣстной студенческой пѣсни: «Was kommt dort von der Höh'», двери сосѣдней комнаты отворяются, и всѣ фуксы, подъ предводительствомъ своего майора, выѣзжаютъ верхомъ на стульяхъ, рысцой, въ тактъ съ музыкой, и при томъ поютъ въ отвѣтъ: «Es kommt ein Postillon» и проч. Въ такомъ порядкѣ бурши продолжаютъ пѣть вопросы, а фуксы — отвѣты, но при словахъ: «Er bringt uns einen Fuchs» — бурши бросаются на послѣднихъ, обливаютъ ихъ пивомъ или стараются обжечь лицо сигарой. Несчастные, сидя верхомъ на стульяхъ, увертываются, мечутся изъ стороны въ сторону, и такъ какъ по скользкому полу всюду ручья-

ми течеть пиво, безпрестанно падають при хохотѣ и рукоплесканіяхъ остальной компаніи. Между тѣмъ всѣ продолжаютъ пѣть куплеты, и общее замѣшательство достигаетъ высшихъ предѣловъ, а подъ конецъ переходитъ въ отчаянную пляску, особенно полезную для мокрыхъ, продрогшихъ фуксовъ. Самая пѣсня, сопровождаемая разными насмѣшливыми обрядами, страданія фуксовъ — все это еще отголоски времени пеннализма, нѣсколько уже утратившіе свою первоначальную рѣзкость.... Но, послѣдуемъ за раскапникомъ.

«Этимъ веселымъ торжествомъ заключился первый день нашего коммерша. Время было уже за полночь, и мы кое-какъ разбрелись по гостинницамъ мѣстечка, ибо въ одной не доставало помѣщенія. При томъ-же нашему хозяину было-бы обидно, если-бы онъ одинъ получилъ всѣ такіе сувениры, какъ напр. изломанныя кровати, изорванные тюфяки, но за то онъ одинъ пострадалъ отъ наводненія: наша пиршественная зала положительно походила на озеро. На утро, которое наступило для насъ уже около полудня, кто оказался безъ сапоговъ, кто безъ сюртука, кто совсѣмъ безъ платья, и при томъ у всѣхъ была мучительная Katzenjammer. Иные бродили какъ замороженные мухи, но, не смотря на это, все общество отправилось осматривать окрестности. Когда всѣ поутомились и явилась жажда, къ намъ прикатили изъ сосѣдней деревни нѣсколько боченковъ пива, и мы, расположившись

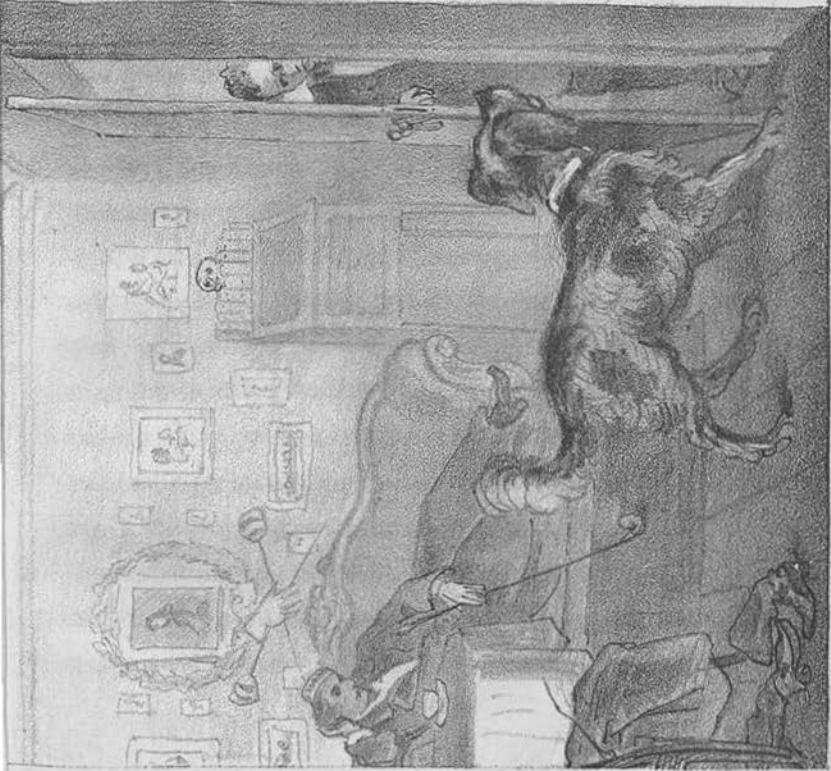
im Grüne, подъ тѣнюю гигантскаго капитана, подкрѣпились на славу. Въ 2 часа мы уже опять были въ мѣстечкѣ ***, веселые и готовые приступить къ обѣду. Подъ вечерокъ, хотя большинство не держалось на ногахъ, всѣ съ музыкой и со знаменами, по два въ рядъ, пошли въ развалины, краснѣвшія на обрывѣ скалы въ лучахъ вечерняго солнца. По дорогѣ надо было обогнуть одну дачу, но такъ какъ всѣ окна и двери были отворены, то мы для сокращенія пути прямо вбѣжали въ двери дома, и выпрыгнули изъ противоположныхъ оконъ, къ великому изумленію его обитателей, и особенно обитательницъ, собравшихся въ залу посмотрѣть на нашу процессію. На горѣ, гдѣ воображеніе такъ живо воскрешало давно минувшую жизнь, гдѣ каждая бойница, каждый осколокъ были свидѣтелями истинно-нѣмецкаго мужества нашихъ предковъ, нашъ пиръ возобновился еще съ большимъ одушевленіемъ, и только наступающая темнота заставила насъ подумать о возвращеніи. Красное пламя факеловъ освѣщало намъ скользкій путь къ рѣкѣ, гдѣ насъ уже ожидала огромная лодка. На кормѣ была густо настлана солома, и на неѣ мы бережно сложили тѣхъ, кто уже не могъ ни стоять, ни сидѣть. Подплывая къ городу, мы сожгли великолѣпный фейерверкъ; вся лодка была убрана разноцвѣтными флагами и фонарями; на аркахъ моста горѣли бенгальскіе огни; ночное эхо звонко вторило нашему оркестру. Филистеры, которымъ давно пора было

спать, любовались съ берега на нашу непобѣдимую армаду, состоявшую изъ одного корабля; къ намъ неслись привѣтственные крики, и въ потемнѣвшемъ воздухѣ развѣвались снѣжно-бѣлые, конечно, дамскіе платочки. Намъ хотѣлось еще пройти черезъ городъ церемоніальнымъ маршемъ, съ факелами, музыкой и пѣснями, но большинство пришлось уложить въ коляски и отправить прямо въ кнейпу, которая должна была продолжаться по крайней мѣрѣ до часу. Церемоніальнымъ маршемъ прошло всего человѣкъ двадцать, съ фонарями въ рукахъ, по два въ рядъ, въ сопровожденіи густой толпы народа.

Третій и послѣдній день коммерша былъ проведенъ также пріятно, но всѣ уже были замѣтно утомлены, и только собирали послѣднія силы. На Frühschoppen пиво не всѣмъ шло въ горло, и у многихъ еще продолжалась *maladie maritime*. Кто жаловался на голову, кто на боль въ груди, у иного была сильно ушиблена рука, у иного вывихнута нога; всѣ какъ-то присмирѣли. Однако въ 2 часа мы таки устроили процессію на славу: впереди ѣхали музыканты; за ними нашъ старый бурншъ верхомъ, въ полной парадной формѣ, со шпагой на голѣ; позади его точно также двое изъ старшихъ буршей въ Кнеірејаскен, со знаменами; потомъ двигалась коляска шестерикомъ съ нашимъ сеніоромъ, а по обѣимъ сторонамъ коляски двое верховыхъ фуксовъ со шпагами на голѣ; потомъ коляска четверикомъ со вторымъ и третьимъ упол-

номоченными, и наконецъ за ними тянулся безконечный рядъ колясокъ, изъ которыхъ въ каждой сидѣло по двое студентовъ съ бутылками въ рукахъ. Черезъ часъ мы были уже въ маленькомъ городѣ ***, и приступили къ заключительному пиру. Пиво и вино удивительнымъ образомъ ободрили всѣхъ; никакихъ болѣе какъ не бывало, и юношеская веселость снова влетѣла къ намъ, но, увы! она скоро перешла въ оргіи, превзошедшія даже подвиги первыхъ двухъ дней. Память окончательно оставила меня, и здѣсь должны прерваться мои воспоминанія... Они вновь начинаются нѣсколько дней спустя послѣ праздника, когда нашихъ гостей уже давно не было, и когда наша корпоративная жизнь снова вступила въ свою обычную колею».

Таковы пресловутые коммерши нѣмецкихъ студентовъ, столь пышные, столь поэтическіе, когда ихъ не узнаешь поближе. Форма и обрядъ въ нихъ, какъ и во всей жизни коръ-студентовъ, положительно преобладаютъ надъ содержаніемъ. Въ коммершахъ съ тенденціей, празднуемыхъ другими видами корпорацій, не рѣдко можно еще подмѣтить идею, какъ-то примиряющую и съ увлеченіями, и съ излишествомъ; но замкнутые въ самихъ себѣ, отчужденные отъ всего остального міра коры, не принимаютъ участія въ подобныхъ коммершахъ, предпочитая имъ одно беззавѣтное пьянство, прикрытое разноцвѣтными лоскутками и заглушенное музыкой отъ неслишкомъ проницательнаго наблюдателя. Послѣ вступительнаго коммерша

КРЕДИТОРЫ ОСАЖДАЮТЪ.

(Eintritts-Commers) въ коряхъ, и вообще во всѣхъ корпораціяхъ, признающихъ дуэль, начинается дѣятельное занятіе фехтованіемъ, такъ какъ съ этого времени уже оканчиваются такъ называемыя Paukferien. У старыхъ студентовъ пока уже затянулись всѣ раны и царапины, носы прищипали первоначальную форму, и ихъ можно снова пустить въ дѣло. Новички съ завистью смотрятъ на рубцы и шрамы заслуженныхъ буршей, и спѣшатъ сами запасть таковыми, съ сладкимъ трепетомъ ожидая для себя дня мензуры.

По общепринятому обычаю, мензура происходитъ два-три раза въ недѣлю, и подготовленіемъ къ ней служатъ уроки фехтованія (Fecht-Stunden). Ее нельзя назвать дуэлью въ собственномъ смыслѣ: это, по выраженію самихъ студентовъ, не болѣе какъ Ritter-Spiel, игра, укрѣпляющая мужество, остатокъ прежнихъ турнировъ. Поединокъ происходитъ обыкновенно не изъ-за вражды, иногда даже не по собственному выбору, а по назначенію конвента сеніоровъ (S.C.), или просто кнейпы, и притомъ всегда между членами двухъ различныхъ корпорацій. Въ опредѣленные для того дни (Bestimm-Tage) второй уполномоченный (Schargirter) записываетъ имена тѣхъ студентовъ, которые на завтра должны драться (losgehen) и пересылаетъ эту записку сеніору другой корпораціи, за которой очередь выставить противниковъ. Затѣмъ вызванная корпорація избираетъ себѣ посредника (Unparteischer), обыкновенно сеніора какой нибудь третьей корпораціи. На

другой день, въ назначенный часъ, противники, ихъ корпораціи и всѣ заинтересованные въ дѣлѣ студенты собираются гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ за городомъ. Отвергающихъ дуэль корпорацій, напр. Verbindungen, въ иныхъ университетахъ недопускаютъ быть даже зрителями мензуръ, какъ обычая священнаго, который профаны могутъ только осквернить своимъ присутствіемъ. Во всякомъ случаѣ народу собирается на мензуръ не мало, такъ какъ законъ допускаетъ специально-приглашенныхъ зрителей. Пока одни готовятся къ дракѣ, другіе ganz gemüthlich пьютъ пиво, или играютъ въ карты. Всюду мелкаютъ желтыя, красныя, бѣлыя, зеленыя фуражки, слышатся споры и предположенія объ исходѣ поединка. Лѣтомъ всѣ располагаются подъ открытымъ небомъ, въ свѣжей зелени, и общая картина бываетъ не лишена прелести.....

Но вотъ первая пара *паукантовъ* уже готова, въ полномъ облаченіи: они въ толстыхъ холстинныхъ рубашкахъ, подъ лѣвой мышкой у нихъ подвязана неудобопрокалываемая подушечка, набитая желѣзными колечками; на правой рукѣ натянуть толстый, весьма тяжелый шелковый чахолъ, или цилиндръ, съ перчаткой, также снабженной желѣзными колечками и защищающей кисть руки; между ногъ прикрѣплена толстая замшевая подушка; отъ половины груди и до половины голеней подвязана такъ называемыя Pauckhosen изъ сложенной въ нѣсколько рядовъ парусины; шея въ три раза окутана толстымъ и широкимъ шолковымъ

бандажемъ; на лѣвой рукѣ также перчатка съ шолковымъ цилиндромъ; на глазахъ толстые и выпуклые желѣзные очки; на головѣ странная фуражка, у фукса съ козырькомъ до половины носа, а у бурша вовсе безъ козырька; носъ, подбородокъ, щеки и верхняя часть груди открыты. Пауканты устанавливаются и возбуждаютъ всеобщее напряженное вниманіе; только стаи студенческихъ собакъ по временамъ производить безпорядокъ..... При такомъ поединкѣ непременно участвуютъ всего 8 человѣкъ: два пауканта, два секунданта въ полномъ облаченіи, два тестанта, наблюдающихъ за исправностью оружія, посредникъ (Unparteiischer) и медикъ (Paukdoctor) — иначе поединокъ не можетъ состояться.

Наконецъ надежно забандажированные бойцы стоятъ другъ противъ друга; по лѣвой сторонѣ каждого помѣщается въ отважной позѣ его секундантъ, а по правой — тестантъ; посредникъ поодаль съ часами. «Wir sind fertig!» восклицаетъ секундантъ той стороны, которая раньше готова. «Wir auch!» отвѣчаетъ секундантъ его противника. «Wir bitten um Silentium!» обращается первый къ посреднику, который тотчасъ провозглашаетъ: Silentium! Тестанты подаютъ бойцамъ шпаги съ цвѣтами ихъ корпорацій, и второй секундантъ кричитъ: «auf die Mensur, fertig, los!» пауканты сходятся, скрепчиваютъ шпаги и — бой начинается. Вся эта процедура безусловно-обязательна... «Halt!» кричитъ одинъ изъ дерущихся, если усталъ, если согнулся клинокъ, или если по-

лучень ужъ черезъ чуръ кровавый ударъ по носу, въ високъ или въ щеку; секунданты тотчасъ подскакиваютъ и парируютъ удары. Иногда паукантамъ, изнемогающимъ отъ тяжести облаченія, позволяется отдохнуть, но не долѣе 15 минутъ: за всѣмъ этимъ наблюдаетъ посредникъ, и, держа въ рукахъ книжку, записываетъ секунда въ секунду всѣ паузы, а также всѣ раны, изъ которыхъ течетъ кровь (Blutige), такъ какъ царапины въ счетъ нейдутъ. Только серьезныя раны, напр. почти отрубленный носъ, насквозь пробитая щека, или перерѣзанная артерія—даютъ право прекратить поединокъ раньше назначеннаго времени, и подобная рана уже называется Abfuhr. До такихъ опасныхъ ранъ дерутся нечасто, вслѣдствіе ссоры, и въ такомъ случаѣ даже съ открытой головой.

Смертные случаи на мензурахъ очень рѣдки, но за то иногда одинъ изъ бойцовъ возвращается съ поединка совершенно безносимъ. Шрамы считаются до того почетными, что студенты нарочно растрavляютъ царапины, чтобы сдѣлать замѣтными воинственные рубцы на лицѣ, ибо это нравится нѣмецкимъ барышнямъ. Какъ бы то ни было, мензура официально запрещена университетскими статутами, устраивается всегда тайкомъ, съ караульными фуксами (Pauk-Affen), и педеля часто охотятся за дерущимися студентами, особенно если дерутся враги, т. е. назвавшіе другъ друга «dummer Junge». Одинъ бывшій студентъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что у нихъ былъ педель, по прозванію Дю-

иенъ; который однажды, желая подкараулить поединокъ, спрятался въ бочку; но студенты подмѣтили это, опрокинули надъ нимъ бочку и продержали его въ ней до конца мензуры. Статутъ о дуэляхъ очень сложенъ и тщательно изучается студентами, ибо виды поединковъ очень различны: а) съ шапками и съ секундантами, б) безъ шапокъ, но съ секундантами, в) дуэль между фуксами, d) дуэль между буршами, е) дуэль до Blutigs, f) дуэль до Abfuhr и т. д. Наблюденіе всѣхъ мельчайшихъ правилъ и обрядовъ наказывается чувствительнымъ денежнымъ штрафомъ.

Спрашивается, что же дурнаго въ этой отважной и вмѣстѣ смѣшной забавѣ, и почему мензура имѣетъ такъ много враговъ, даже среди самого студенчества? Фехтованье, по видимому, — очень полезное укрѣпительное средство и для тѣла, и для духа. Но не такъ на дѣлѣ: тѣло корь-студенты только уродуютъ и, изъ удалства, разслабляютъ постояннымъ пьянствомъ, обратившимся въ догматъ ихъ Bierlehre; духъ-же ихъ искажается высокоуміемъ, которое увеличивается вмѣстѣ съ каждой новой царпиной на лицѣ; при томъ же на эту забаву затрачивается весь запасъ юношескихъ силъ и все время, свободное отъ пьянства, такъ что у исправнаго бурша голова становится, наконецъ, совсѣмъ пустою, лишенною всякой серьезной мысли. Конечно, этому содѣйствуетъ на одна дуэль, но весь строй

корпоративной жизни, которую мы еще далеко не прослѣдили во всѣхъ ея главнѣйшихъ моментахъ.

Молодой человѣкъ, разъ попавшись въ корпорацію, весь отдается ея интересамъ, и насквозь проникается ея принципами, проникается иногда до того, что и въ послѣдствіи жизнь не совершенно отрезвляетъ его, и онъ никакъ не можетъ критически отнестись къ своему прошедшему, изъ безчисленныхъ пошлостей котораго ему привѣтно свѣтитъ его юность, скрашивая все безобразіе этого прошедшаго. Многія «воспоминанія» студенческой жизни, какія мнѣ удалось перечитать, написаны въ элегическо-сентиментальномъ родѣ, и наполнены вздохами о былой свободѣ, объ утраченной свѣжести, о всей поэзіи студенческаго быта прежняго времени. Приведу рассказъ студента сороковыхъ годовъ, напр. о незабвенномъ для него «избраніи пивнаго герцога». «Отправимся скорѣе въ Вѣльницъ (*), гдѣ будетъ избраніе властителя. Нашъ герцогъ — пивной герцогъ; наше царство — пивное царство; пиво — наше оружіе, пивомъ уплачиваются подати и налоги, пивомъ платится все — кромѣ долговъ филистерамъ, такъ какъ долги эти принадлежатъ къ отдѣльному бюджету, который не требуетъ поспѣшности...

(*) Мѣстечко въ горахъ, близъ Іены, основанное Славянами (Сорбами) и называвшееся вѣроятно Вольницей. Вообще окрестности Іены дышатъ воспоминаніями о жившихъ здѣсь и вытѣсненныхъ Нѣмцами Славянахъ. Ихъ языкъ слышится въ названіяхъ: Купницъ, Орла, Господа, Ензыкъ, Лобда, и др.

Какъ могущественъ былъ нашъ пивной герцогъ! Ему дивились всѣ филистеры, всѣ дѣвушки, и сами профессора, встрѣтаясь съ нимъ на улицѣ, почтительно давали ему дорогу; самые отважные педеля не рѣшались нападать на него. Особенно величественъ былъ онъ, когда ѣхалъ въ запряженной шестеркой каретѣ на новыя выборы. Пестрыя толпы студентовъ, въ ихъ серевисахъ и лентахъ, спѣшили туда же; безчисленные кружки пива уже ждали гостей..... И вотъ возсѣлъ нашъ герцогъ на свой тронъ, въ коронѣ, со скиптромъ, и не боялся встрѣтить соперника. Годъ тому назадъ онъ выпилъ 27 кружекъ и получилъ корону, — и кто же теперь сможетъ перепить его, похитить у него его веселое царство! Но земное величіе непрочно! Посмотри, могучій герцогъ, на этого маленькаго, коренастаго, краснощекаго бурша: это опасный соперникъ. Смотри, какъ подъ звуки оркестра онъ спокойно осушаетъ кружку за кружкой, и его жажда все растетъ съ каждымъ глоткомъ.....

«Общая пѣсня долго немолчно звучала, но становилась постепенно слабѣе, и, наконецъ, перешла въ какое-то хрипѣніе, — а бой все длился. Нашъ длинный герцогъ уже выпилъ 20-ю кружку, пересчиталъ осушенные кружки своего маленькаго соперника, и съ ужасомъ насчиталъ также 20! Онъ поднялся съ трона, потребовалъ молчанія, хотѣлъ держать рѣчь; но въ то самое время, какъ его врагъ подносилъ ко рту

21-ю, покачнулся, выронилъ скиптръ и рухнулся наземь. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: міру грозила анархія; но нашъ маленькій претендентъ тотчасъ объявилъ свои права. Онъ привсталъ и, опершись на стулъ, пробормоталъ: «я.... я герцогъ! я.... я.... двадцать семь!....» и безъ чувствъ скатился на землю. Его права были тотчасъ признаны всѣми, поднялся радостный крикъ и пошло общее ликованіе. Немедленно затѣмъ онъ, безъ чувствъ и сознанія, торжественно, съ музыкой, на шестеркѣ въѣхалъ въ свою столицу, какъ нѣкій Бахусъ. Впереди, по сторонамъ, скакали верховые фуксы, и хотя покачивались, но ни одинъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Филистеры смотрѣли на новаго властителя съ священнымъ ужасомъ, а дѣвушки съ сладкимъ трепетомъ. Процессія двигалась медленно, между толпами народа, и узкія улицы Іены оглашались студенческой пѣсней. Но герцогъ нашъ ничего этого не слышалъ. Слѣдующій день также совершенно исчезъ изъ его календаря, и только на третій день къ обѣду пробудился онъ отъ богатырскаго сна. Онъ правилъ годъ, кротко и мудро, и оставилъ по себѣ добрыя воспоминанія.»

И объ этомъ то времени сожалѣетъ раскащикъ и безпрестанно восклицаетъ: «Миновала эта золотая пора! Теперь ужъ бурши не тѣ! Es ist jetzt Alles Lumperei! Теперь фонари и оконныя рамы преспокойно стоятъ на своихъ мѣстахъ, и филистеры невозмутимо спятъ по ночамъ, какъ будто бы такъ и должно!» Но всѣ эти сожа-

лѣнія напрасны: студенческая жизнь въ кѣдрахъ совершенно та же, что и 20 лѣтъ тому назадъ: есть и пивные герцоги, и даже короли, и страсть къ обрядамъ, и бездѣлье, — все идетъ по прежнему.

Съ особенною теплотою вспоминаютъ старые студенты о томъ золотомъ времени, когда они были фуксами, т. е. когда они находились въ какомъ-то рабствѣ у буршей. Фуксъ попадаетъ въ тотъ или другой коръ почти всегда безсознательно, случайно, смотря потому, который изъ нихъ имѣетъ болѣе ловкихъ вербовщиковъ. На первое время новичка подѣть, чему съ удовольствіемъ поддается только что вырвавшійся изъ подъ родительскаго и школьнаго авторитета юноша, а потомъ положительно обираютъ: ѣдятъ, пьютъ, катаются — и все на счетъ фукса, дѣлая это по принципу и съ грубою настойчивостью. Я могъ бы привести множество рассказовъ объ этомъ самихъ студентовъ. Въ этомъ приученіи новичковъ къ расточительности выражается какъ бы реакція филистерской, т. е. общей нѣмецкой *Sparsamkeit*. Ни въ собраніяхъ, ни на кнейпѣ фуксъ не имѣетъ права голоса, не можетъ выходить съ буршемъ на дуэль или на Bier-Mensur, не имѣетъ права быть ни секундантомъ, ни посредникомъ, не смѣетъ провозглашать «*Silentium!*» По приказанію бурша онъ долженъ на кнейпѣ записывать штрафы на черную доску, и платить за него по кофейнямъ. Только въ послѣдній день святокъ, по старинному обычаю, фуксы получаютъ на кнейпѣ

права буршей и даже надѣваютъ ихъ Cerevis съ тремя цѣвѣтами, но и то не иначе, какъ картонныя. Попойка при этомъ случаѣ бываетъ особенно усердна, и справляется множество церемоній, описывать которыя я не стану ⁽¹¹⁾. Иногда, впрочемъ, фуксъ получаетъ голосъ и на обыкновенной кнейпѣ, но не иначе, какъ за особенное отличие: wenn er sich zum Bierehrlichen Bier-Burschen ausgepaukt hat, т. е. за особенную способность пить пиво. Все это, однако, не относится къ фуксу-майору, который избирается изъ буршей наиболѣе ловкихъ и играетъ видную роль шута; его обязанность—пріучить молодыхъ фуксовъ пить какъ можно больше пива, дѣйствуя на нихъ преимущественно собственнымъ примѣромъ. При производствѣ фукса въ бурши происходятъ особенныя церемоніи, строго предписываемыя уставомъ и строго соблюдаемыя. Кандидатъ въ бурши запѣваетъ слѣдующую пѣсню: «Недолго, всего два семестра пробылъ я брандфуксомъ, некогда не думалъ о бережливости, и слѣдовалъ примѣру своихъ товарищей». Бурши поютъ ему отвѣтный куплетъ: «Онъ водилъ насъ на тучныя пастбища и вѣрно служилъ нашему союзу» и т. под. Послѣ каждого куплета фуксъ долженъ пить по полу-шоппену, передъ первымъ же куплетомъ и по послѣднемъ — уставъ опредѣляетъ по цѣлому шоппену. Когда пѣсня спѣта, и требуемые уставомъ 4½ шоппена (ни какъ не менѣе) выпиты, одинъ изъ буршей, избранный самимъ фуксомъ и пившій вмѣстѣ съ нимъ

узаконенное число кружек, торжественно объявляет его удостоеннымъ званія бурша. Еще до этого производства фуксъ-кандидатъ долженъ много пить съ другими фуксами, какъ бы прощаясь съ ними, такъ что подъ конецъ всей процедуры онъ обыкновенно уже лежитъ подъ столомъ, abgefallen, по студенческому выраженію. Въ этомъ состояніи его еще обливаютъ пивомъ, а лицо натираютъ жженой пробкой, и потомъ относятъ въ постель, потѣшаясь надъ мокрымъ и испачканнымъ товарищемъ. Пачканье совершается почти на каждой кнейпѣ надъ тѣми, die abgefallen sind. Кромѣ общаго органическаго разстройства, пиво причиняетъ еще особенный мѣстный вредъ.....

Особенно дорого обходится фуксамъ изученіе устава (Corps-Comment). Разъ въ недѣлю постоянно бываетъ уже ранѣе упоминаемый нами Renoncen-Convent (RC), составляющій для нихъ нѣчто въ родѣ экзамена. Второй уполномоченный задаетъ фуксамъ вопросы изъ устава, и за каждый дурной отвѣтъ взымаетъ по полъ-талера штрафа. Бравые фуксы изъ удалства нарочно неучатъ устава, а предпочитаютъ отдѣлываться талерами, къ удовольствію самого экзаменатора. Въ иныхъ германскихъ университетахъ, взымаются штрафы за просрочку фуксовъ на Fecht-Stunde. Въ RC. все исправно записывается въ протоколъ фуксомъ-протоколистомъ, и засѣданіе оканчивается не иначе, какъ по возглашеніи президентомъ (вторымъ уполномоченнымъ): «Silentium! Ordentlicher Renon-

cen-Convent ist geschlossen!» Вообще наклонность къ формализму и штрафу, преимущественно денежному, до того сильна въ коръ-студентахъ, что кажется непонятнымъ, какую именно свободу воспѣваютъ ихъ пѣсни. На дѣлѣ эта пресловутая свобода есть только отрицаніе всякихъ серьезныхъ, и тѣмъ болѣе ученыхъ занятій... Несамостоятельность фукса обуславливается еще тѣмъ стариннымъ обычаемъ, по которому онъ нѣкоторое время по вступленіи въ корпорацію долженъ быть лейбъ-фуксомъ. Съ извѣстными обрядами онъ избираетъ себѣ лейбъ-бурша, который становится его патрономъ, руководителемъ, учитъ его драться, и посвящаетъ во всѣ мистеріи студенческой жизни, главнымъ же образомъ старается гдѣ только можно поживиться на счетъ своего кліента.

Въ семестръ молодой человѣкъ усвоиваетъ всѣ добродѣтели истиннаго студента и уже смотритъ готовымъ буршемъ. При началѣ новаго семестра онъ уже самъ прилежно бѣгаетъ по трактирамъ и кнейпамъ, чтобы вербовать (keilen) новичковъ. Онъ ловко втирается въ знакомство къ только что прибывшему въ Musenstadt, еще робкому юношѣ, льститъ ему, поднаиваетъ, танцить въ свою коръ-кнейпу, гдѣ величественный сеніоръ оказываетъ новичку всякую благосклонность, — и участь юноши, еще свѣжаго и цвѣтущаго, скоро рѣшается. Вербовка новичковъ лежитъ специально на фуксахъ, и успѣхъ въ этомъ дѣлѣ награждается особеннымъ расположеніемъ всѣхъ старшихъ то-

варищей. Дѣло же это не особенно трудно, такъ какъ въ каждомъ новичкѣ уже есть затаенное влеченіе къ лихой жизни бурша; только скудный вексель, да слезныя просьбы и наставленія родителей мѣшаютъ иному бѣдняку осуществить свои любимѣйшія мечты, взлелеяныя имъ еще на гимназической скамьѣ. Но у сыновей достаточныхъ родителей нѣтъ этихъ отрезвляющихъ стимуловъ: они послѣ самой недолгой борьбы поддаются обольщенію, вступаютъ въ Corps, прокучиваютъ деньги, время, здоровье, и обростають долгами, должая всюду, гдѣ только можно: у портныхъ, сапожниковъ, трактирщиковъ, квартирныхъ хозяевъ, содержателей наемныхъ лошадей, однимъ словомъ у всѣхъ обывателей городка, у всѣхъ, кто только не имѣетъ чести принадлежать къ числу академическихъ гражданъ. Университетскіе законы запрещаютъ вѣрить студенту въ долгъ, не гарантируютъ уплаты кредиторами, — и послѣдніе обыкновенно денно и нощно осаждаютъ закутившагося молодаго человѣка, который, впрочемъ, скоро привыкаетъ съ стоическимъ равнодушіемъ выносить свое осадное положеніе, и даже гордится этимъ. Въ каждомъ университетѣ, въ каждомъ корпѣ есть множество наслѣдственныхъ преданій и анекдотовъ о какомъ нибудь молодцѣ-буршѣ, который счумѣлъ перехитрить всѣхъ своихъ кредиторовъ, и всѣхъ пустилъ въ трубу.

Такимъ образомъ отсутствіе всякихъ серьезныхъ занятій привело корпъ-студентовъ къ необходимости установить

въ своемъ календарѣ множество праздниковъ, церемоній и обрядовъ, съ теченіемъ времени образовавшихъ какой-то циклъ, и отлившихся въ постоянныя, стереотипныя формы, большею частію завѣщанныя еще древними вѣками. Съ нѣкоторыми мы уже познакомились, другіе я вовсе не буду описывать, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы не скоро кончить съ корами. Страсть къ процессіямъ съ факелами до того сильна, что въ маленькихъ городахъ, скудныхъ общественною жизнью, каждый незначительный, по видимому даже совершенно посторонній для корпорацій случай, даетъ поводъ устроить Fackel-Zug, съ пѣснями ходить по городу, и потомъ цѣлую ночь кнейшировать, или даже отпраздновать формальный коммершъ. Такъ напр. коры, индифферентивныя ко всему въ мірѣ, считаютъ долгомъ справить коммершъ или, какъ они называютъ, Gänse-Fress, въ день сожженія Гуса. Умретъ ли кто изъ студентовъ, хотя бы Вингольфитъ, избранъ ли молодой доцентъ въ профессора, выслужилъ ли иной старикъ-профессоръ свой пятидесятилѣтній юбилей, корь-студенты непременно примутъ участіе въ процессіи съ факелами, хотя они едва ли и по имени знали ту знаменитость, въ честь которой гремитъ музыка и пылаютъ факелы. Между тѣмъ въ торжествѣ по случаю пятидесятилѣтія Лейпцигской битвы (1813) корь-студенты не захотѣли принять участіе, и на патріотическомъ праздникѣ гимнастовъ (Turnfest) въ Лейпцигѣ ихъ также не было видно.

СЪ КОММЕРЦІА.

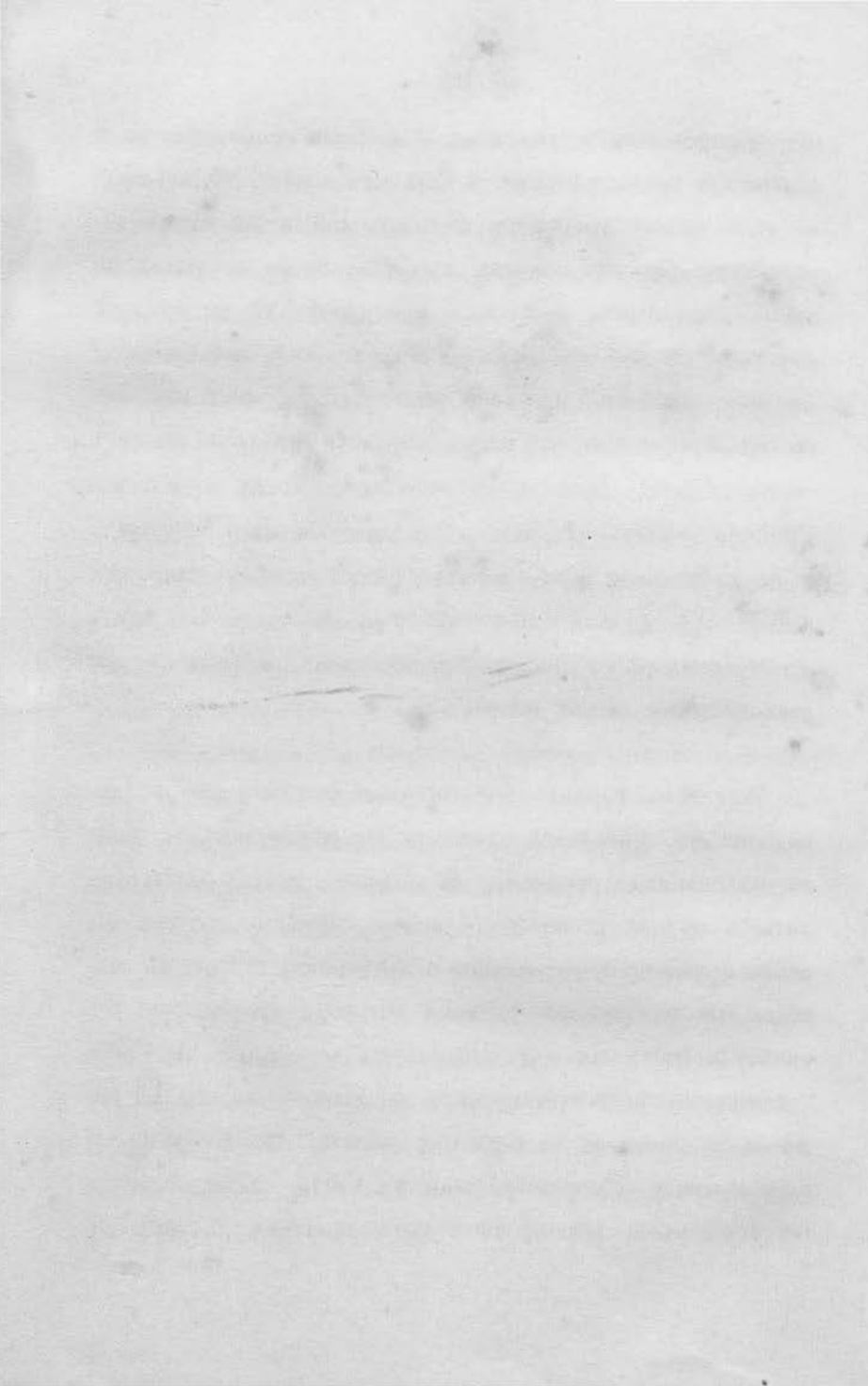

Всѣ отношенія коръ-студентовъ къ окружающему ихъ обществу состоятъ въ томъ, что филистеровъ, ихъ обычныхъ кредиторовъ, они презираютъ, съ подмастерьями и сосѣдними крестьянами ведутъ кровавыя драки, особенно на святкахъ, когда у студентовъ по старинному обычаю бываетъ *freie Nacht*, и когда никакая полиція будто бы не имѣетъ права посягнуть на ихъ абсолютную свободу. Остальныхъ студентовъ они и ненавидятъ, и вмѣстѣ презираютъ, что выражается также по своему; такъ напр. если коръ-студентъ выходитъ на неизбѣжный поединокъ съ врагомъ изъ какой-нибудь *Verbindung* или изъ *Burschenschaft*, — онъ снимаетъ съ себя всѣ корпоративныя декурумы, надѣваетъ филистерскую фуражку, и беретъ шпагу безъ завітныхъ *Corps-Farben*. Объ отношеніяхъ коръ-студентовъ къ профессорамъ ничего нельзя сказать, такъ какъ между ними почти нѣтъ никакихъ отношеній, исключая одного очереднаго проректора, съ которымъ студентамъ приходится часто имѣть дѣло по поводу разныхъ скандальныхъ случаевъ. Но и эти отношенія улеглись въ старинныя, неизмѣнно-нелѣпыя формы. Вотъ рассказъ самого студента еще недавняго времени, хорошо характеризующій ихъ: «Давно-ли миновали тѣ времена, когда въ университетскихъ законахъ еще былъ слѣдующій параграфъ: «Если кто изъ студентовъ умышленно убьетъ ночнаго сторожа, онъ долженъ бытъ судимъ, какъ бы онъ убилъ человѣка», и вотъ нынѣ нерѣдко дѣлаются явныя похищенія старин-

ныхъ студенческихъ правъ. Въ нашемъ университетѣ, какъ и всюду, ежегодно избирался новый Prorector magnificus, и этотъ день былъ счастливѣйшимъ для студентовъ, такъ какъ время междущарствія испоконъ вѣка считалось и считается свободнымъ (freir Abend). Въ честь вновь-избраннаго устраивался пышный Fackel-Zug, играла музыка и гремѣли прощальныя «Vivat!»—Старому же проктору отовсюду неслись задумевныя «Pereat», и летѣли камни въ окна въ благодарность за карцеръ, Consilium, Relegation и т. п. взысканія. Нынѣ же Magnificus, сложивъ съ себя власть, какъ хитрый юристъ, хотѣлъ увернута отъ законной, неизбѣжной для него участи: когда шумная процессія, проходя мимо его оконъ, уже держала готовые камни, чтобы привѣтствовать ими своего прежняго, теперь уже безсильнаго гонителя, ставни оказались крѣпко запертыми. Студенты, оскорбленные такимъ непризнаніемъ ихъ старинныхъ правъ, уже хотѣли снести весь домъ ex-Magnificus'a, но опомнились, и взявъ только каменья поувѣсистѣ, перебили и ставни, и рамы, и стекла, такъ какъ въ этотъ вечеръ самъ законъ ограждалъ ихъ безнаказанность за мщеніе, впрочемъ весьма справедливое,—и съ веселымъ пѣніемъ «Gaudeamus igitur», торжественно двинулись далѣе мимо оторопѣвшихъ и безсильныхъ педелей. Жаль, что этотъ недалководный юристъ не зналъ случая, когда-то происходившаго въ Геттингенѣ. Тамъ почтенный Magnificus, сложивъ съ себя зва-

КОШАЧІЙ КОНЦЕРТЪ.

ніе, заранѣе приготовился къ неизбѣжному оконбитію, и только изъ предосторожности опустил шторы, чтобы камни не такъ далеко летѣли въ комнату. Когда же одинъ черезъ-чуръ большой камень пробилъ штору и упалъ на письменный столъ, почтенный профессоръ не выдержалъ: онъ схватилъ камень, подбѣжалъ къ окошку, и закричавъ: «только какой-нибудь фуксъ могъ бросить такой незаконно-большой камень; ни одинъ порядочный буршъ не могъ этого сдѣлать!» бросилъ его обратно въ толпу студентовъ. Громкое «Vivat» загремѣло вмѣсто обычнаго «Pereat», и на слѣдующее утро — депутація студентовъ, въ шарфахъ и баретахъ, со шпагами наголо, пришла извиниться предъ оскорбленнымъ въ правахъ профессоромъ, и поднесла ему великолѣпныя новыя шторы».

Жизнь въ коряхъ, посвященная франтовству и удовольствіямъ, обходится очень недешево студентамъ даже въ маленькихъ городкахъ, въ которыхъ всегда болѣе кредита, а потому и болѣе соблазновъ. Вообще кредитъ бываетъ прямо пропорціоналенъ получаемому студентомъ векселю, количественная сторона котораго скоро дѣлается извѣстна всему городку. Бѣднякамъ вступленіе въ Corps совершенно недоступно, да и фуксы-вербовщики не гонятся за ними; за то богатому новичку они почти не даютъ проходу. Разъ вступивши въ Corps, иные остаются въ немъ очень долго, достигаютъ высшихъ должностей,

даже сеніорства, и всѣми величаются почетными: «Vemostes Haupt», или «Altes Haus». Такие субъекты обыкновенно деморализируются навсегда, и въ жизни дѣлаются дрянными людьми; иные же, прокутивъ семестръ или два, приходятъ въ память, покидаютъ корпорацію и принимаются за дѣло; иногда же переходятъ въ враждебныя корпораціи. Не мало также умираетъ отъ истощенія и приобрѣтенныхъ болѣзней, и это по большей части бываютъ самыя лихіе, такъ сказать, передовые бурши. Какъ трудно старому буршу покинуть свой корь, это легко представить себѣ; но и въ самый моментъ разлуки такой «старый хрѣнь» остается вѣренъ себѣ.

«Какъ тяжело было нашему милому В, по прозванію Шталмейстеру, разстаться съ своимъ коромъ, въ которомъ онъ подвизался въ теченіи 10 семестровъ! — рассказываетъ одинъ бывшій студентъ нашего времени. Эти 10 семестровъ быстро миновали для него и исчезли, какъ сладкое, игривое сновидѣніе; но память сохранила многое, и все это предстало живо въ его воображеніи въ послѣдній, грустный вечеръ разлуки. Вспомнилось ему, какъ онъ еще невиннымъ фуксомъ впервые вѣхалъ въ ворота «града музъ», богатый и свѣтлыми надеждами, и звонкими талерами, но, увы! вѣтеръ развѣялъ и надежды и талеры! И что ожидало его впереди? Черствый приѣмъ недовольнаго отца, нѣжныя, но горькіе упреки матери, и неизбежное, невзрачное филистерство до самаго гроба. Какъ бы хотѣлось ему вѣчно остаться

веселымъ, безпечнымъ буршемъ!.... Собрались товарищи провести съ этой «поросшей мхомъ головой» послѣдній вечеръ, ибо въ 11 час. ему уже предстояло покинуть городъ. Старику не хотѣлось обнаружить снѣдающую его печаль, и онъ рѣшилъ залить ее пивомъ. Скоро божественный напитокъ снова принесъ ему веселье, и онъ беззаботно пилъ и пѣлъ съ нами:

Als ich Abschied nahm, als ich Abschied nahm,

Waren Kisten und Kasten schwer;

Als ich wieder kam, als ich wieder kam,

War Alles leer!

и это буквально такъ! Все платье, всѣ вещи остались у безжалостныхъ филистеровъ, которые и теперь не выпустили бы нашего Шталмейстера, если бы онъ не уѣзжалъ incognito. Исполнить же послѣднее было тѣмъ легче, что никакихъ чемодановъ не было при немъ, ибо нечего было въ нихъ укладывать.... Въ этотъ незабвенный вечеръ онъ превзошелъ веселостью не только всѣхъ насъ, но и самого себя, и когда ему приходилось оставить нашъ корпоративный погребокъ и перебраться на станцію, ноги уже не держали его болѣе, и скоро онъ уже спалъ сномъ — пьянаго. Не желая прерывать его сонъ — да это и едва ли было бы возможно, — мы положили его на столъ, подняли на руки, и съ веселымъ пѣніемъ: «Vemooster

Bursche, zieh ich aus, Ade!» понесли по соннымъ улицамъ города на станцію, и принеся, бережно положили въ карету. И скоро его не стало съ нами, нашего доблестнаго сеніора, но мы еще долго кричали ему вслѣдъ: «Ade, Ade, Ade, Scheiden und Meiden thut weh!» — Thut weh! — отвѣчало намъ ночное эхо».

Пора и намъ проститься съ корами, шумная и безпутная жизнь которыхъ также наводитъ тоску и не приводитъ ни къ какому примиренію. Въ Германіи, столь богатой разными уродливыми историческими наростами, какъ-то привыкли къ этому явленію, а правительства относятся къ нему какъ бы сочувственно. По крайней мѣрѣ это можно сказать о нѣкоторыхъ владѣтельныхъ домахъ и аристократіи: нынѣшній Баденскій Гросъ-Герцогъ, студировавъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, самъ принадлежалъ къ ко́ру Швабовъ, и даже хаживалъ смотрѣть на дуэли; сынъ нынѣшняго Веймарскаго Гросъ-Герцога, еще и теперь слушающій лекціи въ Гейдельбергѣ, иногда также является въ корпоративной формѣ Вестфаловъ; въ Боннѣ постоянно студируетъ немало разныхъ наслѣдныхъ принцевъ, и они всегда стоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ ко́рами, игнорируя другія, болѣе дѣльные и патріотическія корпораціи. Прусская аристократическая молодежь по преимуществу наполняетъ тѣ ко́ры, которые особенно отличаются роскошью, кутежемъ и феодальнымъ образомъ

мыслей. Конечно въ Германіи, гдѣ такое обиліе въ людяхъ ученыхъ и вообще образованныхъ, нравственная и даже физическая гибель небольшого процента молодежи не составляетъ особеннаго соціального расчета: «худая трава изъ поля вонь!» — но гуманное чувство едва-ли можетъ быть удовлетворено такимъ парадоксомъ....

Въ Германіи все еще надѣются, что съ дальнѣйшимъ улучшеніемъ воспитанія, съ болѣе широкимъ разлитіемъ просвѣщенія въ массахъ, при возвышеніи общей нравственности, кѣры исчезнутъ сами собою, какъ анахронизмъ, противъ котораго уже давно вопіетъ современность. Голоса въ пользу *насильственного* уничтоженія кѣровъ хотя иногда и раздаются, но рѣдко и безуспѣшно: до того распространено въ обществѣ отвращеніе къ насилию, и уваженіе къ живой дѣйствительности, къ историческому явленію жизни. Вѣра въ силу нравственной пропаганды и въ окончательную побѣду разумности, хотя и медленную, но вѣрную, распространена вообще въ Германіи. Только въ прошломъ столѣтіи еще могли даваться подобныя совѣты: «публичное наказаніе дуэлиста 20-ю ударами розогъ по заднимъ частямъ скорѣе уничтожитъ дуэль, чѣмъ всѣ штрафы и карцеры» (*). Вѣра нѣмецкаго общества въ свою молодежь, и особенно въ университетское юношество, на свободу котораго до сихъ поръ не рѣшаются посягнуть,

(*) Ueber die Universitäten in Deutschland. Berlin. 1789. S. 39.

оправдывается самими фактами: такъ какъ въ юношествахъ всегда преобладаютъ высшіе, нравственные интересы, то самые сильные и опасные враги едоровъ, стремящіеся къ ихъ окончательному уничтоженію, вышли, какъ мы упоминали, изъ самого же студенчества, и особенно въ лицѣ буршениафствъ, которыя, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, всё-же могутъ быть названы болѣе достойнымъ выраженіемъ юношескаго духа.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

БУРШЕНШАФСТВА, КАКЪ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРОГРЕССИВНАГО НАЧАЛА.

Начало кѣровъ, по ихъ духу и формамъ, коренится, какъ мы видѣли, еще въ средневѣковой древности, только съ нѣкоторыми историческими придатками позднѣйшихъ эпохъ; буршеншафства и всѣ другіе виды корпорацій принадлежатъ уже новому времени. Хотя собственно Corps въ ихъ современномъ видѣ появились въ началѣ нынѣшняго столѣтія; но это были только переродившіяся Landsmannschaften, которыя въ свою очередь составляли продолженіе первобытныхъ Nationen, возникшихъ еще въ Италіи, Испаніи и Франціи. Коры, получивъ въ десятихъ годахъ новую и крѣпкую организацію, формы которой держатся и до сихъ поръ, естественно стремились къ преобладанію, и старались захватить въ свои руки всѣ студенческія дѣла. *Конвентъ сеніоровъ* объявилъ, что онъ—единственный и законный представи-

тель студенческихъ интересовъ, что ему одному принадлежить право издавать законы (конечно, для студентовъ, и то относительно ихъ внутренней академической жизни), устроить торжества, производить судъ и расправу. Непризнающихъ авторитета конвента преслѣдовало исключеніе изъ общества. Въ такомъ положеніи была студенческая жизнь во всѣхъ германскихъ университетахъ, и до 1813 года, то есть до войны за освобожденіе, притязательность и деспотизмъ кѣровъ все возрастали. Но для прочнаго установленія своего авторитета имъ недоставало *нравственной* силы, а другой силы юношество никогда и нигдѣ не признавало. Тогдашняя испорченность еще молодыхъ кѣровъ ни мало не уступала нынѣшней. Вотъ что говоритъ, напр. историкъ Тюбингенскаго университета о тамошнихъ корпораціяхъ начала нашего столѣтія: «Съ грубостью и неприличіемъ тона, господствовавшаго въ кѣрахъ, соединялись: излишнее навязываніе коммента, принуждавшаго къ дуэлямъ, и страсть самихъ корпораловъ къ забіячеству и вызову. Кѣры состязались между собою въ пьянствѣ и буянствѣ: для полученія званія «Bierkönig» опредѣлялось выпить 80 шоппеновъ пива; корпорація гордилась тѣми, кто надѣлалъ больше скандаловъ, и избирала его въ представители; единственнымъ стремленіемъ многихъ буршей было — произвести столько скандаловъ, чтобы число ихъ составляло ровно 100, или прослыть первымъ бойцемъ. Чувство

чести до того заглохло, что надуть филистера, не сдержав даннаго ему *честнаго слова*, считалось просто остроумной шуткой, и т. под.» (12). Изъ-за кѣровъ, все студенчество распалось на партіи, — и уже слышались голоса противъ тиранніи безнравственнаго меньшинства, или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ сеніоровъ, надъ большинствомъ, желавшимъ самостоятельности и спокойнаго занятія наукой.

Въ это время началась война за освобожденіе Германіи отъ Французскаго ига, и множество лучшихъ юношей поспѣшило подъ знамя освобожденія. Благодаря великодушной помощи Россіи, нѣмецкая свобода была вновь возвращена. Покинувъ поле битвы, молодые люди опять спѣшили вступить въ университеты, и внесли въ студенчество, разрозненное и деморализовавшееся, новый духъ патріотизма и личнаго достоинства. У всѣхъ явилась идея *единого* отечества, и охватила большую часть университетскаго юношества. Напрасно нѣкоторые правительства старались поддерживать кѣры: имъ было трудно предотвратить этотъ, по понятіямъ кѣровъ расколъ, отторгнувшій отъ нихъ большинство членовъ, которые явно перешли на сторону патріотизма, отвергли прежнее ложное чувство чести и ребяческую дуэль, признали высоту нравственности, пользу науки и святость религіи. Адепты этого новаго, спасительнаго ученія сгруппировались въ новыя общества, и энергически возстали противъ распущенныхъ, надмѣнныхъ кѣровъ, желая теперь уже не од-

ной независимости отъ нихъ, но даже ихъ радикальнаго уничтоженія. Борьба изъ-за идеи перешла въ ожесточенную, но чисто нравственную борьбу за существованіе. Въ это-то замѣчательное время, отъ 1814 по 1816 годъ, и возникли въ Германскихъ университетахъ буршеншафства, исторіи которыхъ мы и прежде касались, но только мимоходомъ. Первая, независимая отъ королей корпорація явилась въ Галлѣ и назвалась *Тевтоніей*. Ея цѣль была — патриотическо-религіозно-нравственная, средствомъ достиженія которой признавалась наука. Всѣ подобныя корпораціи, съ новыми и прекрасными тенденціями, скоро возникли и въ другихъ университетахъ, но юношество не могло отказаться ни отъ фантастическихъ формъ, ни отъ увлеченій: новыя общества, въ пику корамъ, приняли также знамена, цвѣта, гербы, ленты, и вдалились въ ту же замкнутость и исключительность. По формѣ, столь блестящей, прибавлявшей столько гордости корамъ, буршеншафства были не ниже ихъ; по принципамъ-же и по духу — неизмѣримо выше. Хотя общая цѣль противниковъ королей была одна и та же, но въ ближайшемъ пониманіи ея, въ частностяхъ выполненія, обнаружилась разница, давшая начало различію самихъ буршеншафствъ. Такъ напр. главнѣйшіе противники нравственной распущенности и забіячества королей сомкнулись вмѣстѣ, и дали своему обществу приличное названіе: «Союзъ добродѣтели» (*Tugendbund*). Приверженцы науки въ связи съ поэзіей и искусствомъ,

образовали другую корпорацію, назвавшись «Романтиками».

Въ Іенѣ въ 1816 году родилась мысль о единствѣ и связи самихъ буршеншафствъ, разрозненныхъ и разсѣянныхъ по разнымъ университетамъ, и одушевление дошло до того, что *всѣ* Іенскіе студенты, не принадлежавшіе къ корамъ, составили *единую* корпорацію и назвали её просто: «Ienenser Burschenschaft». Въ слѣдующемъ году состоялся праздникъ всѣхъ новыхъ корпорацій въ Вартбургѣ, описанный историкомъ Іенскаго университета (*). Это былъ праздникъ возрожденія нѣмецкаго студенчества и вмѣстѣ 300-лѣтній юбилей реформации. Тутъ было много преувеличеннаго, не зрѣлаго, не понятнаго, но еще больше высокаго, чисто-юношескаго!... Не пиво сообщало собравшимся жаръ и энергію, а чистая любовь къ отечеству, къ его независимости, къ его наукѣ и ея честнымъ дѣтелямъ. Имя Фихте было особенно всѣмъ дорого. На праздникъ были: и вино, и рѣчи, и тосты, и пѣсни, и танцы, и игривая пестрота формъ, и факелы, и музыка съ поэзіей—но была и *идея*, однимъ словомъ было все, чего требуетъ и въ чемъ выражается неискаженная юношеская натура. Въ воображеніи студенты видѣли въ себѣ сильныхъ, могучихъ дѣтелей; но въ дѣйствительности они только пригото-

(*) Geschichte des Jenaischen Stedentenlebens (1548—1858). Von Richard und Robert Keil. Leipzig. 1858. S. 378—407.

лись къ гражданской дѣятельности, запасаясь идеями, знаніями и чувствами. О ребенкѣ и юношѣ никогда не надо судить по тому, какъ онъ себя воображаетъ, а снисходительно видѣть въ немъ то, что онъ есть на дѣлѣ, и *осторожно*, съ любовью, низводить его съ высотъ его идеальнаго міра...

О грандіозности Вартбургскаго праздника достаточно сказать, что въ немъ участвовало до 1800 студентовъ, которые для порядка составили центральный комитетъ изъ 30 выборныхъ отъ 10 нѣмецкихъ университетовъ. Здѣсь заключенъ былъ союзъ между всѣми нѣмецкими университетами, подъ названіемъ: «Allgemeine deutsche Burschenschaft», который обнималъ все студенчество, за исключеніемъ кѣровъ. Число послѣднихъ уже убывало, ибо нѣкоторые, увлекшись общимъ направленіемъ, добровольно перешли къ буршеншафтвамъ, другіе же сами исчезли отъ недостатка членовъ; за то остальные сомкнулись еще плотнѣе. Внутренняя организація ихъ противниковъ была также крѣпка: буршеншафтва имѣли и своихъ сеніоровъ, и секретарей, и свой конвентъ, власть котораго была особенно сильна и благотѣльна въ рѣшеніяхъ такъ называемаго «Суда чести», замѣнивашаго собою поединки: его рѣшенія признавались безусловными, и неповиновеніе наказывалось исключеніемъ изъ корпораціи, съ повѣщеніемъ о томъ и въ другихъ университетахъ.

Такъ какъ германское юношество никогда не было

лишено воспитательныхъ условій свободы (относительной, а не абсолютной), оно часто заблуждалось, колебалось, но всегда находило и выходъ; въ немъ никогда не было наклонности къ безусловному отрицанію; все развитіе, весь процессъ возмужанія совершался постепенно, исподволь, — и общество получало изъ университетовъ не мало новыхъ членовъ уже почти готовыми, съ характеромъ и съ оцѣненными убѣжденіями; оно знало, что эти люди, пройдя бурный періодъ юности и перенеся всѣ его опасности, явятся въ жизни не одними разрушителями, но и строителями.

Понятно, что вся Германія сочувственно встрѣтила буршеншафтства, возникшія свободно, и обѣщавшія въ послѣдствіи обновленіе всей нѣмецкой жизни, благоденствіе нѣмецкаго отечества. Готовясь къ служенію отечеству не одной наукой, но и мечемъ, который уже былъ испытанъ въ войнѣ съ французскими поработителями, многіе бурши не менѣе своихъ противниковъ — корпораловъ, дѣятельно занимались фехтованіемъ и гимнастикой, старались закалить свое тѣло, и отвергли всѣ разслабляющія удовольствія, столь любимыя кѣрами, которые посвящали свою шпагу одной нѣтушней дуэли, и изъ любви къ отечеству каждый день до безчувствія напивались пивомъ.

При всемъ стремленіи буршеншафствъ къ единству, его однако не было на дѣлѣ, какъ нѣтъ до сихъ поръ на дѣлѣ и политическаго единства Германіи: при всей искренности желанія, молодымъ людямъ, конечно, еще не до-

ставало умѣнья и характера для его выполненія. Этимъ-то и отличается отъ мужескаго возраста юношескій, за-тѣи котораго рѣдко достигаютъ полнаго практическаго осуществленія. Юноша не можетъ, и не обязанъ быть практикомъ, и требовать отъ него практическаго умѣнья, значить — не понимать юношескаго темперамента, и какъ бы признавать несовершеннолѣтняго гражданскимъ дѣятелемъ, которымъ онъ себя *воображаетъ*. Ребенокъ, разбѣзжающій верхомъ на палочкѣ, искренно выдаетъ себя за генерала, но мы не вѣримъ ему, не наказываемъ его, а напротивъ, даемъ ему просторъ. Почему-же права юноши такъ мало признаны? Его психическія потребности тѣ-же, хотя содержаніе его фантазіи и другое. Отсутствіе фантазіи или творческаго стремленія какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, есть явный признакъ бездарности; пассивность, апатія, робость — суть вѣрные задатки безхарактерности. А для образованія характера нуженъ извѣстный просторъ и опытъ...

Въ Германіи теперь все это сознано и признано почти всѣми, но лѣтъ 40 тому назадъ еще было довольно людей, непонимавшихъ этихъ психическихъ условій, и неумѣвшихъ относиться къ юношеству болѣе педагогически. Буршеншафства встрѣтили на пути своего развитія разныя препятствія, впрочемъ болѣе косвенныя, ибо къ прямому нападенію на себя они неподавали ни

малѣйшаго повода (*). Кѣры, напротивъ, нашли поддержку въ реакціонной партіи, скоро образовавшейся въ Германіи, когда миновала внѣшняя опасность. Старыя привычки, глубоко вросшія въ студенческую жизнь, опять стали брать верхъ: въ 1818 году въ одномъ Тюбингенскомъ университетѣ явилось до 20 кѣровъ, но послѣ нѣкотораго внутренняго броженія, они всѣ соединились и, въ концѣ того-же года образовали одно цѣлое, назвавшееся буршеншафствомъ. Вообще въ студенществѣ продолжалась та быстрая и пестрая измѣнчивость формъ, на которую мы уже указывали: нѣкоторое непостоянство не есть достоинство или недостатокъ юношескаго возраста, а только его свойство, которое дѣлается недостаткомъ только тогда, когда уже переходитъ всякую мѣру, и не уменьшается съ годами.... Идеализмъ буршеншафствъ постоянно такъ или иначе боролся съ анахронизмомъ кѣровъ, которые все-же относительно ослабѣли, и должны были уже не преобладать въ студенществѣ, а только отстаивать права на свое существованіе. Такъ продолжалось до 1831 года, когда въ Германію нахлынулъ новый приливъ идей, и произвелъ движеніе въ обществѣ, а слѣдовательно и въ студенществѣ. Волненіе обнаружилось преимущественно въ южныхъ университетахъ.

(*) Исключая, впрочемъ, такіе случаи, какъ умерщвленіе Коцебу Заномъ, имѣвшее неурядицы для буршеншафствъ послѣдствія.

Многіе студенты, защитники чисто-ученыхъ интересовъ своего сословія, требовали самыхъ радикальныхъ измѣненій въ образѣ жизни студенчества, и особенно рѣшительно выступили противъ устарѣвшихъ традицій и слишкомъ пестрыхъ наружныхъ формъ. Такимъ образомъ они вступили въ борьбу не только съ корами, но и съ буршеншафствами, такъ что внутренній раздоръ охватилъ все тогдашнее студенчество: междоусобія и дуэли сдѣлались самымъ обычнымъ явленіемъ. Не смотря однако на все это, у большинства были въ ходу сине-бѣло-красные кокарды; по улицамъ университетскихъ городовъ безпрестанно расхаживали процессіи и на площадяхъ гремѣла музыка.

Въ іюльмѣсяцѣ 1848 коры одиннадцати университетовъ, уstraшенные вновь возрастающимъ могуществомъ ихъ противниковъ, особенно буршеншафствъ, имѣли *свой* съѣздъ и порѣшили общими силами противодѣйствовать исполненію Вартбургскихъ реформаціонныхъ проектовъ. Какъ первый призывъ къ реформѣ вышелъ изъ Іены, такъ первый голосъ за старый университетскій порядокъ раздался изъ Гейдельберга, гдѣ и по нынѣ еще преобладаетъ *Bierintelligenz*, и по прежнему процвѣтаетъ *Corpswesen* со всѣми его прелестями. Кое гдѣ явились однако попытки сближенія съ корами въ интересахъ всего нѣмецкаго студенчества, — но различіе частныхъ стремленій было слишкомъ велико, чтобы такое сближеніе могло упрочиться. Процессъ распаденія на отдѣльныя корпораціи непрерывно про-

10

должался и продолжается до сихъ поръ. Буршеншафства постоянно были ядромъ лучшаго студенчества, наиболѣе достойными его представителями, ибо кóры, какъ мы знаемъ, слишкомъ преданы бурной жизни и старымъ традиціямъ, союзы же (Verbindungen) ударились въ другую крайность, и отвергли многое изъ тѣхъ формъ и идей, безъ которыхъ не можетъ жить юность; иные отказались даже отъ всякаго корпоративнаго начала и живутъ изолированную жизнью, столь вредною для всесторонняго юношескаго развитія; иные, наконецъ, какъ Вингольфиты, основали свое братство на піетизмъ и ханжествѣ, свойственныхъ только немногимъ юношескимъ натурамъ. Одни буршеншафства сумѣли занять средину между всѣми этими крайностями и соединить: нравственность, религіозность, патріотизмъ, — съ преданностью наукѣ, дружбѣ и веселью. Ихъ внутренняя организація подобна кóрамъ, но не доходитъ до ихъ мелочности, и оставляетъ довольно простора для личной самостоятельности каждаго члена; въ то же время нѣкоторая пестрота формъ, игра цвѣтовъ, выполненіе иныхъ старинныхъ студенческихъ обрядовъ, — удовлетворяютъ потребностямъ юношеской фантазіи, красятъ и веселятъ молодую жизнь, но не убиваютъ стремленій духа къ идеѣ, къ знанію, не губятъ всего времени и молодого здоровья, дѣятельно укрѣпляемаго гимнастикой и фехтованіемъ. Народная, патріотическая пѣсня есть постоянный спутникъ такого бурша: она ободряетъ и освѣжаетъ его послѣ уединеннаго труда, когда онъ при-

ходить въ дружный кружокъ своихъ товарищей, распить съ ними кружку-другую добраго пива.

Статуты нынѣшнихъ буршеншафствъ по сущности и духу почти тѣ же, которые сложились еще въ 1818 г. (*), незабвенномъ и для нынѣшняго разумнаго бурша. Они содержатъ опредѣленія о дѣятельности каждаго изъ выборовныхъ: сеніора, секретаря, фукса-майора и тому под., и о необходимомъ порядкѣ въ собраніяхъ. Опредѣляется также время для всѣхъ обще-обязательныхъ занятій, каковы: еженедѣльная общая кнейпа, гимнастика, фехтованіе. Каждый вступающій долженъ признавать себя истиннымъ христіаниномъ, нѣмцемъ и честнымъ человѣкомъ (§ 168 Іенскаго устава). Различіе членовъ по происхожденію не признается въ буршеншафствѣ, и каждый говоритъ другому *ты*. Только бѣлая опытность и *личныя* достоинства даютъ право быть избраннымъ въ комитетъ, такъ что младшій членъ можетъ быть избранъ помимо старшаго и т. под. Карлъ Раумеръ, хорошій знатокъ и строгій судья своего отечественнаго студенчества, говорить съ большимъ сочувствіемъ о буршеншафствахъ своего времени, и всѣ историки отдѣльныхъ университетовъ относятся къ нимъ съ любовью и надеждою. Сюда же, къ числу лучшихъ корпорацій, надо причислить тамъ и сямъ разсѣянные Progress-Verbindun-

(*) Послѣ Варгбургскаго съѣзда.

ген.... Но все это принадлежит уже исторіи, хотя и очень близкой къ намъ: остается взглянуть преимущественно на современное положеніе буршеншафствъ.

Всѣ стремленія нынѣшнихъ буршеншафствъ направлены къ исправленію исторически-образовавшихся недостатковъ нѣмецкаго студенчества. Источникъ всѣхъ этихъ недостатковъ они видятъ въ отрѣшенности университетскаго сословія отъ общества и его живыхъ интересовъ, въ старинной приверженности академическихъ гражданъ къ привилегіямъ и исключительности. Въ этомъ отношеніи главнѣйшими послѣ ко́ровъ противниками буршеншафствъ являются такъ назыв. землячества (Landsmannschaften) съ ихъ индифферентизмомъ, наслѣдованнымъ еще изъ прошедшаго столѣтія. Прибавимъ, что пропаганда прежнихъ орденовъ, потерявшихъ, наконецъ, въ формальностяхъ, отчасти также нашла въ современныхъ буршеншафствахъ своихъ преемниковъ. Главнѣйшимъ же моментомъ въ ихъ жизни надо назвать — любовь къ своему народу, благу котораго они посвящаютъ всѣ свои силы, и съ этою цѣлію развиваютъ ихъ на научномъ трудѣ. Мелкій эгоизмъ, преслѣдованіе однѣхъ личныхъ выгодъ, они называютъ *филистерствомъ*, слѣдовательно придаютъ этому слову нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ аристократическіе коры. Для общественнаго самообразованія, которое буршеншафства считаютъ обязательнымъ и необходимымъ для cadaго будущаго гражданина, они занимаются исто-

ріей и дѣятельно слѣдятъ за газетами, — но далеко не воображаютъ себя практическими дѣятелями. Не только университетскія власти, но и правительства (за исключеніемъ Австрійскаго) питаютъ къ нимъ, по этому, полное довѣріе, зная, что они наименѣе всего заражены незрѣлыми претензіями, и спокойно работаютъ для своего образованія. И дѣйствительно, члены буршеншафствъ нынѣ вовсе не выходятъ изъ предѣловъ академической жизни, хотя ихъ чувства живо отзываются на всѣ современныя событія, къ которымъ въ послѣднее время принадлежитъ, напр. Шлезвигъ-Гольштинское дѣло. Чувство легальности, или законнаго порядка, воспитываетъ въ нихъ не одна наука, которою они занимаются болѣе или менѣе усердно, но и вся гражданская, окружающая ихъ жизнь, безъ самодурства и произвола. Не видно ли изъ этого, что не студенчество воспитываетъ общество, а наоборотъ: общество имѣетъ неотразимое вліяніе на характеръ студенчества, которое бываетъ тѣмъ образованнѣе, чѣмъ образованнѣе само общество. Всѣ его дурныя и хорошія элементы отзываются, какъ мы видѣли, въ нѣмецкомъ студенществѣ: и феодализмъ, и прогрессизмъ, и патріотизмъ, и шетизмъ, и индифферентизмъ, переходящій, наконецъ, въ тупое и скаредное филистерство, которымъ такъ заражено нѣмецкое мѣщанство... Нынѣшнія буршеншафства, принявъ многое отъ своихъ предшественниковъ, многое нашли уже изжившимъ, иное же слишкомъ неопредѣленнымъ и мечтательнымъ.

«Взгляды прежнихъ буршеншафствъ, — пишетъ одинъ Бреславскій студентъ, — какъ въ религіозной, такъ и въ политической области, были до того туманны и запутанны, что нынѣ они едва ли могутъ показаться удовлетворительными. Прежнія буршеншафства во многомъ были вѣрнымъ отпечаткомъ всей нѣмецкой образованности тогдашняго времени, когда искали спасенія въ однихъ отвлеченныхъ принципахъ, или въ пустыхъ виѣшностяхъ и въ смѣшныхъ особенностяхъ нѣмецкой народности» (13). Такое сознаніе говоритъ много въ пользу меньшинства современнаго студенчества Германіи, вообще стремящагося къ обновленію студенческой жизни на началахъ буршеншафствъ. «Нынѣшнія буршеншафства, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — есть необходимая предварительная школа для будущихъ гражданъ государства, представляющая всѣ средства къ свободному самообразованію, для вступленія потѣмъ въ политическую и общественную жизнь нѣмецкаго народа. Кѣры оставляютъ эту задачу совершенно въ сторонѣ, а ихъ главный принципъ есть такъ назыв. *Vergnügungsprincip*, который, естественно, не приводитъ къ наукѣ, а отводитъ отъ нея. Поэтому буршеншафства питаютъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе». «Человѣкъ безъ убѣжденій и взглядовъ не есть *образованный* человѣкъ, — а убѣжденія приобрѣтаются только послѣ основательнаго, глубокаго занятія наукой, «*nur nach ernstem, tiefem Studium*», — говорятъ такіе бурши своимъ противникамъ, и съ каждымъ днемъ привлекаютъ болѣе и бо-

лѣе приверженцевъ. «Не есть ли это полнѣйшее извращеніе понятій, когда студентъ не только не уважаетъ теоріи и науки, а даже отвергаетъ ее! Студентъ ли онъ послѣ этого? Образованнымъ человѣкомъ называется не тотъ, кто полагается на одно минутное рѣшеніе, на *женскій разумъ* (Mutterwitz), на врожденную сметку, а тотъ, кто въ свое время, т. е. во время студированія, запасся нужными *принципами*, которые онъ извлекъ изъ *самостоятельнаго* изслѣдованія, изъ сравненія прошедшаго съ настоящимъ, дающаго консеквенціи и для будущаго».

Чѣмъ же отвѣчаютъ на эти доводы шумливые коры? Однимъ *нѣмымъ презрѣніемъ* и желаніемъ превзойти буршеншафства пышностью и пестротой внѣшнихъ формъ, богатствомъ праздниковъ, широтою разгула, однимъ словомъ, той мишурой, на которую такъ падки многіе и многіе юноши, и, увы! даже наши *русскіе* соотечественники, нерѣдко вступающіе въ коры. Неопытность молодыхъ людей, выходящихъ даже изъ нѣмецкихъ гимназій, до того велика, что по признанію самихъ студентовъ, болѣе $\frac{2}{3}$ изъ вступающихъ въ буршеншафства, дѣлаютъ это случайно, совершенно безсознательно, по какимъ нибудь постороннимъ, внѣшнимъ поводамъ, — и только впослѣдствіи входятъ въ ихъ направленіе, которое вообще можно назвать *учено-нравственно-политическимъ*. Нѣкоторые изъ противныхъ буршен-

шафствамъ корпорацій, и особенно такъ назыв. обскуранты (Nichtverbündenten, Wilden, Finken, Kameelen), т. е. отвергающіе корпоративный принципъ и принимающіе въ костюмѣ одинъ черный цвѣтъ, обвиняють ихъ въ томъ, будто бы они принуждаютъ своихъ членовъ къ извѣстному роду убѣжденій, и грѣшатъ нравственнымъ насиліемъ; но, сколько намъ извѣстно, большинство буршеншафствъ, держась основнаго принципа *свободнаго* самообразованія, допускають въ каждомъ различіе убѣжденій, согласно индивидуальности каждаго, и только требуютъ, чтобы они были на чемъ нибудь основаны, чтобы были дѣйствительно *убѣжденіями*, а не фразами съ чужаго голоса, которыми такъ часто любятъ порисоваться иной, выдавая ихъ за убѣжденія. «Чѣмъ больше различія во взглядахъ, тѣмъ болѣе пищи для толковъ и разсужденій, тѣмъ всестороннѣе изслѣдованіе каждаго вопроса» — говорятъ разумные бурши, и стараются проводить это мнѣніе въ своихъ корпораціяхъ. Какъ средство, наиболѣе содѣйствующее сознательному изученію какого либо предмета, и вообще весьма образовательное — чтеніе самостоятельныхъ работъ считается обязательнымъ для каждаго члена буршеншафства. Такія чтенія происходятъ еженедѣльно, и притомъ въ содержаніи ихъ наблюдается возможное разнообразіе, такъ какъ студенты обыкновенно принадлежать къ различнымъ факультетамъ. Изустное изложеніе преобладаетъ надъ письменнымъ, съ цѣлію развитія дара слова; и послѣ

каждаго такого чтенія, или, лучше сказать лекціи, слѣдуетъ ея обсужденіе и горячіе дебаты. Любимой темой для подобныхъ чтеній служатъ преимущественно основные принципы изъ нравственной, государственной или общественной сферы. Каждое хорошее буршеншафство владѣетъ своей библіотекой, состоящей изъ новѣйшихъ сочиненій по государственному праву, политической экономіи, исторіи и философіи, ибо въ университетскихъ библіотекахъ рѣдко можно найти новѣйшія книги, а если иныя и есть, то всегда расхvatаны. Богатство своей частной библіотеки составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, которымъ гордятся буршеншафства, и жертвуютъ для него послѣдними средствами (*).

Такимъ образомъ какъ между отдѣльными буршеншафствами, такъ и между ихъ отдѣльными членами всегда существуетъ благородное соревнованіе въ трудѣ, знаніи и преданности общему благу. Заботы студентовъ о развитіи въ себѣ дара слова могутъ показаться излишними, такъ какъ въ различныхъ факультетахъ существуютъ Disputatoria, а въ семинаріяхъ лучшихъ профессоровъ пишутся ученныя диссертациі; но все это приносить, по мнѣнію буршей, только незначительную пользу, происходя довольно рѣдко; да и участву-

(*) Въ Прагѣ, напр. такая студенческая библіотека заключаетъ 6660 томовъ и 122 періодическихъ изданія.

ють въ этихъ занятіяхъ уже старые, болѣе опытные студенты, а новички стѣсняются и избѣгаютъ, въ семинаріи же иногда и вовсе не допускаются. Въ корпораціи, напротивъ, товарищеская дружба и откровенность ободряютъ даже самыхъ робкихъ, и вызываютъ въ нихъ желаніе испытать свои силы. Гдѣ соберутся члены иного буршеншафта, тамъ чаще всего можно слышать дѣльный разговоръ: будь то на загородной прогулкѣ, или въ кондитерской: ихъ чаще всего встрѣтишь въ аудиторіи, въ университетской библіотекѣ, или въ музеѣ за чтеніемъ газетъ. Такъ какъ въ каждой изъ подобныхъ корпорацій есть всегда нѣсколько члѣвъкъ болѣе или менѣе уже зрѣлыхъ, то крайности и преувеличенія, иногда возникающія въ головахъ новичковъ, особенно въ философскихъ вопросахъ, скоро и свободно сглаживаются и переходятъ въ трезвое пониманіе вещей. Наиболѣе серьезные споры и несогласія часто переносятся на еженедѣльное собраніе, и обсуждаются здѣсь окончательно. Прибавимъ еще къ характеристикѣ нынѣшнихъ буршеншафтовъ, что въ видахъ тѣснѣйшей связи съ обществомъ и его жизнью, они входятъ въ сношенія съ различными городскими обществами, и преимущественно съ гимнастами, образуя съ ними общій Turnverein. Это считается лучшимъ противодѣйствіемъ замкнутости и проистекающей изъ нея односторонности, или даже враждебности въ отношеніи другихъ сословій.

Консервативнаго духа, которымъ отчасти заражена нѣ-

мецкая жизнь, въ буршеншафствахъ очень мало, и они готовы ко всякой полезной внутренней реформѣ, если только ея потребность дѣлается ощутительной. «Намъ болѣе всего хотѣлось бы поскорѣе истребить эту такъ называемую *поэзію студенчества*, отъ которой все зло; но для этого нужна геркулесовская мощь» — говорилъ мнѣ одинъ студентъ изъ описываемаго мною вида корпорацій, и въ дальнѣйшемъ разговорѣ я узналъ, что подъ *поэзіей* онъ разумѣлъ только ложное ея пониманіе, т. е. ухорство, забіячество, щегольство, пьянство, волокитство и т. п. Онъ доказывалъ мнѣ, что отъ поэзіи цвѣтныхъ лоскутковъ и пива студенту не трудно отказаться, ибо взамѣнъ онъ найдетъ истинную поэзію въ дружбѣ, свободѣ, въ стремленіи къ завѣтному своему идеалу, и въ томъ счастливомъ покоѣ, для котораго у нѣмцевъ есть свое, ничѣмъ незамѣнимое слово «*Gemüthlichkeit*». Но такого широкаго и трезваго пониманія поэтической стороны жизни нельзя найти во всѣхъ буршеншафствахъ, въ иныхъ еще замѣтно не мало остатковъ старинной грубости и формализма, которые не могутъ исчезнуть вдругъ. Однако прекрасные залого, обезпечивающіе будущее развитіе этихъ корпорацій, примиряютъ съ кой-какими остатками вѣковыхъ традицій, омрачающихъ не одно студенчество, но и все европейское общество. Зная большинство нѣмецкихъ студентовъ, научаешься цѣнить достоинства буршеншафствъ, съумѣвшихъ отказаться напр. отъ вкоренившагося обычая тираннизировать фуксовъ и

рубить другъ другу носы на мензурѣ; но въ дѣлѣ чести всегда готовыхъ на серьезный поединокъ.

Впрочемъ, послѣдняго нельзя сказать о всѣхъ буршеншафствахъ, и многія изъ нихъ изъ мелкаго соперничества съ корами выходятъ противъ нихъ на мензурѣ. Иногда же это соперничество выражается и въ менѣ идеальныхъ формахъ; такъ, по газетнымъ извѣстіямъ, въ началѣ Мая 1864 раздоръ между *Вюрибургскими* студентами дошелъ до такой степени, что однажды ночью, въ 12 час. на Domstrasse возгорѣлась кровавая драка между коромъ Нассовія и буршеншафствомъ Арминія; полиціи пришлось разнимать ихъ и, подобравъ раненыхъ, разносить ихъ по домамъ. Вообще во всѣхъ университетехъ, какъ уже упомянуто, господствуетъ въ студенчествѣ постоянный внутренній раздоръ, иногда доходящій до смѣшной мелочности, до щепетильнаго соперничества. Когда въ Геттингенѣ студенты вздумали отпраздновать процессіей юбилей Лейпцигской битвы (18 Окт.), между корами, буршеншафствами, союзами и «дикими» вышелъ раздоръ изъ за того, кому-какое мѣсто слѣдуетъ занимать въ Fackelzug'ѣ, и такъ какъ ни одна изъ партій не хотѣла уступить, обратились къ проректору, д-ру Германну, съ просьбою вынуть для каждой стороны по жребію, и выпавшія на долю мѣста утвердить и на будущее время. Проректоръ, разрѣшая праздникъ, вынулъ для нихъ жребіи и издалъ *приказъ*, въ которомъ подробно, въ 12 параграфахъ, опредѣлялось каждой корпораціи свое,

судьбой указанное ей мѣсто при торжественныхъ процессіяхъ, и обуславливались всѣ случаи, могущіе впредь повести къ недоразумѣніямъ; напр. § 3-й гласитъ: Буде предложеніе праздника выйдетъ изъ одной партіи, то она партія, еще до полученія разрѣшенія отъ университетскаго начальства, обязуется обратиться къ другимъ партіямъ съ предложеніемъ объ участіи; разрѣшеніе же это можетъ быть даровано каждой партіи и въ такомъ случаѣ, если другія совершенно откажутся отъ участія въ празднествѣ, и т. п. Недавно въ Іенѣ праздновался 50-ти-лѣтній юбилей профессора Геттлинга, извѣстнаго филолога, но такъ какъ инициатива объ устройствѣ, въ честь юбиляра, студенческаго Fackelzug'a вышла изъ конвента сеніоровъ (SC), т. е. отъ кѣровъ, — всѣ остальные корпораціи отказались принять участіе въ процессіи, и изобрѣли свои отдѣльные способы оваціи, въ родѣ серенады подъ окномъ; коры-же тѣмъ не менѣе ходили съ факелами.

Остается еще сказать о современныхъ отношеніяхъ буршеншафствъ между собою, которыя особенно хорошо обрисовываются въ ихъ недавнемъ предпріятіи — устроить общій сѣздъ въ Эйзенахѣ. Этотъ сѣздъ дѣйствительно состоялся 12 Августа 1863 года, и на него явились представители только отъ 13 буршеншафствъ, принадлежащихъ къ 10 различнымъ университетамъ Германіи...

Таковы малоуспѣшныя, но не совершенно безполезныя занятія нынѣшнихъ буршеншафствъ, все еще разроз-

ненныхъ, и потому слабыхъ для совершеннаго подавленія всѣхъ вредныхъ и безобразныхъ корпорацій. Эта борьба внутри самаго студенчества, вѣроятно, будетъ длиться еще не одно столѣтіе, но изъ этой борьбы, со всѣми ея смѣшными и печальными сторонами, все разумное будетъ, конечно, устранять понемногу все неразумное, пока не выиграетъ всего поля. Побѣда совершится хотя и медленно, но прочно и сознательно. Да не точно-ли такъ же движется и вся наша общественная жизнь? О другихъ видахъ корпорацій я не считаю нужнымъ распространяться, по причинѣ недостатка въ нихъ особенной оригинальности, исключая развѣ оригинальности названій въ родѣ Eisbären. Внутренній бытъ разныхъ Verbindungen болѣе напоминаетъ общій складъ буржуазной нѣмецкой жизни съ ея пивомъ, сигарами, кнейпами, съ ея трудолюбіемъ, консерватизмомъ и политическою безтолковостью. Студентовъ названныхъ корпорацій, имѣющихъ также свои цвѣта и знамена, свои чины и празднества, противники ихъ обличаютъ въ Brodstudium — въ ученіи изъ-за хлѣба, и вообще въ духѣ мелкаго филистерства. Живущіе внѣ корпорацій теряютъ уже всякій собственно студенческій оттѣнокъ, — хотя часто и обладаютъ высокими личными достоинствами, любовью къ наукѣ и познаніямъ. Примѣръ безкорыстнаго студенческаго трудолюбія и истинной нравственности я видѣлъ напр. въ кружкѣ молодыхъ людей, составляющихъ педагогическую семинарію Генскаго профессора Стоя, имѣю-

щую также нѣсколько корпоративный характеръ, хотя иные изъ ея членовъ кромѣ того принадлежатъ еще къ какой нибудь корпораціи въ собственномъ смыслѣ, и носятъ ея цвѣта (*).

(*) Объ этомъ см. Отчетъ мой въ Ж. М. Н. П. 1864. Январь.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Взглядъ самихъ Нѣмцевъ на свое студенчество отличается прежде всего любовью къ нему, и такимъ снисхожденіемъ, которое для насъ, Русскихъ, просто непонятно; по крайней мѣрѣ это можно сказать о большинствѣ образованнаго общества Германіи. Масса-же, какъ и вездѣ, темно и смутно понимаетъ: каковы нынѣшніе студенты Германіи, и чѣмъ они должны быть. Простой народъ видитъ въ нихъ опасныхъ и гордыхъ шалуновъ; купечество — ненадежныхъ должниковъ; ремесленники и военные — забіякъ, и во многихъ отношеніяхъ соперниковъ; женскій полъ относится къ нимъ сентиментально — и только. Въ литературѣ Нѣмцевъ также не часто слышится дѣльный судъ надъ студенчествомъ, ибо вся нѣмецкая жизнь улеглась въ такія крѣпкія рамки, что всё кажется самымъ какъ-то хорошо. У историковъ нѣмецкаго студенчества, знающихъ его и съ худыхъ и съ хорошихъ сторонъ, преобладаетъ кроткое снисхожденіе и несокрушимая вѣра въ

юношескую доблесть. Этотъ взглядъ прекрасно выражается особенно у Дольха: «молодое вино, — говоритъ онъ, — прежде, чѣмъ оно станетъ настоящимъ виномъ, должно много перебродить и пѣниться, причемъ бутылки нерѣдко даже лопаются. Юность есть—время броженія». Дѣйствительно: это — самое важное время для образованія характера, требующаго нужнаго для того простора: «*Es bildet sich ein Talent in der Stille, doch ein Charakter in dem Strom der Welt*», — сказалъ Кантъ. Корпорации, въ общемъ значеніи этого слова, въ Германіи считаютъ явленіемъ законнымъ и даже необходимымъ, если только они не принимаютъ въ себя ложныхъ и вредныхъ началъ, что и въ самомъ дѣлѣ не всегда бываетъ. «Академическія товарищества возникаютъ изъ той-же потребности общественности и организаціи, безъ которой большинство людей могло-бы весьма скоро впасть въ совершенное варварство» (14). Вотъ почему Нѣмцы, не смотря на частыя злоупотребленія академическою свободою со стороны студентовъ, все таки гордятся ею, и въ ней видятъ лучшее, единственное средство для самобытнаго развитія юношескаго духа. Приведу мнѣніе объ этомъ предметѣ почтеннаго психолога Эрзмманна: «Для мальчика пора умствованія, размышленія, еще не наступила; для гражданина, обязаннаго имѣть твердыя, выработанныя убѣжденія, она болѣе или менѣе уже миновала; для юноши, напротивъ того, эта пора критики и рефлексированія, есть самый важ-

ный моментъ. Размышленія студента объ общественной жизни, ея строѣ и формахъ, очень естественны, и его политизированіе я строго отличаю отъ той пустой болтовни, которую лучше всего назвать *déraisonnement*. Было-бы также безумно запретить студенту резонировать, какъ запретить врачу заниматься фیزیологіей» (15). И дѣйствительно, гораздо вреднѣе, если этотъ періодъ колебаній настаетъ для человѣка уже тогда, когда онъ вступаетъ во всѣ права гражданской жизни и является въ ней дѣятелемъ.

При всеобщемъ сознаніи достоинствъ своихъ университетовъ, Нѣмцы, и при томъ не одни студенты, чуть не съ презрѣніемъ смотрятъ на иноземные университеты, исключая, развѣ, шведскихъ, о русскихъ же даже не могутъ говорить или слышать безъ улыбки...

Русскіе, отдавая должное уваженіе ученому значенію Германскихъ университетовъ, въ свою очередь насмѣшливо относятся къ быту ихъ студенчества, который каждому свѣжему человѣку тотчасъ бросается въ глаза и поражаетъ своими нелѣпостями. Немногіе даровитые работники, и нынѣ, какъ прежде, исчезаютъ отъ наблюдателя, заслоненные, поглощенные пестрой и бурной массой. Кузенъ, еще не такъ давно изучавшій ученую и учебную жизнь Германіи, остался, какъ извѣстно, очень недоволенъ общимъ направленіемъ ея студенчества. Американецъ *Tairfield*, президентъ одной Мичигамской коллегіи, недавно писалъ изъ Германіи: «Да сохранить небо нашу Аме-

рику отъ нѣмецкихъ университетовъ! Человѣкъ, попавшій въ нѣмецкій университетъ, и успѣвшій вынести изъ него неиспорченную нравственность, можетъ еще болѣе дивиться своему счастью, чѣмъ тѣ два Пражскіе дворянина, которые выскочили изъ окна въ 30 футовъ вышиною и остались притомъ невредимы. Я долженъ открыто сознаться, что совершенно ошибся въ высокомъ мнѣніи о германскомъ студенчествѣ, общая образованность котораго стоитъ не такъ высоко, какъ можно заключать по числу и достоинству библіотекъ и профессоровъ. И въ образованіи, и въ нравственности наши американскія заведенія далеко превосходятъ нѣмецкія».

Вѣроятно коры особенно поразили этого американца, и онъ перенесъ это мнѣніе на все нѣмецкое студенчество, еще ужаснѣйшій приговоръ, надъ которымъ дѣлаетъ извѣстный англійскій этнографъ *Меню*, уже упомянутый нами выше. Онъ долго и тщательно изучалъ нѣмецкую жизнь и студенчество. По его изслѣдованіямъ, число студентовъ въ Германіи простирается до 20,000, и ихъ образованію посвящаютъ свои труды 2,085 профессоровъ! «Въ нашемъ отечествѣ, говоритъ онъ, обычаи и воззрѣнія студентовъ Оксфорда или Кембриджа тѣсно зависятъ отъ моральнаго настроенія цѣлой націи; но также извѣстно, что и студенты, въ свою очередь, являются законодателями моды для нашего остальнаго юношества. Хотя въ старину съ ея «пьяными обществами» съ каждымъ годомъ яв-

лялось у насъ новое поколѣніе пьянствующихъ философовъ и джентльменовъ—въ наши дни подобныя явленія стали почти неизвѣстны въ англійскомъ обществѣ, а разгулъ и распутство студентовъ едва ли не совершенно исчезли. Въ германскихъ университетахъ, напротивъ того, пивопитіе и понынѣ распространено въ той же степени, какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда германцы слыли за самый пьяный и за самый терпѣливый народъ на земномъ шарѣ. Въ Германіи каждый юноша, у котораго пушокъ на бородѣ не болѣе, чѣмъ на черсикиѣ, вступивъ въ университетъ, уже гордится тѣмъ, что онъ можетъ выпить столько кружекъ дряннаго пива, сколько лѣтъ ему самому отъ роду. Эта пьяная жизнь съ ея вкусами и обычаями кипитъ преимущественно въ «пивныхъ домахъ», откуда и выходитъ потомъ то множество пьянствующихъ мужей и отцевъ, которые привыкли къ распутству еще въ юности, которые отдають пиву цѣлую треть своихъ доходовъ, и почти половину своего времени, отчужденные отъ своего заброшеннаго семейства. Такъ какъ въ университетскихъ городахъ Германіи студенты служатъ образцемъ для остальныхъ гражданъ, старающихся подражать ихъ распущенной жизни; то число пьяницъ во всѣхъ классахъ народа болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Кромѣ того все это злоупотребленіе пивомъ сопровождается у студентовъ смѣшнымъ мальчишествомъ и натянутымъ сентиментализмомъ: въ такихъ питейныхъ домахъ

только и слышатся пѣсни студентовъ во славу отечества, приводящія ихъ къ одному безсилію служить ему на дѣлѣ или пожертвовать пфеннигъ на его законныя нужды» (16). Какъ ни оскорблены были нѣмцы книгой Мегью, какъ ни ухищрялись они отмстить ему за неуваженіе къ ихъ народной гордости; но почтенный этнографъ правъ по крайней мѣрѣ во всемъ томъ, что онъ говоритъ о кѣрахъ съ ихъ гнилымъ, искусственнымъ удалствомъ и отжившими правами. Мы же, съ своей стороны, считаемъ несправедливымъ въ лицѣ нѣсколькихъ одичалыхъ корпорацій порицать *все нѣмецкое студентчество*, выводящее столько великихъ, извѣстныхъ всему міру дѣятелей на поприщѣ науки и общественной жизни.

Иена. Май 1864 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(¹) Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universität bis zu den deutschen Freiheitskriegen, von Oskar Dolch. Leipzig, 1858.

(²) Въ изученіи старинныхъ студенческихъ правовъ особенныя услуги оказали: *Толукъ*, *Моль* и *Кюнфель*, но каждый разработалъ преимущественно одну какую либо сторону.

(³) Meiners «Geschichte der Entstehung etc.» Göttingen.

(⁴) Geschichte des jenaischen Studentenlebens, v. 1558—1858. v. Keil. Leipzig. 1858.

(⁵) Die deutschen Universitäten, v. K. Raumer. 1861. 72—161.

(⁶) Appelation an den Geist der Nationen wider den Geist der Universitäten. Hamburg. 1863.

(⁷) Allgemeine akademische Zeitung. 1863, № 14 etc.

(⁸) Macaulay: History of England. VI. 142.

(⁹) Buch d. Erziehung, v. Dr. K. Schmidt. 1854. S. 275.

(¹⁰) Commers-Buch für den deutschen Studenten; 10. Auflage, Leipzig. S. 121, 273, 226. 44.

(¹¹) Англичанинъ *Mayhew* въ своемъ интересномъ сочиненіи «German-life and manners. 2 vol. 1864. London» очень подробно описалъ жизнь германскихъ студентовъ, привелъ пѣсни, ноты, рисунки. Книга написана въ очень рѣзкомъ тонѣ, но многіе факты вѣрны.

(¹²) Geschichte der Universität Tübingen. Von Dr. Kläpfel. 1849. S. 297.

(¹³) Was will und soll die Burschenschaft. Breslau. 1864.

(¹⁴) Huber. — Einige Zweifel und Bemerkungen über die Deutschen Univers. Hamburg. 1853.

(¹⁵) Erdmann. — Vorlesungen über akademisches Leben. Leipzig. 1858.

(¹⁶) Friedrich. — Studentenfahrten. Jena. 1858.

Agave is not in fruit -
Mammals - Deer -
Kutnera

Agave is not in fruit -

Unkown -

139

23

2078
w/1473

12

3

23/438

57

436

57

2265

2007097330